ВТОРАЯ МИРОВАЯ

ВЗГЛЯД ВРАГА

МЕМУАРЫ «ВЛАСОВЦЕВ»

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Проблема сотрудничества советских граждан и части русской эмиграции с немцами в годы Второй мировой войны долгое время находилась за плотной стеной умолчания, а если и освещалась в отечественной исторической науке, то достаточно односторонне и неполно. Однако справедливо говорят, что можно переписать учебники истории, но нельзя изменить прошлого. Без знания данной проблемы невозможен объективный анализ политики как Германии, так и Советского Союза в предвоенный и военный периоды. Кроме того, незнание вопроса, связанного с этой темой, не дает полного ответа и на историю проблемы антисоветского движения в послевоенный период, что в свете сегодняшних политических изменений имеет весьма актуальное значение.

В данном сборнике представлены воспоминания некоторых участников борьбы против советской власти на стороне Германии, как из числа белых эмигрантов, так и бывших советских граждан.

Made for library
LIBRUSEC

- Сост. А . В. Окороков
  - Введение
  - А . В. Окороков,
    -
    - 1943 год
    - Екатеринослав
    - Киев
    - Гомель
    - Март 1943 года
    - Апрель 1943 года
    - Май 1943 года
    - Прощай, Родина!
  - М . Ф. Скородумов[24]
  - А . И. Медынский[27]
    - Часть I
    - Часть 2
    - Часть 3
    - Примечание

- Владыка Нафанаил[37]
- В . Д. Поремский[39]
- Ф . П. Богатырчук
  - Часть I
  - Часть 2
  - Часть 3
  - Часть 4
  - Часть 5
  - Часть 6

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33
  - 34

- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47

Сост. А . В. Окороков
Мемуары власовцев

Введение

Проблема сотрудничества советских граждан и части русской эмиграции с немцами в годы Второй мировой войны долгое время находилась за плотной стеной умолчания, а если и освещалась в отечественной исторической науке, то достаточно односторонне и неполно. Однако справедливо говорят, что можно переписать учебники истории, но нельзя изменить прошлого. Без знания данной проблемы невозможен объективный анализ политики как Германии, так и Советского Союза в предвоенный и военный периоды. Кроме того, незнание вопроса, связанного с этой темой, не дает полного ответа и на историю проблемы антисоветского движения в послевоенный период (период «холодной войны»), что в свете сегодняшних политических изменений имеет весьма актуальное значение.

Сотрудничество советских граждан и представителей русской эмиграции с немцами и их участие в борьбе против СССР (России) в составе германской армии — явление многогранное, связанное в значительной степени с социально-политическими изменениями в нашей стране, наступившими после октября 1917 года. Анализ социально-политических предпосылок возникновения коллаборационизма показывает, что Гражданская война, репрессивная политика органов новой власти по отношению к классовым врагам, проведение жестокой и порой насильственной экономической и социальной политики (расказачивание, раскулачивание, коллективизация и т. п.) стали благодатной почвой для формирования в обществе значительной прослойки людей, недовольных и ненавидящих советскую власть.

Однако процент «обиженных» властью в рядах так называемого Русского освободительного движения, на наш взгляд, составлял не столь уж значительную цифру, которая преподносилась в советской (до перестроечной) исторической литературе. Необходимо оговориться, что реакция на оккупацию Германией на различных советских территориях была не одинакова. Германские войска «как освободители от большевизма» были встречены в основном на территориях, где народы, населявшие эти районы, подверглись в наибольшей степени «перекройке» в области исторических социально-культурных традиций. Резкое нарушение многовекового уклада жизни и отношений в обществе, закрепившихся к началу XX века как своего рода «национальный характер», не могло не вызвать ответной реакции на происходящее.

Особое место в сотрудничестве с внешним врагом СССР в

лице Германии занимает участие в войне представителей русской белой эмиграции. Для них, как многие считали, Вторая мировая война стала как бы продолжением Гражданской. Однако и в этом случае прослеживается несколько причин, связанных с переходом эмигрантов на сторону Германии. В первую очередь это сложившаяся накануне войны политическая обстановка в той или иной стране русской эмиграции. Например, наибольший процент военнослужащих эмигрантов в Русском корпусе и полку «Варяг» дала Югославия. Именно в Югославии в предвоенный период сложилась наиболее неблагоприятная обстановка для русских эмигрантов. Вспыхнуло коммунистическое восстание. «Белые», как классовые враги, подверглись гонению и уничтожению. По ряду сведений, во время коммунистического выступления было убито около 200 русских эмигрантов. Такая ситуация требовала или немедленной эмиграции в другие страны, что было возможно лишь для состоятельных русских, или объединения в воинские формирования под командованием своих хорошо известных и авторитетных русских офицеров и генералов.

Однако и в этом случае говорить о единстве политического мировоззрения у «белых» участников антисоветской борьбы на стороне Германии не приходится. Ошибочно утверждение многих советских авторов об их монархических взглядах. Спектр политических убеждений в среде русской эмиграции был широк. Большее же число военнослужащих белоэмигрантских воинских формирований не имело их вообще. Да и Россия для них определялась уже не по территориальному признаку, а по внутреннему ощущению. Для молодого поколения, рожденного за рубежом, но воспитанного в русском национальном духе, она являлась мифической «Жар-птицей». Для старшего — ностальгическими воспоминаниями о прекрасной жизни и служению Отечеству, прерванных революцией, вмиг превратившей их из блестящих офицеров в рабочих на шахтах или шоферов такси.

Вместе с тем важно отметить, что готовность белой эмиграции и части советских граждан активно бороться против советской власти и сталинского режима разбивалась о жесткую политику Германии в отношении славянских народов. Триумфальное шествие немецкой армии по Европе не подразумевало какой-либо помощи от народов «низшей расы». Такая ситуация продолжалась до тех пор, пока потери в германской армии не стали ощутимы. С этого момента в обход официальной политики национал-социалистической партии и стали появляться первые «добровольные помощники» из числа советских граждан.

В данном сборнике представлены воспоминания некоторых участников борьбы против советской власти на стороне Германии, как из числа белых эмигрантов, так и бывших советских граждан.

Автор-составитель рассматривает эти воспоминания как исторический источник, как информацию к размышлению и как материал для анализа еще недавних трагических событий истории нашего Отечества.

А . В. Окороков,
Доктор исторических наук

Моя последняя — четвёртая — война [1]

1 апреля 1939 года закончилась испанская гражданская война, в которой Испания потеряла около миллиона человек. Страна стала залечивать раны, наступил период благоденствия и расцвета. Но это продолжалось недолго, так как через три месяца началась новая мировая война — из-за «Данцигского коридора»: запальчивые поляки начали войну из-за «коридора», а потеряли весь дом. Если бы они пошли на уступки Германии, то войны и не произошло бы…

Поляки, со свойственным им «естем гоноровый поляк», вообразили, что они армию Гитлера сметут с лица земли. Многочисленная польская кавалерия бросалась в атаку на германские танки, как советская кавалерия в 1918 году на танки Белой армии: «Товарищи, они картонные!..» Вскоре и советчики устремились добивать Польшу. Мы с тревогой следили за противоестественной дружбой между Сталиным и Гитлером, хотя особенно не удивлялись — ведь это Германия насадила в России коммунизм, за что и пользовалась неограниченной помощью со стороны советчиков.

Между тем, после Гражданской войны в Испании мы, русские бойцы, получив производство в сержанты по армии и полагающиеся боевые награды, прибыли в Мадрид и стали понемногу устраиваться. Несколько человек уехали в Африку офицерами в Испанский легион, некоторые поступили на частную службу. Пока устраивались, жили в военном госпитале Барсело, имея стол и дом, бесплатно получили приличные костюмы и зимние пальто. Часто встречались в своей среде, праздновали именины и полковые праздники. Получали в милиции сержантское жалованье, приходя раз в месяц расписываться в получении, и не несли никакой службы.

Все русские участники Испанской войны приняли испанское подданство. Приезжавшие из провинции также поселялись в госпитале, получали подъемные, шили военную форму, а потом уезжали в Африку.

Как-то приехал из Памплоны Костя Гончаренко (был в Пшлиполи юнкером в каком-то военном училище, офицером не был, но его устроили в Легион альфересом — подпоручиком по-нашему). Надев в первый раз форму офицера легиона, он пригласил меня пойти с ним в центр Мадрида. Навстречу идут

солдаты и ему козыряют, а он ноль внимания. Я ему говорю: «Костя, по русскому уставу офицер обязан отвечать на приветствие», а он отвечает: «Ну и черт с ними!»..

Прошло два года с начала войны — нам чуждой и неинтересной. Мы внимательно следили по газетам за развитием событий. В конце июня 1941 года, в разгар советско-германской дружбы, я как-то зашёл к нашему «декану», полковнику Болтину. [2] Он рассказал, что на советской границе немцы сосредоточили около ста дивизий для вторжения. И действительно, через несколько дней немцы вторглись в СССР. Можно было ожидать, что война примет форму крестового похода против мирового врага — коммунизма. В то время трудно было предвидеть, что Пгглер окажется настолько тупоумным и, согласно своей книге «Майн Кампф», пойдёт завоевывать Россию, чтобы превратить многострадальный русский народ в рабов «высшей расы»!

Вся Испания всколыхнулась: общее желание было принять участие в борьбе против коммунизма, причинившего столько бед стране. Правительство генерала Франко пошло навстречу единодушному желанию народа, приступив к формированию «Синей дивизии». Добровольцев в течение нескольких дней записалось больше двадцати тысяч. Своё название дивизия получила от синих рубашек Фаланги. В них и красных беретов карлистов — рекете добровольцы ехали в Германию, где переодевались в немецкое обмундирование. Все участники «Синей дивизии» сохраняли свою службу и жалованье, которое предприятие должно было вносить в банк на текущий счет бойца.

Мы, русские, сразу же предприняли соответствующие шаги — в Мадриде записалось 35 человек, чуть ли не всё мужское население нашей колонии. Лишь несколько человек отказались, считая, что Германия — вековой враг России и освобождать её от коммунизма не собирается. Но так хотелось вступить на Русскую землю после 25 лет изгнания!

Генерал Франко приказал принять русских офицеров с теми чинами, которые они имели в Русской армии. Я тогда жил в пансионе (всё своё нехитрое имущество при отъезде из Франции пришлось бросить) и приготовился на следующий день явиться в казарму, где формировалась «Синяя дивизия». У меня было много книг на испанском языке по масонству и еврейству, и я их отнёс в школу, помещавшуюся в нижнем этаже, подарив учительнице.

Утром нас вызвало испанское начальство и сообщило, что нас желает видеть полковник, военный атташе при германском посольстве. Пошли к нему несколько человек. Со смущённым видом он заявил, что есть приказ Гитлера, воспрещающий белым русским участвовать в рядах германской армии в войне против

СССР. Нам как ведро холодной воды вылили на голову!

Исключение было сделано для нескольких русских, служивших офицерами в Испанском легионе. Потом обнаружилось, что немцы одобрили участие этих офицеров, так как они были уроженцами Малороссии. Тупоумные немцы вообразили, что они обязательно должны быть украинскими самостийниками — однако впоследствии поняли, что ошиблись в этом предположении, и сами потребовали, чтобы этих отобранных ими добровольцев отправили назад в Испанию. Но начальник «Синей дивизии» генерал Муньос Грандес ответил, что «никаких русских офицеров у меня нет, а есть лишь испанские офицеры». Немцам пришлось проглотить пилюлю.

Через три дня «Синяя дивизия» в составе четырёх полков и вспомогательных частей уехала в Германию. Ехали через Францию, на станциях французы провожали проклятиями, так как коммунисты получили инструкции всеми силами защищать «отечество трудящихся», на которое посягнула Германия.

Несколько русских скрыли свое офицерское звание, и пошли простыми добровольцами. По приезде в Германию их сразу же взяли из строя, назначив переводчиками при штабах и частях дивизии. Трингам,[3] Тоцкий[4] и Васька Кривошея[5] пробыли в таком состоянии больше двух лет, до самого возвращения дивизии на родину в Испанию. Офицерами уехали из Легиона Гурский,[6] Николай Кривошея,[7] потом Гончаренко[8] и Артюхов.[9] Через год возвратился Гурский, и я его спросил — какое право он имел вернуться? Он ответил, что не мог переносить налетов авиации. Обиделся на меня чрезвычайно…

«Синяя дивизия» занимала участок фронта в районе Новгорода и озера Ильмень, где понесла большие потери. Через год была послана смена, но добровольцев в этот раз уже не оказалось — испанцы поняли, что немцы ведут войну не против коммунизма, а против России, стремясь поработить русский народ. Поэтому пришлось послать солдат из воинских частей. В конце же 1943 года все испанцы возвратились на родину.

Мы, оставшись на мели, продолжали искать возможности участвовать в борьбе против коммунизма. В конце 1942 года нас нашло итальянское посольство в Мадриде. Начались переговоры. Для итальянской экспедиционной армии, воевавшей на юге России, требовались русские переводчики и коменданты населенных пунктов.

В первую голову должны были ехать в Италию Селиванов,[10] Сладков[11] и я, как более свободные от всяких обязательств, а за нами и другие, даже прежде отказывавшиеся иметь дело с немцами.

Итальянский офицер в штатском из посольства сопровождал нас в главную полицию, где мы через сутки получили заграничные паспорта. Все расходы были за счёт итальянцев. Полковник Болтин устроил у себя «борщ», на котором присутствовали несколько итальянцев из посольства. Их врач, с которым мы уединились в отдельной комнате, нас осмотрел — легкие, сердце, грыжа… Процедура продолжалась недолго — врач был поражён тем, что мы все, люди солидного возраста, обладаем прекрасным здоровьем. К тому времени я подучил немного итальянский язык и мог перекидываться отдельными фразами на «тосканском наречии», как итальянцы называют свой язык.

9 декабря 1942 года утром мы отправились в контору «Ала Италия» итальянской авиационной компании. Ждали долго, так как был туман и итальянский самолёт не мог приземлиться на аэродроме Барахас. Потом поехали в Алкала-де-Генарес (где в своё время учился в университете Мигель Сервантес, автор «Дон Кихота»), где итальянский офицер поручил заботу о нас какому-то итальянцу, летевшему в Рим. Тот сразу же попросил помочь ему провезти десять килограмм кофе. В Италии, видимо, кофе не было, тогда как в Мадриде кофе из Экваториальной Гвинеи было — правда, по карточкам. Но лавочники, у которых мы получали этот продукт по карточке, насильно заставляли брать кофе без карточек — 30 песет кило. А в Италии оно было около тысячи лир кило. Мы не коммерсанты, а могли бы на этом деле хорошо заработать…

Самолёт неслышно поднялся, и часа через два мы были в Барселоне. Аппарат старый, деревянный, делал 250 километров в час, курить воспрещалось. На аэродроме Пратс в Барселоне наш покровитель вручил нам 500 песет (по тогдашнему курсу 50 долларов) и сказал, что мы должны остановиться в наилучшем отеле и утром явиться к машине, которая нас доставит в аэропорт (10 километров). Остановились в хорошем отеле и поехали разыскивать нашего соратника Льва Пылаева,[12] который устроился на службу в Барселоне. «Леончик» («Слон», как мы его величали) как раз собрался в ночную смену. Мы предложили ему найти себе заместителя, за 50 песет он устроил это. Он и жена его, красивая аргентинка, приняли нас очень радушно. Накупили вина, закусок, и мы просидели до поздней ночи. Леончик надрался, провожал нас до отеля и очень расчувствовался — как-никак, мы едем на войну.

Когда наш самолёт приземлился накануне, то я почувствовал резкую боль в ушах — боялся, что барабанные перепонки лопнули, сильная боль продолжалась дня три. Никто меня не предупредил, что уши нужно затыкать ватой, но я это теперь

принял во внимание и туго забил уши ватой.

Утром полетели дальше. Сладков по своей наивности уговорил нас вернуть неистраченные деньги — 200 песет — нашему покровителю, так как за сутки мы не смогли израсходовать полученное. Это был донкихотский жест, так как песеты нам всегда могли пригодиться, хотя и их не разрешалось вывозить из Испании. Мы сдали на аэродроме несколько десятков песет, которые получили потом по возвращении.

Летели на высоте 5 километров, так как была угроза со стороны английских истребителей. Далеко внизу проходил конвой судов, как игрушечных. Остановка в Сардинии (как Селиванов выразился — «на Сардинских островах»). Нас там угостили прекрасным вином — как мы говорили, «от благодарного населения Сардинии». Самолёт пополнил горючее, и полетели дальше. Низко пролетели над Понтийскими болотами, в своё время бывших рассадником лихорадки (при Муссолини они были высушены и заселены). Была чудная погода — а Испанию покинули под туманом и холодом, с попытками снегопада.

На аэродроме поверхностный осмотр — по приказу Военного министерства наши чемоданы не осматривали, лишь отметили мелком. На автомашине прибыли на Пкацца Эзедра (на месте бань Диоклетиана, занимавших огромный участок). Там нас ожидал майор из министерства в штатском, он и повёл нас в Военное министерство. Вид у нашего сопровождающего был непрезентабельный, мы даже подумали, что это какой-нибудь ординарец или писарь, и чуть не всунули ему один из наших чемоданов помочь нести. В Военном министерстве нас встретил полковник Канали, очень симпатичный и представительный офицер, очень приветливый. Нам дали сопровождающего переводчика, сержанта Близко — мы так и не узнали, какой он национальности, с ним на трамвае мы в темноте отправились через весь город, мимо Колизея в Дистрикт 2-й Рима (нечто вроде управления воинского начальника). Там нас накормили солдатским ужином, отвели три койки в казарме.

Сладков поднял хай: «Мы, мол, офицеры и нам должны отвести комнату в отеле…». На шум пришёл капитан, ротный командир, и стал Сладкова успокаивать — «вы должны провести здесь только одну ночь, всё начальство уже ушло по домам, завтра всё уладится». Сладков, конечно, ни одного слова не понял. Он был из молодых, в Галлиполи был в военном училище, никогда не воевал, а пристроился в Париже к Объединению лейб-гвардии Петроградского полка, вообразив себя гвардейцем. Мы с Селивановым спокойно улеглись — постели чистые, с бельём и

подушками, и прекрасно поспали, а Сладков как будто всю ночь провёл, шагая по казарме (где, кстати сказать, ни одного солдата не было, только мы трое).

Только стали располагаться на ночь, как вдруг слышим голос: «Господа офицеры, как я рад вас видеть!» Оказался Чекунов, с галунами сержанта — племянник парижского врача Чекунова, сам в прошлом офицер Лейб-Казачьего полка. Пьян вдребезги. Он на итальянской службе под фамилией Чекони, но из-за его склонности к алкоголю ему не дали офицерского чина. Он нас успокаивал, говоря, что, мол, потерпите, вчера перед вашим приездом и другие были в таком же положении. Очень милый господин, но, к сожалению, всегда был пьян.

Утромнаснапоиликофеидалиподьёмные — по 1850лир. Вечером перекочевали в отель около вокзала «Альберго Рома», на улице Иоанны королевы Болгарии («Джиованна Реджина ди Болгария»). После освещённого Мадрида нам казалось странным — везде затемнение, движение в Риме происходит в темноте. Получили карточки на продукты, одежду. В ресторанах отрезают купоны на хлеб, на макароны и мясо. Ежедневный рацион — 150 грамм хлеба, 100 грамм макарон. Познакомились с неким Мальцевым, с которым близко сошлись. Он в таком же состоянии, как и мы — офицером-переводчиком, женат на красивой итальянке (впоследствии он был послан в Комо, на границе со Швейцарией, и убит красными партизанами; после нашего возвращения из России я посетил его жену и помог ей уехать к родным в провинцию).

Мы получили солдатское обмундирование: шинель, мундир, штаны, две серых рубахи, серый галстук. Отдали портному перешить, но он оказался завален работой и обещал приготовить всё только 29 декабря, а нас уже торопят с отъездом в Россию. Мы считаемся подпоручиками 73-го Туринского полка (сотготенente), но пока ходим в штатской одежде. По утрам являемся на место службы в Дистрикт 2-й Рима. Пришлось выбрать себе итальянскую фамилию — на случай возможного плена и вообще всяких осложнений. Я стал величаться «Соттотенente Габриэли Антонио» (по фамилии матери — Гаврилова). Селиванов стал называться Сельви, а Сладков — Костантини. Настоящие наши фамилии известны были лишь в Дистрикте 2-м и в Военном министерстве.

Это даже удобно — быть «чистокровным итальянцем» — хотя и паспорт «чистокровного испанца» у меня в кармане. Я немного изучил итальянский (тосканский) язык, но понимать итальянцев труднее, чем говорить, так как они говорят быстро и нередко с местным акцентом. С нашим переводчиком сержантом Близко

отправились в офицерский магазин (нечто вроде «Экономического общества» в старой России). Селиванов и Сладков купили прекрасные сапоги, русского покроя, по 300 лир (я привёз сапоги из Испании). Накупили шила-мыла и прочей мелочи. Продают только офицерам по предъявлению документа. Около кассы пришлось наблюдать картину: двое в штатском (итальянские офицеры вне службы ходят в штатском) поспорили из-за очереди, подняли крик, стали тыкать друг другу документы — «я майор, а я подполковник». Я по простоте души вообразил, что они вынут пистолеты и станут стрелять друг в друга, но наш переводчик успокоил — «это обычная манера итальянцев разговаривать».

Стали заводить знакомства. Сладков нас познакомил с милейшим князем Никитой Александровичем, племянником Государя, стали у него бывать, а при отъезде в Россию даже оставили наши чемоданы на хранение. Пошли в Русское собрание, помещавшееся в бывшей студии знаменитого скульптора Кановы, которым руководил герцог Лейхтербергский, князь Романовский (единственный член династии, служивший в Белой армии во флоте). Пришли, там какая-то тётка, которая узнала, кто мы, стала кричать: «Вы против наших собираетесь воевать!..» Оказалась кухарка, из русских полуинтеллигентов. Впрочем, в Риме русская колония — сплошные советские патриоты. Мы, русские испанцы, их впоследствии всех обработали и стали очень популярными людьми.

Заведующая Собранием — вдова адмирала Иванова 13-го, очень милая дама, любительница выпить. Обед в Собрании стоил три с половиной лиры, но нам обходился в десять раз дороже, так как мы покупали неограниченное количество вина и всех угощали. За одним столом сидели с графом Орловым и его супругой, урождённой графиней Шереметьевой — очень милая чета молодоженов. Для них, конечно, мы были более близки, чем советофильствующая русская колония. Остальные были какие-то артисты и вообще «богема».

Ужинать мы ходили в маленький ресторанчик на виа Ольмата, около церкви Санта Мария Маджоре (испанская базилика), там познакомились с католическим священником отцом Николаем Лазаревичем, бывшим русским морским офицером. Хотя его мать и была дочерью православного священника, он по каким-то причинам принял католичество и служил в маленькой церкви неподалеку от базилики — кажется, седьмым священником. Он как-то меня спросил: «Скажите, Габриэли, вы меня презираете за то, что я перешёл в католичество?» Я его успокоил, сказав, что мы — русские —

отличаемся веротерпимостью. Он хорошо знал хозяина ресторанчика и тот, после длительных переговоров, лез в погреб и доставал бутылку прекрасного вина, привезенного из деревни, — только для нас, другим не давал. Обычное вино в Риме — «фраскатти» — ярко-жёлтого цвета, почти оранжевого. Можно было зайти в любой ресторан, заказать вина, которое подавали в графинчике с меткой, можно было брать без всякой закуски.

Пока время было свободное, осматривали Рим — самый интересный город в мире. Раз с Селивановым пошли (в штатском) на площадь Венеции, где ожидался приезд Муссолини. К нам раза три подходили сыщики в штатском и требовали документы — у нас были военные удостоверения. Нас даже хотели представить Муссолини и сестре королевы, великой княгине Анастасии Николаевне, матери герцога Лейхтербергского и вдове великого князя Николая Николаевича, но приём наш не состоялся, не успели.

Мы прожили в Риме три недели, и ежедневно приходилось быть «на взводе», так как мы были вроде «знатных иностранцев», а знатность обязывает: в Русском собрании угощали всех вином вечером за ужином, иногда бывали и в лучших ресторанах. 19 декабря на Святого Николая Сладков закатил свои именины в дорогом ресторане, насобирал гостей человек двадцать пять, на столах дорогое вино, конфеты, даже скрипач подходил и пиликал над ухом душещипательные мелодии. Заплатить у Сладкова не хватило, пришлось мне и Селиванову лезть в карман, пришлось и Мальцеву — сам был виноват, что со Сладковым собирал своих знакомых. На оставшиеся деньги мне пришлось поддерживать моих соратников, так как у них даже денег на папиросы не осталось! В Италии была свободная продажа табака, но только при покупке нужно было сдавать старые обёртки — в стране был бумажный кризис.

В своём маленьком ресторанчике устроили встречу Рождества. К нам пытался пристроиться какой-то семинарист Восточного обряда. Он уверял, что Восточный обряд существует для того, чтобы после свержения коммунизма в России обращать население в католичество. Известно, что Ватикан не протестовал против уничтожения православного духовенства, мечтая занять его место. Я говорил этому семинаристу, что их труды напрасны, так как если какой-нибудь комсомолец и обратится к религии, то будет верить так, как верили его отцы и деды. Я ему напомнил исторический пример: когда рыцари-меченосцы обращали насильственно литовцев в католичество, то литовцы ловили ксендзов и перепиливали их деревянными пилами.

Дед — хозяин ресторана — накрыл огромный стол, доставил блюдо спагетти и с торжественным видом их перемешивал. Подошёл этот семинарист, но я ему сказал, что все места заняты за нашим столом. Больше я его никогда не встречал. Был и отец Николай, ставший для нас своим человеком. Он так к нам был привязан, что, когда мы возвратились из России в Италию, то сказал, что за литургией ежедневно поминал нас. В минуты опасности, когда наша жизнь висела на волоске, мы говорили: «За нас, вероятно, кто-то молится»… Впоследствии мы узнали, что после нашего отъезда «домой», в Испанию, он так загрустил, что попал под трамвай и погиб. Нам было его очень жаль — всё-таки он бывший русский морской офицер…

Наконец, портной приготовил наше обмундирование. Напялили мы офицерскую форму и явились в Дистрикт. Там принесли присягу на револьвере на верность королю, в присутствии полковника. Я немного изучил итальянский язык и прочёл текст присяги удовлетворительно, Селиванов тоже, а Сладков по-итальянски ни бум-бум, но с подсказываниями кое-как сошло.

Поехали на следующий день во Флоренцию, там прекрасная русская церковь. Отстояли литургию, и священник, которого мы знали по Парижу, отпустил нам грехи — ведь мы ехали на подвиг ратный. После церкви большой компанией пошли в железнодорожный ресторан и хорошо пообедали с незнакомыми нам русскими. Во Флоренции мы нацепили наши испанские ордена, а при причастии сняли револьверы (как полагается по Русскому уставу — во время исповеди, причастии и бракосочетании оружие снимается). Хорошо, что в итальянской армии офицеры не носят шашек.

31 декабря приготовились встречать Новый год — условились в ресторанчике «деда», но получили приказание немедленно выехать в Болонью. В 7 часов вечера сели в вагон 1-го класса и Новый год встречали в поезде — то есть никак. Хотя, останься мы в Риме ещё, сели бы на мель, так нас подвели именины Сладкова…

1943 год

В Риме была тёплая погода, но только в пансионе не было отопления — спички отсырели и не зажигались, приходилось на ночь класть под подушку. А в Болонье снег, в домах отопление. Остановились мы около вокзала в большом отеле «Гран Альберго Болонья». Нам отвели большую комнату с тремя кроватями и маленькой детской. Так как Селиванов был небольшого роста, то

мы ему предложили занять детскую кроватку — очень обиделся.

Рано утром отправились на этап «Коммандо таппа для Востока», откуда уходят все поезда на Восточный фронт. Узнали, что поезд в Россию ушёл и следующий отойдет 9 января — девять дней свободных. Этапный маршрут следующий: Болонья — Удине (на границе) — Любляна — Будапешт — Мункач — Стрый — Львов (по-итальянски «Леополи») — Броды — Дубно — Здолбуново — Казатин — Фастов — Киев — Бахмач — Харьков — Купянск и Валуйки.

Болонья — очень интересный город, масса старины, даже есть две наклонных башни — но попроще, чем в Пизе. В центре все улицы с портиками, так что во время дождя можно ходить, не замочившись. Старинный университет, чуть ли не самый старый в мире. Недалеко находится республика Сан-Марино, и студенты иногда развлекаются тем, что на неё делают набет, увозя всю артиллерию республики — несколько старинных пушек. Обедали ежедневно и ужинали в Офицерском собрании — ежедневно макароны и прочие изделия во всех видах, очень вкусно приготовленные; болонская кухня славится на всю Италию. Стоило это недорого. По возвращении домой заходили в кафе — вместо кофе суррогат, с примесью шелухи из какао, но очень вкусно приготовленный. В ресторанах на столах горчица и черный перец — не настоящий, но итальянцы открыли какое-то растение, его заменяющее.

Везде во всем такса — Муссолини установил образцовый порядок. Для своей страны фашизм — прекрасный образ правления, но, к сожалению, агрессивен (Абиссиния, потом Албания, покоренные итальянцами, — так им тесно стало жить на их «сапоге»). Муссолини пытался вдохнуть в нынешних итальянцев дух древнего Рима, но усилия его оказались напрасными.

В общем, в отеле в Болонье мы прожили прекрасно. Перед отъездом получили какие-то деньги плюс аванс — тысячу лир, получили шубы, теплые меховые рукавицы и мазь от обмораживания, а также индивидуальные пакеты, каски и противогазы.

9 января. Снег, холодно, мороз. Отправились на вокзал, благо почти напротив отеля. Погрузили наши «гробы» и мешки в классный вагон для офицеров — койки сняты и вместо них морские гамаки подвесные. Представились нашим попутчикам-офицерам, которых было человек тридцать. В товарных вагонах ехало человек 200 солдат, и в товарных же вагонах везли авиационные бомбы. Начальник поезда — полковник, но мы с ним дела не имели. На перроне купили несколько фиасок вина —

по 2 литра каждая, обмотанных рогожей, как «Кианти».

Проехали Ломбардию. На полях снег. На межах везде фруктовые деревья, перевитые виноградными лозами. Все обочины, вплоть до самых шпал, засеяны — ни одного метра земли не пропадает. Проехали недалеко от Венеции, вечером прибыли на пограничную станцию Уцинэ, зашли во фруктовый магазин какого-то поляка или еврея, говорившего немного по-русски. Я купил ящик апельсинов. В поезде на обед выдали густой суп с макаронами и мясом и по два куска хлеба по 800 грамм каждый. Еда довольно вкусная, но маловато. В Любляне отправились в соседний вагон и там обменяли 100 лир на 10 марок и 6 венгерских пенго. Из Италии воспрещается вывозить лиры, как из Испании песеты. Мы были очень щепетильными, выполняли все распоряжения и избавились от лир, как и от песет, хотя житейский опыт показал, что можно было провезти их некоторое количество, что было бы очень полезным.

11 января. Ехали через Венгрию, купил там венгерских папирос. Фактически весь день ехали по Прикарпатской Руси, язык почти русский, народ сытый — вроде наших хохлов. Впечатление осталось прекрасное. Вечером проехали Львов, но мы его не видели. На следующий день — мороз, градусов 25. Вагон огромный, при входах по маленькой железной печурке, так как отопление снято. Солдаты воруют уголь на станциях. На подвесных койках продувает; подстелил шубу, сверху одеяло и шинель. Но итальянские шинели жиденькие, на «рыбьем меху», и приходилось мерзнуть.

Несмотря на холод, мы, русские, каждое утро брились и были свеженькие, как огурчики, причёсанные, подтянутые. Итальянцы всю дорогу, 10 суток, ехали небритые, но для нас это была уже третья война, опыт был. Полковник, ехавший за старшего, был восхищён нашим видом бравых вояк, пригласил в своё купе и ласково угощал.

Ко мне подошёл военный врач, говоривший по-русски, и стал жаловаться, что в своё время Россия помогла абиссинскому негусу Менелику, послав ему какое-то количество старых берданок, когда наша армия переходила на винтовку Мосина (по сведениям, абиссинцы захватили в плен тысяч 20 итальянцев и всех их кастрировали). Я врачу ответил: «А чего вы полезли в Крымскую войну? Кто вас просил?..» Ему нечем было крыть.

12 января. Утром я проснулся в холодном вагоне, кто-то сказал по итальянски: «Дубно проехали…» Скорее оделся, посмотрел в окно вагона — вся земля покрыта снегом. Дубно — уездный город Волынской губернии, от моего Острога вёрст 50, хотя я там никогда не был. Вспомнилось, как в «Тарасе Бульбе»

запорожцы осаждают Дубно — чего, кстати, на самом деле никогда не было. В Остроге главная улица была Дубенская, шла до казарм 126-го Рыльского полка.

Поезд прибыл в Здолбуново, узловую станцию, это ещё Польша. Станция пустая, только несколько человек бродит по перрону в ранний час. Там когда-то жила моя тётка — спрашивал о ней, никто и не слышал о таковой. Встретил какого-то молодого человека, едет в Острог, передал маленькую записку своему однокласснику Горлецкому, который никогда города не покидал, был чем-то вроде адвоката (несколько лет тому назад умер, женившись через 20 лет на своей бывшей гимназической первой любви).

Природа — красота: все деревья покрыты снегом, около вокзала красивая церковь с пятью зелёными куполами. Воздух чистый. Это уже моя родная Волынь, вотчина князя Андрея Галицкого, древняя русская область. Поляки там издевались над православным населением — за 20 лет своего владычества уничтожили около двух тысяч православных церквей.

Следующая станции — Кривин, в 10-ти верстах от моего города Острога. Оттуда я в июле 1916 года уезжал в Ростов и Новочеркасск для поступления в Добровольческую армию — 25 лет не видел родных мест! Станция всё такая же, как я её оставил, — кажется, впоследствии, во время советского наступления, она была разрушена. Дальше — узловая станция Шепетовка. Вышел на перрон, спросил насчёт своей бабушки, которая когда-то проживала здесь. Здесь был огромный сахарно-рафинадный завод, где служил мой дед и вышел на пенсию. Мне ответил какой-то бородатый дядя, что знал такую — она, мол, эвакуировалась. Но бабушке уже тогда было лет сто, и куда бы она эвакуировалась?.. Вокзал пустой, мне сказали, что можно выпить чаю — суррогат из листьев.

Проехали знакомые места: Казатин, Фастов и Бердичев (еврейская столица). Вид пустынный, но здания вокзалов целы. Ночью проехали Киев, я проснулся в Дарнице. Свернули на север, на Бахмач. В Нежине поезд долго стоял. Спросил насчёт знаменитых нежинских огурцов, но какой-то господин мне пояснил, что при советской власти эта промышленность, снабжавшая всю Россию, исчезла. «Если вы хотите, то я могу вам принести несколько штук, я близко живу». Пока он ходил за огурцами, я наблюдал картину: девочка лет 12-ти вынесла на продажу корзинку луку, толстый немецкий жандарм с усами а-ля Вильгельм её увидел и направился к ней (немцы воспрещали всякую частную торговлю для «низшей расы»). Девочка перебежала на следующий угол полуразрушенной станции. Немец

за ней, она выглядывает из-за другого угла. Поезд тронулся, и я так и не дождался огурцов…

Поезд идёт дальше: направо на горе красивый город — это Чугуев, как я узнал у ехавшего с нами русского проводника. Когда-то там был центр Аракчеевских поселений, а потом пехотное училище. Дальше — станция Бахмач. Против нашего вагона целый букет молоденьких девушек крутит поворотный круг для паровозов — лица розовенькие, свеженькие, прямо красавицы, как наши старые гимназистки. Ими руководит австрийский железнодорожник в своей типичной кепке. Я сказал им несколько комплиментов по-русски, они бросили свой круг и устремились к нашему вагону. Австриец ругается, а они хохочут. Набрал апельсинов, купленных в Удине, и стал им раздавать. Мужчинам стал раздавать коробки итальянских спичек и любовался, как они трудились, чтобы открыть хитроумные коробочки.

Должен сказать, что немцы перешили все русские пути на общеевропейские, и поезда из Италии шли без всяких заминок. Выдали нам горячий обед, и итальянские офицеры накормили и русского проводника, ехавшего в нами в вагоне. Я разговорился с ним, но увидел, что итальянцы на меня смотрят недоверчиво, пришлось сократить разговор.

Ночью проехали хорошо мне знакомый Харьков, остановились до утра на товарной станции Основа. К поезду подошёл какой-то гражданин — что-нибудь купить у нас. Разговорились с ним — оказался хороший знакомый невесты нашего капитана Голбана[13] — их семья проживает в Харькове, передали им привет от Голбана.

Вечером 14 января прибыли на станцию Купянск — места знакомые, так как в 1919 году мы воевали в тех местах. Корниловский ударный полк тогда прошёл мимо станции, не останавливаясь, она была занята конницей генерала Шкуро, и мы наблюдали, как казаки сгружали с вагонов на подводы массу простынь и прочего…

Нас, «испанцев», сгрузили с поезда, так как где-то вблизи должна находиться та часть, куда мы были назначены — «Контрразведывательное отделение штаба 8-й итальянской экспедиционной армии». После телефонных переговоров полковник, начальник поезда, выяснил, что нашей части в Купянске нет. Внесли в вагон обратно наши «гробы» и брезентовые мешки — багаж очень удобный (приспособленный для погрузки на мулов). Поужинали и двинулись дальше на Валуйки — это уже Воронежская губерния, и в 100 верстах оттуда город Острогожск, где я окончил гимназию и служил в 184-м

запасном пехотном полку.

Наша часть должна была быть в Острогожске, но оказалось, что она оттуда уже выехала, там они встречали Рождество. Как жаль, что я не попал в почти родные мне места — моя невеста была оттуда, но уехала в Харьков и там вышла замуж (впоследствии моя добрая знакомая ездила из Соединенных Штатов в СССР, побывала в Харькове, видела свою родню и мою бывшую невесту, которая, узнав, что я служил в итальянской армии, с негодованием воскликнула: «Как, он против наших воевал?!» Но я никогда не считал советчиков «нашими»…).

Из Валуек свернули на юг по новой железной дороге Москва — Донбасс, начатой ещё до революции. В Старобельске нас опять пытались сгрузить, но снова после телефонных переговоров выяснилось, что нашей части там нет.

Как я узнал потом, в Старобельске был лагерь для пленных польских офицеров, которых отсюда отправили на их Голгофу — в Катынь. В их числе был и мой одноклассник по выпуску гимназии, Владек Черняковский, очень милый человек, окончил киевское Константиновкое военное училище. А его брат, тоже нашего выпуска, погиб при защите Киева, как и четверо моих других одноклассников: Колесецкий, Термено, Бреннейзен и Илья Безейко…

Из Старобельска поезд двинулся на Луганск (Ворошиловоград — вышеупомянутый «главковерх» был когда-то рабочим Луганского патронного завода). Красные где-то вблизи. Вечером доехали до станции Кондрашовка и наш паровоз сошёл с рельс. Ночь морозная, вагон холодный, солдаты за апельсины доставали уголь на паровозе. Затопили печки, согрелись, а мороз — градусов пятнадцать. Утром приказание: нам, троим русским «испанцам», вместе с группой итальянских офицеров возвратиться в Купянск с итальянским эшелоном (традоттой), шедшим в Италию.

Вскоре приказ отменили, так как сзади стала слышна пулемётная стрельба, а впереди на Луганск мост разрушен. Получили от немцев новый приказ — оставить поезд, с которым прибыли из Италии. Начальник эшелона взял свой чемодан и слез. Мы последовали его примеру, положив вещи на снег. Итальянские офицеры и солдаты разыскали продуктовый вагон и стали выносить оттуда всякое добро: ящики папирос, варенья, консервов, круги сыра — начальство дальнейшей судьбой казённого имущества не интересовалось. Мы только смотрели на делёж «народного состояния» и участия не принимали — наше дело было лишь наблюдать порядки. Нам тоже солдаты дали папирос и несколько банок консервов. В пути нас кормили

довольно скверно — хотя Муссолини установил для своей армии рацион немногим хуже американского, полковник экономил продукты для известных ему целей…

На морозе ждали часа два — я там отморозил пальцы на ногах в кованных гвоздями ботинках, потом несколько лет кожа зимой шелушилась. Я первым делом выбросил каску и вырвал из мешка противогаз, а сумка мне впоследствии пригодилась — носить под шубой с туалетными принадлежностями (кстати, по возвращении в Италию я в казарме, где мы отбывали карантин, нашёл каску и противогаз для сдачи, иначе вычли бы их стоимость!).

Мимо нас проходят раненые забинтованные немецкие солдаты, пулемётная стрельба уже недалеко. Прибыли итальянские грузовики и стали грузить авиабомбы, нами привезённые из Италии (итальянцы всё оружие, вплоть до малых танков, снаряжение и пщцевые продукты получали из Италии, так что ничем не пользовались от «благодарного населения»). Мы, русские, взгромоздились на бомбы, к нам подсели раненые немецкие солдаты, но через несколько километров заградительный немецкий пост приказал всем немецким солдатам слезть с камионов.

В темноте уже прибыли в Луганск. Ссадили нас на перекрестке около дома, где помещалась итальянская полевая почта. Гололедица, кованые ботинки скользят — ноги разъезжаются. Оставили на почте наше барахло и пошли на этап ужинать.

Столовая помещалась в доме, где когда-то была квартира директора Луганского патронного заводика — впоследствии я переписывался с его дочерью, проживавшей в Тунисе. На этапах за одну оккупационную немецкую марку выдавали хороший обед и вино, а также три папиросы и бутерброд на завтрак. Но итальянцы питали такую ненависть к немцам, что никогда в немецкие столовые старались не заходить. Возвратились на полевую почту — там десятки тысяч писем и газет, на армию в 250 тысяч — корреспонденция колоссальная, не знаю, какова судьба её. Разлеглись на ночь на горах этой корреспонденции.

19 января 1943 года. Наше Крещенье. Утром пришли на почту уборщики — здоровый бородатый дядя с женой и старик осетин. Разговорились: они сообщили, что за последние годы местного коренного населения осталось не больше десятой части, а остальные — пришлые со всех концов страны, так как каждый ищет, где лучше живется. Русский с женой предложили нам остановиться у них и на санках перевезти наше имущество к ним в дом. Вышли на улицу, дядя везёт на санках наши «гробы» и

мешки. Слышен колокольный звон, приглашающий верующих в церковь, навстречу идут детишки в школу — славные мордочки, весёлые, румяные. Они к нам: «Дядя, у вас есть мадонны (иконы с Божьей Матерью)? Спрашиваю: «Куда вы идете, в школу? Так сегодня ведь праздник, наше Крещенье!». Ребята переглянулись: а ведь впрямь праздник, чего же мы в школу пойдем? Дядя говорит: «Да они уже по-новому отпраздновали». Поехали дальше, и не знаю, пошли ли дети в школу, так как они остались в раздумье — идти или нет.

С нами в хате поместилось несколько итальянских офицеров. Помылись, навели красоту, хозяйка вскипятила воду для чая, но пришёл солдат и сказал, что Луганск эвакуируется и нам нужно отправляться на шоссе километра за три, где будет транспорт, который нас заберёт. Опять погрузили наши вещи на санки, хозяин впрягся. Он обращается к нам — там вот, в соседнем доме, итальянская кухня, остаются дрова, так как итальянцы уезжают, — можно ли их забрать? Мы ответили, что можно. Прибыли в указанное место, сгрузили наше имущество и поблагодарили милого человека, но подарить ему было нечего, так как у нас самих ничего не было, но он, верно, остался доволен дровами с итальянской кухни.

Ждали мы на снегу часа два, транспорта нет. Пошли на вокзал, итальянский комендант сказал, что немцы нам никакого содействия не окажут, так как злы на итальянцев за их отход с Дона. Обещал нас завтра устроить на поезд итальянский. Мы узнали, что недалеко должен пройти итальянский авиационный транспорт (направляющийся на Юзовку — Сталино по-советски). Мы нашли двух мальчиков лет по 12-ти с санками, погрузили наше имущество, сами помогали подталкивать санки, расплатились с ними консервами, полученными от итальянцев, «ликвидировавших» продуктовый вагон. Подошли итальянские камионы; мы на ходу бросили в них свои «гробы» и мешки, и вечером прибыли в Алчевскую (Ворошиловск) — там весной 1919 года Корниловский полк вёл бои, хотя я в них не участвовал, так как перед этим был ранен 5 марта при взятии города Дебальцево. В Юзовке при советах было полмиллиона населения, огромные металлургические заводы, которые действовали, так как советчики при своём отступлении не успели их взорвать. Поужинали в столовой итальянского этапа, за одну оккупационную марку переночевали в крестьянском доме. Хозяйка, служившая когда-то прислугой в господском доме, очень расхваливала жизнь при царском режиме.

20 января. Весь день ехали по Каменноугольному району (Донбасс), проезжали мимо Дебальцево. При советской власти

мимо железной дороги провели шоссе. Проезжали как раз мимо того оврага, где я был ранен, и я показывал своим спутникам это место — там я попал под пулемётный огонь из Дебальцево, метрах в 500-х, а слева из выемки вынырнул известный нам бронепоезд «Черномор», который застрочил по моему взводу, пуля попала в бедро — я думал, что зацепился за срезанный стебель подсолнуха. Моя команда стала отходить, а я остался лежать, и сестра милосердия закричала (прибавив крепкий мат): «Корниловцы, офицера бросаете!» Меня тогда подхватили, бросили на пулемётную двуколку, а к вечеру наш полк взял Дебальцево, а я очутился а Екатеринод аре…

Утром тронулись в путь; вечером нас сгрузили прямо на снег, километрах в трёх от Енакиево. Итальянские солдаты нашли камион, который направлялся в Енакиево. Приехали на площадь, мы слезли со своими вещами. Рядом дом, окружённый досчатым забором, постучали в дверь. Вышла какая-то фигура в тулупе и шапке, чешет рукой волосатую грудь. Спрашиваем — что это за дом? Отвечает, что конный совхоз, но Василий Михайлович не велит пущать без его разрешения. «А можно хозяина видеть?»

Вышла милая дамочка и любезно предложила у них остановиться. От них накануне уехал итальянский полковник, так что хозяева немного научились говорить по-итальянски. Пришёл хозяин, директор совхоза, высокий представительный мужчина, представился: «Жеребилов — меня назначили на эту должность благодаря моей лошадиной фамилии…» (как у Чехова!..) Пригласили к столу — солёные огурцы и квашеная капуста, которых мы уже давно не видели. Хозяйка — артистка местной театральной труппы, получает от немцев какой-то паёк за свои выступления. Поставили в комнате три кровати рядышком, как в дортуаре института благородных девиц. Сладко поспали, утром нас угостили чаем, и мы втроём, русские испанцы, пошли искать свою часть.

При комендантском управлении — огромный двор, и в нём тысячи итальянских солдат, ищущих свою часть.

Итальянская экспедиционная 8-я армия занимала по реке Дон огромный участок от Павловска Воронежской губернии и почти до Миллерова — 250 вёрст. У итальянцев своё вооружение, даже малые танки, но немцы им не давали бензина, и итальянцы посылали за ним цистерны в Румынию. Дон замерз, и по льду ночью переправилась, как нам говорили, советская потрепанная дивизия, успешно сбила итальянцев, получила подкрепление и стала развивать успех. У итальянских танков не было горючего, сзади не было ни резервов, ни тяжелой артиллерии — вина всецело ложится на германское командование. Итальянцы стали

отходить, бросая своё имущество. Мы встречали по дороге массу итальянских войск, вёзших пулемёты на ручных санках.

Во дворе комендатуры в Енакиево ожидали солдаты, напоминавшие картину Верещагина «Отступление армии Наполеона» — в женских пальто, шубах, закутанные шарфами и женскими платками, многие на ногах с ракетами для хождения по снегу — и все почти без оружия. Вошли в комнату — за столом сидит молодой капитан — альпийский стрелок, в шляпе с орлиным крылом. Вид усталый, как будто он несколько ночей не спал. Встретил он нас очень любезно, попросил присесть и обождать, пока он наведёт справки по телефону, где находится наша часть — 2-й отдел штаба 8-й армии. К нему стали подходить небольшими группами солдаты, и каждому он очень толково (даже для нас) объяснял: «Пойдешь направо, иди по такой-то улице, свернёшь, увидишь большой дом с красным забором, туда войдёшь… Вот тебе бумажка на обед…» Подошли к нему два венгерских солдата, капитан говорит: «Когда к вам обращаются итальянцы, вы им отказываете в помощи, поэтому уходите, я вам помогать не буду». Потом он очень любезно обратился к нам, сообщив, что наша часть находится в Енакиево. Он объяснил, как идти в Красный городок на окраине города — пройти мимо завода километра три вдоль трамвайной линии.

Огромный металлургический завод работал, там было около 6 тысяч рабочих. С трудом нашли нужный нам дом. Вошли, представились подполковнику Рампини, помощнику начальника 2-го отдела штаба 8-й армии.

Начальник отдела, полковник Вейль (Weil) находился в отпуске. Подполковник Рампини спросил: «А где же остальные испанцы? Вас должно быть десять человек!»

После формальностей нас направили к адъютанту, капитану Фрескура, тоже альпийцу, и тот нам сказал: «Теперь вы у себя дома!» Сразу же нас провели в столовую, познакомились с офицерами, которых было около 80-ти человек. Обед в две смены, за теснотой помещения. Обед очень хороший, с вином и сладким. Было несколько русских: тенете-колонелло (подполковник) Белевский[14] (Беллини) — кажется, из молодых, галлиполиец, был на итальянской военной службе и достиг высокого чина; Иванов, бывший сербский офицер (соттотененте Джиовани), угрюмый и озлобленный. Соттотененте Риччи — офицер лейб-гвардии Уланского полка, милейший человек, высокого роста — сразу же предложил нам поселиться на его квартире, так как у него в городе зазнобушка и он ночевать дома не будет. После обеда пошли к Жеребиловым, попрощались — они очень сожалели, что мы так скоро от них уходим. Они на завтра

пригласили гостей — агронома и других, и хотели нас чествовать ужином с водкой, как старых русских офицеров. Мы искренне сожалели, что расстаёмся с такими милыми людьми — это наша первая встреча с русскими людьми на русской земле. Хозяева нам дали сани для вещей, и мы переехали…

В Уффичио № 2 (2-е Отделение штаба армии. — *А . О.)* получили кучу денег: жалованье за январь по фронтовой раскладке (500 марок), подъёмных тысячу лир и даже деньги за то, что мы из Рима в Болонью не сдавали вещей в багаж — 50 лир. А то мы до приезда в Енакиево потратились, и когда слезали с камиона, то даже не знали, чем будем платить за ужин на этапе. На наше счастье, услышали голос: «И где только русских не встретишь!» Оказался знакомый по Риму, подполковник инженерных войск Ларионов Борис[15] (Лариони Бруно), он нас выручил деньгами, он был тоже назначен в какую-то часть.

Переночевали на квартире Риччи — на полу, на соломе. Хозяин — рабочий, малые детишки совершенно голые, так как одеть их не во что, а мы ничем помочь не могли, так как сами одежды имели в обрез. Красный городок — эго колония для рабочих, хорошие двухэтажные домики, — вот только уборные забыли построить, и они были общие во дворе.

22 января 1943 года. В 9 часов утра позавтракали. Подали закрытый грузовик. Мы, русские, погрузили наши вещи, с нами соттотенente Иванов (Джиованни). Подъехали к дому, где помещались другие, и к нам присоединились подполковник Риччи с багажом, занявшим половину грузовика, а также Фиакко (Фиалковский), однофамилец нашего Селиванова — старик лет 70-ти, тоже в чине соттотенente, никогда не служивший, — с ним мы имели после немало хлопот, но это ещё впереди. Приехал на автомобиле подполковник Рампиги, очень мило со всеми попрощался, мы его больше никогда не видели. Лишь только он уехал, как в грузовик взобрался «гарем» подполковника Риччи — две бывшие советские парашютистки, а с ними какой-то армянин в чине тенente (поручика), нам совершенно незнакомый.

Разделились на группы: в нашем камионе мы, трое испанцев, подполковник Белевский, Иванов и два итальянца-переводчика — Божетто и Полезный (он потом спекулировал табаком), в другом камионе — подполковник Риччи, армянин и гарем. Двинулись из Енакиево на Юзовку — Сталино. По приезде туда остановились в доме, занятом итальянским этапом. Столовая этапа в большом здании бывшего клуба — большой зал со сценой, стены размалёваны от пола и до потолка и потолок тоже. Просидели там сутки в ожидании продуктов, которые наконец получили на четыре дня на 25 человек — 12 офицеров, 9 солдат и гарем

полковника Риччи. Рядом группа больших домов казарменного типа: лестницы железные, в оконных рамах щели, надписи: «просим верхних жильцов не проливать воду», так как потолки протекают. Спросили какого-то гражданина, как давно построены эти дома? Лет двадцать? Оказалось, лет пять. Вот советская архитектура…

Пошли в город Сталино, пользовавшийся большим вниманием «отца народов», посетили в госпитале какого-то русско-итальянского офицера, нам незнакомого. Шёл дождь со снегом. Зашли на базар-барахолку. Много рундуков с книгами, довольно дёшево, но куда их тащить — весят много, да в домах везде много книг — народ грамотный. Купил коллекцию царских денег бумажных.

На третий день нашего пребывания в Юзовке подали два закрытых грузовика. Тронулись в путь и остановились к полудню в Гришине (я помню, что ещё до Первой мировой войны строилась железная дорога Ровно — Гришино, но не знаю, где она проходила — вероятно, восточнее Киева). В Гришино немецкий этап со столовой. Наши полковники зашли туда — там полно немецких солдат, все столы заняты. Наши полковники стали вести переговоры: потребовали отдельный стол, так как по итальянскому уставу офицерам воспрещается есть вместе с солдатами. Но мест не было, и пришлось вернуться в свои грузовики. А мы, русские, зашли в маленькую русскую столовую, и пообедали в ней: суп пшённый, нечто вроде котлет с кислой капустой и яблоко — за всё 24 рубля. Потом зашли тоже в немецкую столовую посмотреть. Действительно, полно немцев, обедают также итальянские солдаты, какой-то немец крикнул: «Закрывайте дверь!»

Вечером доехали до Павлограда; в нашем камионе была испорчена рессора и мы выехали вперёд, не ожидая других. Уже стемнело. Впереди огромное количество итальянских грузовиков, и наш шофёр с высокой насыпи свернул вправо. Итальянцы прекрасные водители — он так ловко спустился с высокого шоссе, что мы ахнули. По обочинам движения не было, и мы быстро докатили до Павлограда. Остановились на площади около какой-то круглой церкви с садиком, всё покрыто снегом. Рядом в довольно большом доме — кровати для приезжающих, заведующий — немецкий сержант — нас разместил, но столовая уже была закрыта. Есть нечего, так как все наши продукты, полученные на четыре дня, в камионе полковника Риччи. Итальянцы опять оказались беспомощными, они с немцами, как собаки с кошками, немцы их считают виновными в поражении на Дону. Мы, русские, захватили с собой несколько жестянок

консервов и постучались в первую хату. Хозяйка, бывшая комсомолка, острая на язык, приняла очень любезно, сварила кукурузной каши. Мы предложили мясные консервы и поужинали хорошо. Сладков даже остался ночевать. Мы с Селивановым вернулись в общежитие.

Долго стучали, пока не вышел сержант-немец в одном белье и шинели сверху — видно, бедняга рано встает, ворчит, а нам наплевать. «Здесь было два итальянских офицера, посланных для связи с немцами, чтобы наладить транспорт и помещения для отступавших итальянских войск».

Рано утром мы долго раскачивали наш камион, обвезли его на руках два раза вокруг церкви — мотор замёрз и колеса примёрзли. Итальянские грузовики, как и их обмундирование, никак не приспособлены для русской зимы. Чем питались итальянские офицеры, не знаю, но итальянские солдаты приносили с немецкого этапа кофе (суррогат) и хлеб с повидлом — это удовольствие стоило 30 пфеннигов, ходили и для нас несколько раз.

Проехали Номосковск — небольшой городок, и к полудню прибыли в Екатеринослав (по-советски Днепропетровск, в честь какого-то Петровского, который о себе оставил хорошую память среди населения, потом он был не у дел). Сильная гололедица, я слез с камиона, ноги в кованых ботинках разъехались, и я упал на руку, основательно её повредив (после показал врачу, и тот успокоил, что перелома нет, но пришлось недели две ходить с перевязью).

Во время наших поездок бросалось в глаза, что при хатах в деревнях нет ни одного сарая или курятника, вообще ни одной хозяйственной постройки — всё пошло на топливо во время коллективизации.

Екатеринослав (Днепропетровск)

Мы — переводчики — посланы сюда в распоряжение коменданта этапа, чтобы налаживать транспорт и находить квартиры для итальянских офицеров, так как сюда отступают остатки 8-й итальянской армии, разбитой на Дону. Питаемся в столовой при этапе, за стол может садиться 20 человек, обедают и ужинают в три очереди. Обед слабенький, так как не хватает продуктов — колоссальные запасы попали в руки красных в районе Миллерово. Немцы не разрешили итальянцам эвакуировать интендантские склады на 250 тысяч человек, ждут продукты из Италии. Нет и горючего — посланы цистерны за

бензином в Румынию, а сотни итальянских грузовиков тем временем застряли на шоссе.

Мы переночевали в доме какой-то милой дамочки с хорошеньким сынишкой. Муж её в армии. Она угостила нас компотом из красной сахарной свеклы — в старой России сахарная свекла была белая, а советские учёные ухитрились ее «облагородить»! Окна были разбиты, пришлось мерзнуть. Мы с Селивановым нашли пристанище в доме рабочего — звать его Михаил Пименович Нюхачев, — на улице Вторая Чепелевка, 20. Хозяину лет под 60, а жена его, милая старушка, заботилась о нас, как мать родная. Какие прекрасные русские люди! Я объездил много стран, но нигде не встречал таких добрых и сердечных людей, как в России. Называю фамилии, так как прошло больше 30 лет и едва ли кто-нибудь из них жив…

Утром пришла с нами познакомиться соседка (дом длинный, три квартиры и садик тоже разделён на три части), Полина Семёновна — красивая женщина, кровь с молоком: типичная русская красавица, муж и два сына в Красной армии. Не верилось, что у неё взрослые дети, кажется, даже офицеры. Пригласила нас к себе, угостила варениками с картошкой. Увидела на нас серую казённую итальянскую рубаху (с галстуком), плохо сшитую, забрала мои рубахи и перешила воротники.

Утром на улице — шум и гам: в 4 часа утра жители уже идут на базар, ещё в темноте. В дом беспрерывно приходят итальянские солдаты спрашивать квартиру для своих офицеров — наши хозяева довольны, что у них остановились «итальянцы», говорящие по-русски. Когда нас спрашивают, где мы научились так хорошо говорить «по-нашему», приходилось изобретать версии: мать русская, а отец итальянец, или наоборот (нам рекомендовалось не открывать своего русского происхождения).

Через город проходят отступающие итальянские войска, вид у них необычайный для войска: одеты в самые фантастические одежды, вплоть до женских пальто, малахаи, валенки; немногочисленные пулемёты везут на маленьких санках, вещи тоже, артиллерии мы не видели — вероятно, осталась у красных.

В столовой этапа питались дней пять, иногда пища была даже приличная, с вином. Комендант этапа, бородатый капитан, распорядился, что на этапе могут питаться лишь старшие офицеры, начиная с капитана и выше, а пониже чином должны ходить в бараки около вокзала, в «виладжио (деревня) Италия». Пошли туда и еле нашли — это небольшой питательный пункт для солдат. Повара нас встретили очень приветливо и накормили на славу: суп, поджарили по куску колбасы, варенье, немного чёрного хлеба.

Поговаривают, что наше 2-е Отделение штаба армии (Уффичиодуэ) пошлют во Львов (Л еополи по-итальянски) или в Нежин.

Вечером пошли к вокзалу с котелками ужинать. Я хоть сумку от противогаза захватил под шубой (сам противогаз выбросил ещё в Луганске, хотя его ношение обязательно). Иванов, желчный, озлобленный господин, шёл демонстративно по улице с котелком в руках и говорил: «Пусть видят, как итальянский офицер идёт по улице с котелкам за обедом, стыдно будет не мне…» Идти нужно километра два по снегу, через какой-то общественный парк — это бывшее кладбище, которое советчики уничтожили, сравняв могилы, насадив кустов и сделав дорожки — веселятся на костях предков. Кстати, то же самое они проделали и в Киеве со знаменитой Аскольдовой могилой…

На питательном пункте солдатам не дают ничего, липтъ офицерам. Вспомнились слова нашего полковника Болтина в Мадриде на прощание, когда мы улетали в Италию: «Итальянские офицеры очень воспитанные, белоручки, вся жизнь их проходит по традициям, по уставу…», и так далее. Данный случай — итальянские офицеры, шагающие по улице с котелками, — явно не был предусмотрен традициями. В каждой итальянской части четыре сорта питания: пища для солдат, отдельная кухня для сержантов, отдельная для офицеров младших и отдельная для штаб-офицеров и генералов. В германской армии пища для всех одинаковая, но только для офицеров тот же суп из кормовой свеклы подаётся в лучших тарелках.

29 января 1943 года. Вместо обеда нам выдали по две большие галеты и по баночке мясных консервов. Мы пронюхали, что в итальянском интендантстве можно получать паёк натурой. Снарядили Сладкова к немцам, они дали сани — комендант был очень любезен, узнав, что мы русские, — сказал, что итальянцам ничего не дал бы. Наш Сладков (Константини) поехал вёрст за 20 и привёз продукты на пять дней. Вино было в ведре замерзшее. Продукты только для группы полковника Белевского (Беллини) — соттотенente Джиованни, Фиакко (Фиалковский), Габриэли (это я), Сельви (Селиванов-старик), Константини (Сладков) и два итальянца, Божетти и Полезини, а также вестовые. Полковник Риччи узнал, что мы раздобыли продукты, и присылал к нам два раза вестового за вином, но наши наотрез отказали, так как он завладел нашими продуктами (120 рационов). Он со своим гаремом помещается отдельно от нас. Сварили борщ, оба итальянца поели и заболели животами — видно, их нежные желудки принимают только макароны.

Узнали, что русский казачий отряд, бывший в окружении

вместе с Альпийским корпусом, пробился, но был убит доблестный командир эскадрона Войцеховский (офицер Белгородского уланского полка) и ранен Островский (югославский майор).

31 января, воскресенье. Мы с Селивановым пошли в церковь, служил епископ Алексий, рукополагал в диаконы. Хор прекрасный, человек 30–35. Справились у регента, сколько будет стоить панихида по Войцеховскому — 1500 рублей (150 марок), но мы не успели её отслужить, так как уехали из Екатеринослава. Собор и кладбищенская церковь немцами переданы украинцам, а мы были в русской церкви. Около церкви подобие базара: несколько луковиц и тыкв, и больше ничего.

Сладков вызвался слушать советское радио, встаёт в 4.30, слушает и записывает, а кто-нибудь потом переводит на итальянский язык.

Было совещание командиров частей и начальников групп, от нас был подполковник Риччи. Стало известно, что остатки разбитой итальянской 8-й армии отводятся в район Киева, а оттуда в Италию. Госпиталя эвакуируются во Львов. Нас, переводчиков, и вообще 2-е отделение отправят в Киев, ждём телеграммы от уффичио.

В доме, где устроена импровизированная наша столовая и кухня, мы раз даже устроили парадный ужин, раздобыв выпивки и закуски. Хозяйка после долгих разговоров снабдила нас прекрасной сервировкой (фарфоровые тарелки, дорогие бокалы). Она рассказывала, что у неё попросили сервировку немецкие офицеры и ничего не вернули, даже немецкие солдаты приходили несколько раз, чтобы забрать патефон, но она его запрятала. Хозяйка живет тем, что ежедневно ходит на базар и покупает у немецких и итальянских солдат носильные вещи и продукты, а потом их перепродаёт. Немецкие солдаты продают пару подённых кованых ботинок за 150 марок (марка оккупационная — 10 рублей), бутылку паршивого коньяка — за 35 марок, а покупают её в своей кантине за 2–3 марки. Немцы исподтишка занимаются грабежом. У моего хозяина при обыске забрали два пуда муки, пустые мешочки и семь полотенец, а одно солдат спрятал за пазуху.

Вообще населению приходится очень трудно: базары пустые, украинская полиция — отъявленная сволочь из галичан и бывших коммунистов, отбирают продукты и тут же их продают. Цены на продукты подскочили в несколько раз, объясняется это наплывом войск, особенно итальянцев, которые продают всё, что могут, так как их не кормят. Главные спекулянты — румынские солдаты и австрийские железнодорожники. Венгры, приезжающие из

отпуска, привозят с собой женские украшения и патефоны. В первый же день нашего приезда в Екатеринослав мы пошли на базар, там ничего нет, только продают махорку, стакан 1 рубль. Я сделал запас этого отечественного продукта, так как с папиросами дело слабо — за обедом выдают по три штуки на день. На тротуаре сидят рядышком несколько румынских солдат в остроконечных меховых шапках, а перед ними мешки с товарами. Картина никогда мною не виданная — неспроста говорят, что «румыны не нация, а профессия!»

Среди местных тоже есть первоклассные жулики. Мои хозяева рассказывали, что итальянские солдаты продали одеяло за 650 рублей и купили двухкиловый хлеб за 200 рублей. Когда стали резать его, то только корка была из теста, а внутри — шелуха и отруби. На базаре кто-то купил коровьего масла — так там снаружи слой масла, а внутри — тёртый картофель! Покупают муку, пробуют на язык — тёртый мел…

В Днепропетровске ходит анекдот. В хату к старушке 65-ти лет зашли два венгерских солдата, приказали согреть воды, а один говорит: «мой мне ноги». Старушка помыла, вытерла, а венгр говорит: «теперь ложись поперёк кровати!». Сделал своё дело. Старушка обращается к другому солдату: «Атебе тоже ноги помыть?..»

8 февраля 1943 года. По сведениям, советские войска заняли Батайск, Касторную и Изюм, пытались высадить десант в Таганроге, но были отбиты. Солдат нам принёс синий листок, сброшенный с советского самолёта, о взятии ими Сталинграда: в плен попали семь генералов, тысячи офицеров и сотни тысяч солдат. Итальянцы в своей катастрофе на Дону по-прежнему обвиняют во всём немцев: не придали им больших танков и тяжелой артиллерии — всё вооружение мелких калибров, итальянское, а для танков их не было горючего. Я лично полагаю, что немцы виноваты тем, что доверили фронт в 250 километров по реке Дон итальянцам, не сделав прослойки из немецких частей.

Сладков ходил в городскую управу, ему там сказали, что население относится с симпатией к итальянцам, но немцев ненавидит; прощают им многое — и грабежи, и реквизиции хлеба и скота, но не прощают, что они увозят молодёжь в Германию на работы. Ещё не прощают, что немцы публично бьют народ: «Да, нас подвергали в Чека пыткам, но публично не били!»

Хозяин мой и его старший брат работали на мельнице при советах и при немцах. Кто-то на них донёс и их посадили — хозяина, его старшего брата и сапожника Петьку. Держали девять месяцев, при допросах били: приходит здоровенный тип и

обращается по-русски: «дед, мы тебя сейчас будем бить» — и бил мешочком, наполненным песком. Потом их отпустили, так как немцы решили изменить свою тактику на более гуманную, но эта мера слишком запоздала. Стали даже закрывать глаза на то, что рабочий проносил немного отсевов и даже муки.

В доме несколько комнат, мы с Селивановым занимали одну, а в соседней комнате ежедневно были совещания: хозяин, его брат и сапожник Петька. Они выпивали бутылки две самогона и обсуждали вопрос — как им убить доносчика. Нас они не стеснялись, так как доверяли, а нам безразлично — это их семейное дело. Меня они посвящали во все свои тайны. Сапожник Петька много раз приглашал зайти к нему в гости и выпить, но я упорно отказывался. Брат хозяина, старше лет на десять, очевидно, в наше время служил в Красной армии. Как-то раз он мне заявил, что «при кровавом Николашке рабочие жили плохо, а при советской власти был чуть ли не рай на земле». Я только посмотрел на него, вижу, что собеседники его не поддерживают, и ничего ему не сказал. Таких типов больше мне встречать не приходилось, так как народ питал звериную ненависть к «народной власти». Большинству уже довелось сидеть в сталинских концлагерях. Одни сидели, другие сидят, третьи будут сидеть…

Пошёл погулять по снегу, морозу, увидел, как немецкие солдаты спиливают верхние толстые ветки на двухсотлетних екатерининских липах. Я знал Екатеринослав раньше — от вокзала шёл длинный Екатерининский проспект, обсаженный огромными старыми липами. Был огромный памятник Екатерине Второй, такие же памятники я видел в Екатеринодаре и в Нахичевани на Дону, населенной армянами. Конечно, при советах всё это было снесено. А во время войны кое-где ещё валялись неубранные остатки памятников «отцу народов».

Как полагается, в тылу от бездействия стали распространяться панические слухи: Иванов и Фиалковский уверяли, что нам придётся бежать, бросив всё наше имущество. У нас, испанцев, имущества никакого, а у Фиалковского — два огромных мешка в рост человека.

Комендант этапа получил распоряжение от уффичио: подполковник Риччи отзывается в Рим (мы по наивности полагали, что его отдают под суд за тёмные сделки, не соответствующие званию офицера), подполковник Белевский получает отпуск в Италию, с ним едет Иванов, а остальные прикомандировываются к штабу корпуса, находящемуся здесь в Днепропетровске.

Красные танки сделали налёт на Гришино, но были отбиты.

Хозяева вернулись с базара и сообщили нам потрясающие цены: ведро картошки (полпуда) стоит 400 рублей, курица — тысячу, пуд муки — две тысячи рублей. На этапе кормят рисом с консервами. Ходили в штаб корпуса представляться командиру корпуса: каждый брал под козырёк и называл чин и фамилию (я — соттотенente Габриэли). Штаб корпуса на днях эвакуируется в Киев, нас обещают отправить туда в первую голову. Мы должны являться в штаб в 11 утра и 7 часов вечера.

Селиванов наведался в железнодорожную больницу— ему прописали очки и предложили сделать бесплатно зубные челюсти: для итальянцев делают всё бесплатно, так как они хорошо относятся к населению. Мне рассказывали, что при раздаче пищи немцам из котла собирается около кухни голодный народ, а немцы после раздачи выливают остатки на землю. Итальянцы же охотно раздают остатки пищи, и можно видеть около итальянской кухни человек тридцать русских с посудинами. Когда итальянский полковник узнал, как немцы обращаются с голодным населением, то приказал готовить лишнее, чтобы раздавать народу. Жители относятся к итальянцам с жалостью: куцые шинельки, вид непрезентабельный, недоедают. «Ну какие же это солдаты? Им бы около мамы сидеть…» А немцы все хорошо одеты, подтянуты, откормлены. И зачем Муссолини влез в эту войну? Да ещё так некрасиво: когда в 1940 году французы были разбиты, то Муссолини полез на Францию (ударил в спину), французы защищались от всей итальянской армии несколькими батальонами альпийских стрелков и их не пустили. В 1916 году австрийцы нанесли поражение итальянцам на Изонцо несколькими дивизиями старых резервистов и Россия для спасения «союзничков» была вынуждена тогда начать брусиловское наступление. Говорят, что Гитлер был против вступления Италии в войну: если бы она осталась нейтральной, то Муссолини смог бы задавать тон всему миру.

На базаре цены растут: подсолнечное масло — 600 рублей литр, картофель — 450 рублей пуд, стакан темной соли — 50 рублей. Рабочий получает у немцев 300–400 рублей в месяц и, кажется, суп.

Немцы отпустили итальянцам 120 тонн бензина и обещали поезда для эвакуации итальянской армии в Киев и дальше. Говорят, что в Днепропетровск приехал Гитлер — около вокзала арка.

У моих хозяев стоит в комнате огромный платяной шкаф с резьбой, с тремя дверцами. Три или четыре воскресенья подряд (когда мы были в Екатеринославе) из деревни приезжали какие-то хорошо одетые муж и жена торговать этот шкаф: давали 3 тысячи,

хозяева хотели 3500 рублей. Пока торговались, выпивали две или три бутылки самогона с закуской, и, наконец, хозяева уступили 250 рублей, но к соглашению не пришли. Хозяева жаловались мне на покупателей, я и говорю им: вот вы торгуетесь из-за 250 рублей, а сколько бутылок самогону вы выпили с ними? Хозяин говорит, что, мол, «с хорошими людьми приятно поговорить»… Русская психология. А самогон стоит 300–400 рублей бутылка…

15 февраля 1943 года. Сегодня день нашего отъезда из Екатеринослава, где мы прожили с месяц. Попрощались с милыми хозяевами, которые о нас заботились, как о родных. Накануне нам устроили баню: хозяйка нагрела воды, налила в огромный железный чан, и мы вымылись в тёплой хате. Хозяйка нам и бельё выстирала: купили ей кусок мыла — снаружи мыло, а внутри огромная дыра. Вот жулики!.. В рот пальца не клади. Нашли мальчишек с саночками, хозяин помог погрузить на них наши «гробы» и брезентовые мешки с замочками, потом долго стоял у ворот и смотрел нам вслед. У нас же нечем было даже его вознаградить, кроме спасибо за всё. Приглашал нас, если война кончится благополучно, посетить его, обещал нам стол и дом.

Привезли вещи к дому, где помещался штаб корпуса. Там уже было несколько русских переводчиков. Поели хлеба с консервами, которыми нас угостил Морини (Поморский, молодой сербский офицер, русский, окончил военное училище в Белграде, был в плену у итальянцев — ибо русские честно защищали Сербию до последнего). Очень любезный господин. Он ездил в командировку: должен был отвезти в казачий отряд продукты из интендантства, но поручения выполнить не смог и сам еле спасся. Продукты привёз обратно, не забыв и себя.

Около двух часов дня подошёл автомобильный транспорт, отправлявшийся в Киев на погрузку в Италию. Огромные понтоны, каждый на двух платформах. Итальянская армия по ним переправлялась через Днепр. Рядом с шофером в кабинке сидит старик Селиванов, закутанный шарфом. Мальчишки на улице смотрят и смеются: «Гляди, поп сидит!..» Так за ним и осталось прозвище «поп», но, чтобы не позорить русского имени, мы на вопросы отвечали, что это польский ксендз. Он нам в печёнках сидел. Он сразу же нам заявил, что приехал сюда, чтобы занять пост губернатора. Сам из бывших социалистов, в Константинополе был учителем музыки (скрипка). У него были необычайно длинные пальцы, и он устраивал представления: показывал, например, как Маргарита идёт к Фаусту и как возвращается от него — очень забавно. Его из Рима возили даже в Фраскати, в какой-то аристократический салон показывать «ловкость рук», был большой успех.

Жена его была моложе и помогла немцам раскрыть заговор против фон Паппена, немецкого посла, и в благодарность его устроили к итальянцам переводчиком в чине сотготенетте, хотя он никогда военным не был. 70 лет — возраст почтенный, но он был первый старик, внешность и поведение которого никаким уважением пользоваться не могли. Мы между собой разговаривали — как от него избавиться.

В 2 часа ночи приехали в Кременчуг. Все дома забиты немецкими танковыми частями. Мы с Селивановым сунулись в один дом, вышел немецкий солдат и сказал: «Как вам не совестно так поздно беспокоить?» Старик Сильвано (фамилия «губернатора» к нему подходила — в переводе на русский язык она означала леший: вероятно, над ним подшутили в Риме, когда подбирали подходящую итальянскую фамилию) хвастал своим знанием немецкого языка. На упрёки немца спросил по-немецки: «А который час?»

Мы пытались постучать в другие дома и на вопрос — «кто там?» — отвечали: «русские офицеры», но везде было занято. В одном доме оказались наши — Фиалковский со Сладковым, который всегда льнул к лицам, от которых мог получить выгоду — у Фиалковского же было два огромных мешка с продуктами, а у нас ничего. Около печки возится хозяйка, что-то им готовит и подаёт огромную миску, полную макарон. Так как нам не предложили, то мы с Селивановым сели в уголке, вынули хлеб и консервы и поужинали в 3 часа ночи. Потом обнаружилось, что Фиалковский отличался феноменальной скупостью, но он был для нас чужой человек. Он прибыл из Албании и выслужился в офицеры из солдат. Купил я ещё в Болонье коробку трубочного табаку; в Юзовке увидел, что он курит трубку, подарил ему, а когда через несколько дней попросил папиросу, то он не дал. Как-то после этого, уже в Риме, я проходил вечером по улице; на террасе кафе сидит Фиалковский и приглашает меня сесть, заказывая мороженое для меня. Когда я рассказывал это другим, то мне не верили — что он мог так раскошелиться!..

В 6 часов утра, ещё затемно, сели на наши грузовики, с час простояли на базарной площади — там я пополнил свой запас махорки. Отец нашего покойного Сережи Бриллиантова[16] (штабс-капитана Марковского полка) был настоятелем собора в Кременчуге. Получили на этапе продукты и двинулись в путь. Мимо нас проезжали беженцы из Изюма и Барвенково, прошёл эвакуированный конный завод с прекрасными лошадьми. Выехали из Кременчуга в 10.30 утра и к 12-ти часам дня остановились в деревне Жолнино. Так как была распутица и везде косогоры, а итальянские грузовики без цепей и вообще не

приспособлены к русской зиме (другое дело немцы), то остановились на ночлег. Так как в деревне был тиф, то староста отвёл помещение на хуторе, за полтора километра от деревни. Мы должны были добраться до Золотоноши, но туда 60 километров и наш транспорт не выдержал бы.

Мы с Селивановым (мадридским) остановились в хате, крестьяне рассказывали, что у них по-прежнему колхоз, к рождеству немцы разрешили колоть свиней: две свиньи отдавать немцам, а третью колхозникам — дели как хочешь… В общем, живут лучше, чем городское население. Наших офицеров пригласила на ужин местная интеллигенция — староста, врач, агроном. Я не ходил, так как у меня было нечто вроде гриппа. Но мне рассказывали, что их встретили очень сердечно: «наши русские царские офицеры приехали!» Некоторых даже к бабам приспособили. Утром на рассвете, по заморозку, мы должны были тронуться в путь. Хозяева рано утром нам приготовили нечто вроде обеда, мы с ними сердечно попрощались и вышли на большую дорогу. Мимо нас прошёл наш камион, но он был испорчен и шёл в починку. Мы устроились в грузовике другой, понтонной роты, за деревней догнали наш транспорт и пересели в него.

По дороге я столкнулся с двумя хорватскими офицерами. Узнав, что я говорю по-русски, спросили меня: «А можете даже кокошку (курицу) купить?» — «Могу»…

Ехали весь день до темноты и за десять часов пути сделали 39 километров, так как просёлочные дороги были в ужасном состоянии — снег, косогоры и грязь невылазная.

Вечером прибыли в большое село Ираклиево, вроде нашего волостного — районный административный центр.

Остановились на площади возле сельского правления (сельсовет), где стояло много вооружённых молодых людей — милиция. Пока наши искали пристанище на ночь, я разговорился с группой милицейских и молодёжи. Собралась толпа, стали меня расспрашивать о старой России, о прошлом и о возможном будущем. Пошли шутки, анекдоты, меня потчевали местным табаком (жёлтым). Рассказали мне, что немцы затребовали из их района 300 человек на работы в Германию, что человек 200 согласились, а остальных — «добровольцами назначаются такие-то…» Я их успокаивал, говоря, что рано или поздно немцы будут вынуждены обращаться хорошо с русским народом и вернуться к частной собственности, что Россия за свою тысячелетнюю историю испытала и татарское нашествие, и польское, и шведское, и всех переборола, что так будет и с немцами — не век им владеть захваченной русской землей. Меня молодёжь слушала

внимательно — итальянец, а так хорошо по-русски говорит… Благодарили меня за тёплые слова. Одних милиционеров вокруг меня было с десяток — немцы согнали их со всего района, чтобы забирать молодежь в Германию.

Узнали, что нам предстоит завтра ужасная дорога, и командир транспорта распорядился остановиться на ночлег. Ко мне подошёл милиционер и сказал: «Можете остановиться в доме моих родителей, я сегодня ночью в карауле, и моя кровать свободная». Провёл нас — меня и двух Селивановых — по расхлябанной дороге километра полтора к себе в дом. Семья — папаша, мамаша и дочь с ребёнком (муж на войне) — бывшие зажиточные крестьяне, ныне колхозники. Мы побрились, помылись, навели красоту. Хозяйка пригласила к столу — солёная капуста и огурцы, послали за самогоном. Только сели за стол, как вошла пожилая женщина, сестра хозяйки, держит под головным платком свёрток. Говорит, обращаясь ко мне: «А я вам медку принесла! Наши ребята рассказывают, что около сельского правления какой-то итальянец вёл такие душевные разговоры, и так чисто говорил по-нашему, что аж до сердца дошло. Это вы будете?» Я стал отрицать из скромности. Она говорит: «Теперь об этом вся деревня говорит, поэтому я вам к блинам медку принесла…»

Хозяйка завозилась у печи с блинами. Поели и поговорили всласть. Старик Селиванов («губернатор») нажрался как свинья, не соблюдая элементарных правил приличия, и попросился спать, его отвели в соседнюю комнату и уложили. Хозяйка спросила, кто он такой и зачем мы его с собой возим? Пришлось опять объяснять, что это польский ксендз.

За ужином с самогоном хозяева рассказывали о своей горемычной жизни: в селе комендант-немец и три жандарма; «немцы выдают в месяц по 12 килограммов суррогатов — гречихи, проса и ячменя, а при советской власти получали в год по 20 пудов пшеницы и ржи — по 12 кило в месяц». Немцы крестьян бьют — это очень не нравится русским. Туполобые немцы не понимают русской психологии. Теперь вот забирают молодёжь на работы в Германию, если кто попытается бежать — приказано по ним стрелять, для этого согнали милицию со всего района. Забирают мать, а маленькую дочку оставляют, забирают единственного кормильца семьи…

18 февраля 1943 года. Приказано ехать дальше в 4 часа утра, по заморозку. В темноте мы садились в камионы, пришла хозяйка и спросила: «Вы не забыли чего-нибудь?» Оказывается, «губернатор» забыл пояс с пистолетом! Мне пришлось шлепать по замерзшим лужам, версты полторы и обратно. Принёс пистолет и

бросил под сиденье — мы решили не говорить ему ни слова, пока сам не вспомнит. Хозяйка рассказала о ночных приключениях «губернатора» — ночью он проснулся, чтобы выйти «до ветру», и не мог найти двери, тыкался везде и поднял такой шум, что вся семья проснулась (мы спали, как убитые, и ничего не слышали). Хозяева вывели его во двор. Правда, за ужином меня он спросил: «А где здесь тёплая уборная?» Я ему пояснил: «Александр Александрович, в русских деревнях нет теплых уборных, даже в городах имеется таковая не во всех домах». Он ответил: «А я знаю случаи, когда в деревнях у крестьян есть тёплые уборные». Было бы бесполезно разубеждать будущего «губернатора»…

В 9 часов утра приехали в Золотоношу — гоголевские места, сразу романтикой повеяло. Городишко маленький, домики покрыты соломой, как в «Старосветских помещиках». Никаких следов «социалистического строительства» незаметно, жителей, верно, не больше трех тысяч, как и во времена Гоголя. Небольшие домики, окружённые садами, вероятно, построены до «октября» и с тех пор не ремонтировались. На углах улицы указатели — мы остановились на углу «Хитлерштрассе». Я подумал — «холера вам в живот, вам эта «Хитлерштрассе» ещё боком вылезет!..»

Рядом немецкий этап со столовой, как обычно, но туда никто из итальянцев не пошёл — итальянцы со своими союзниками уживались плохо. Я спросил какого-то прохожего о чём-то, он меня стал расспрашивать, как это я так хорошо «по-нашему» говорю, и сразу же образовалась толпа. Ко мне подошёл Фиалковский и говорит: «Смотрите, сколько народу вокруг вас!» Пришлось прекратить разговор и отойти.

Двинулись в дальнейший путь. Нас немецкое командование направило по просёлочным дорогам, так как по главным шла переброска немецких войск. Мы с полчаса ожидали, пока огромные немецкие колонны пересекали шоссе. На Полтавщине распутица, а ближе к Киеву больше снега и холоднее. Не доезжая станции Переяслав (которая находится в 30 верстах от этого города), наш транспорт остановился в лесу, и мы прождали шесть часов, пока начальник транспорта на своём легковом автомобиле ездил к немцам за маршрутом, а когда он приехал, то мы расположились в железнодорожном посёлке на ночлег. Мы с Селивановым-мадридским расположились в одной хате, хозяйка, очень милая, приготовила нам поесть, мы достали наши консервы и один из наших пошёл с хозяйкой за самогоном, так как немцы воспрещают жителям выходить из дому с наступлением темноты. Самогон отвратительный, жёлтого цвета и вонючий, нужно зажимать нос, чтобы пить, но нужно было согреться. Мне нездоровилось, но хозяйка даже мне делала намёки…

Утром поехали дальше. В соседнем доме крики — уворовали кур, это работа итальянских солдат: вороватый народ, в одном селе украдут, а в другом дают приготовить. В нашем камионе несколько солдат, один слез и по дороге в какой-то хате под навесом украл пук махорки, но курить её было невозможно, табак ещё не созрел, пришлось выбросить. В другой хате солдат украл круг макухи из подсолнухов, мякоть с шелухой, только масло выжато; солдат оторвал кусок и стал жевать, говорит: «это русский хлеб»… Я ему объяснил, что это корм для свиней, а русские это не едят. Он выбросил этот круг на дорогу..

Доехали до Борисполя и там простояли с час. Там молочный колхоз или совхоз, и жители несли в ведрах сыворотку — немцы великодушно им продавали, кажется, по рублю за ведро. Мосты через Днепр взорваны, и жителям воспрещается переходить реку по льду, тогда как с левого берега Киев снабжался продуктами. Приехали в Дарницу — места знакомые, так как в прошлом я неоднократно здесь проезжал. Большой лес, это раньше было дачное место для киевлян. В лесу итальянский этап и бараки, отсюда отправляются военные поезда в Италию. Под вечер нам, русским, дали отдельный крытый грузовик, и мы двинулись в Киев, впереди капитан на своем автомобильчике. В спешке забыли в нашем камионе под сиденьем пояс с пистолетом «губернатора», а тот о нём за несколько дней даже не вспомнил. Так и пропало оружие, и по приезде в Рим пришлось ему заплатить стоимость пистолета — триста с лишним лир.

Подъехали к Днепру, река скована льдом. Железнодорожный и Николаевский цепной мост, красивое сооружение, были взорваны красными при отступлении, и от цепного моста торчали лишь быки. Рядом строился бетонный мост. Переехали через Днепр по временному деревянному мосту, на каждом пролёте — вышка с противоавиационным орудием и стоят часовые.

Киев

Я после 25 лет отсутствия снова увидел Киев — самый красивый город в России: на красном фоне заходящего солнца сияют золотые купола Лавры и других церквей, видно, что главный собор Лавры взорван, хотя купол остался. Кажется, советчики везде оставили заряды взрывчатых веществ с часовым механизмом. Свернули направо к Зверинцу. Сам город мало разрушен, но очень запущен — дома, видно, с самой революции не ремонтировались. На Мариинско-Благовещенской остановились, здесь был штаб итальянской 8-й армии, на углу бывшей Безаковской улицы (бывший здесь памятник Безаку

снесён). Нашли пристанище на Мариинско-Благовещенской, дом 131. Здесь когда-то сдавали комнаты студентам, комната когда-то была большая, перегорожена на четыре жилплощади, видно по кругу для лампы на потолке, тепло, горит буржуйка. Угостили хозяйку тем, что имели.

Пришли соседи посмотреть на невиданных итальянцев, хорошо говорящих «по-нашему». Поужинали в столовой итальянского этапа на бульваре Шевченко (бывший Бибиковский), подавали русские девушки, поговорили, пошутили с ними — им было приятно, что мы так чисто говорим по-русски: отец итальянец, мать русская, так что, естественно, материнский язык…

20 января 1943 года. Утром явились в «казарму Италия» — это бывшая казарма Инженерного батальона до войны 1914 года, на Бульварно-Кудрявской улице, 9. Адъютант нашего Уффичио капитан Фрескура нас спросил: «Зачем вы приехали? Нам и самим здесь нечего делать!» Мы попали наконец в свою часть, где нам сказали: «Вы здесь, как у себя дома!» Пообедали в своей столовой. Начальник Уффичио тоже нас спросил: «Зачем вы явились?..» Это полковник Вейль, бывший итальянский атташе в Москве до войны. Адъютант нас спросил о Селиванове — «губернаторе», мы ему объяснили, что много хлопот с ним, и он обещал отправить его в госпиталь — если удастся найти у него какую-либо болезнь; во всяком случае, сказал, что постарается отправить его во Львов. Мы с нашим Селивановым нашли комнату там же, напротив, на Бульварно-Кудрявской, номер 6. Хозяйка очень милая — Настасья Гавриловна Селенчук, с двумя мальчиками, хорошо воспитанными, мы с ними сразу же подружились. Хозяйка рассказала, что несколько месяцев тому назад муж её вышел на улицу и не возвратился, и больше о нём ничего не слышали.

Утром я повел нашего Селиванова осматривать Киев, он в первый раз, я же знал город хорошо, так как в 1916 году был в киевском Николаевском военном училище (пехотном, было такое же артиллерийское рядом, в Кадетской роще). При мне в училище приезжал Государь и потом было освящение знамени в присутствии императрицы Марии Фёдоровны и великих князей.

Город мало пострадал: Фундуклеевская, на ней бывшая Коллегия Павла Галагана, оперный театр был не повреждён и даже функционировал. Вышли на Крещатик — его нет, только кучи мусора, нет и боковых улиц в прошлом аристократического квартала — Липки, улицы Институтская, Лютеранская и так далее. Жители уверяют, что Крещатик был взорван жидами. После занятия Киева немцы приказали в Городскую управу на

Крещатике снести все аппараты радио (я хорошо помню это здание — на крыше купол и на нём статуя Михаила Архангела, герб Киева и Киевской губернии — от них остался лишь кусок статуи). Уверяют, что в радиоаппаратах были бомбы с часовым механизмом. Когда начались взрывы, возник грандиозный пожар, а все насосы были советчиками вывезены, пришлось из Германии доставлять насосы и рукава и воду качать из Днепра, километра за три. Потом немцы поймали жидов, которые перерезали шланги. Так, по крайней мере, нам рассказывали тогда в Киеве.

Базары пустые, так как с левого берега Днепра жителям воспрещено переходить реку по льду, а на правом берегу много продуктов, но немцы учредили украинскую полицию, главным образом из галичан, и эти отборные мерзавцы отбирали у крестьян, едущих в город, хлеб, сало, молоко — и тут же продавали. Цены потрясающие: кило сала — 3200 рублей, мука — 4000 рублей за пуд, спички — 50 рублей коробка. Служащему в городской управе немцы платили 500 рублей в месяц и давали суп.

Немцы объявили жидов виновными в пожаре Киева и приказали всем явиться на сборный пункт. Явились с тючками — побольше тючки в одну сторону ложить (с продуктами), а в другую — тючки поменьше (с драгоценностями). Потом всех посадили на грузовики и повезли на Лукьяновку, к оврагу Бабий Яр — и всех уничтожили. Говорили, что до 80 тысяч. Как-то раз немцы в виде репрессий за что-то устроили облаву: забирали всех, у кого русская фамилия, — инженеров, врачей и вообще интеллигентных людей, а тех, у кого по документу была украинская фамилия, отпускали, это было поручено украинской полиции из галичан. Одна женщина отпросилась покормить грудного ребенка, её отпустили, но сказали, чтобы она утром возвратилась. Когда она вернулась, и её посадили со всеми вместе на грузовик и повезли на расстрел…

Пошли с Селивановым в Караваевские бани, куда когда-то водили нас, юнкеров киевского Николаевскаго военного училища, — каждому давали кулёк со сменой чистого белья и куском мыла. Баня отапливается торфом: ночью его привозят на маленьких вагонетках и сгружают прямо на улице около бани. Для военных были резервированы две кабинки, мы с Селивановым их заняли, заставив долго ожидать какого-то пожилого немецкого офицера. На улице очередь, но мы, военные, прошли без очереди. Ванные те же, что и 25 лет тому назад, только пожелтели от времени.

Пошли к Университету — то же здание, выкрашенное в красный цвет. Когда-то «передовые» студенты острили: «Почему

здание Университета красного цвета? — Краснеет за своих профессоров». Перед зданием — бывший Николаевский сквер, где был памятник основателю Университета императору Николаю Первому — на его месте памятник Шевченко. Многие из этих «передовых» пошли в школы прапорщиков: в моё время их было пять: две студенческих, три обыкновенных, ещё было четыре военных училища: Константиновское, Николаевское пехотное, Николаевское артиллерийское (оба последних в Кадетской роще), и ещё Кадетский корпус и Алексеевское инженерное училище. Большинство моих одноклассников прошли эти киевские военные училища, и многие доблестно погибли в борьбе против кровавого врага Родины — коммунизма. От Университета отходит Бибиковский бульвар (ныне бульвар Шевченко). На улицах женщины скалывают лёд.

Штаб 8-й итальянской армии уезжает в Италию, и с ним остатки Альпийского корпуса, остаётся лишь 2-й корпус, расположенный в районе Екатеринослава (Днепропетровска), куда мы должны будем ехать. Как-то утром нас командировали на церемонию раздачи боевых наград. В итальянской армии существуют три степени «Военной медали» («Валоре Милитаре») — золотая, серебряная и бронзовая. Я видел альбом кавалеров золотой медали — всего несколько десятков человек, это редкая на1рада, вроде нашего ордена Святого Георгия Победоносца, больше посмертного. При нас вручали серебряные медали, одну из них получил тененте карабинеров (вроде наших жандармов), довольно несимпатичный субъект с моноклем. Медаль на синей ленте соответствует приблизительно нашему Владимиру 4-й степени с мечами. За что ему дали медаль? Вечером за ужином этот новый кавалер выставил неограниченное количество марсалы (сицилийское вино). Мы обязаны были присутствовать на обеде и ужине; какой-то молодой офицер не явился, и майор его разнёс.

Обед проходит скоро, но за ужином начальник 2-го уффичио полковник Вейль — представительный, высокого роста — развлекает нас рассказами, как он был в Москве военным атташе и сталкивался с вечно пьяными Ворошиловым и Будённым, горе-маршалами. Мы слабо разбираемся в тонкостях итальянского языка (очень красивого и гармоничного), и нам сидеть часа два кажется утомительным. Папирос нет, нам не выдают, а полагающиеся папиросы задерживаются солдатами. Тогда мы, ничтоже сумняшеся, вынимаем из кармана махорку, крутим цигарки и дымим ими, не заботясь о нежном обонянии итальянских воспитанных офицеров. Раз никто не догадывается предложить нам папиросу — пущай наслаждаются ароматом

отечественного табака!..

Пошли осмотреть Княгинин монастырь на Львовской улице. Он был основан великой княгиней, матерью великого князя Николая Николаевича. По дороге спросили у какой-то женщины, и она нам объяснила, пригласив зайти вечерком к ней. Отец её имел пивоваренный завод, и, как нам рассказывал потом наш Боярунас, он, будучи гимназистом в Киеве, часто с товарщами-гимназистами заходил на этот завод, и хозяин-немец их угощал шипучими водами. Теперь его дочь продолжает жить на заводе.

Княгинин монастырь занимает целую большую усадьбу с огромным садом. Прекрасные церкви и большие здания сохранились, только на главном храме купола реставрируются. Церковная служба как раз происходила в небольшом храме, в нём несколько прекрасных резных киотов — дар прихожан уже при немецкой власти. Монашки при советской власти работали в устроенном здесь госпитале и смогли сохранить имущество. Разговорились с монашками, которые нам рассказывали про жизнь при советской власти.

Вечером мы с Селивановым пошли на завод в гости к пригласившей нас русской немке. Застали её, её сестру и какого-то толстого немца в штатском чёрном костюме — они собирались идти в оперный театр, где выступала русская труппа. По-немецки ни я, ни Селиванов не говорили, поэтому посидели немного и сократили визит. Сестра хозяйки никогда белых русских не видела и смотрела на нас, как на пришельцев из иного мира, спросив: «Правда ли, что русские белые ели детей? И что русская эмиграция дошла до последней степени нравственного падения, влачит жалкое существование?..» Вот образец коммунистической пропаганды! Мы только посмеялись. Хорошо, что с нами не было Селиванова-«губернатора». Мы распрощались и смылись, а хозяева с немцем отправились в оперу.

24 января. Вечером адъютант капитан Фрескура повел нас на Кузнечную улицу, 14 — представиться начальнику штаба армии. Пошли я, Сельви, Константини, Фиакко и два итальянца — Полезный и Боджетто. Начальник штаба полковник Альмечи пожал нам руки и поблагодарил в нашем лице всех переводчиков за примерную службу (которую мы, «испанцы», ещё и не начинали).

Утром мы с Селивановым (нашим) пошли гулять по Киеву. Прошли мимо знаменитого Владимирского собора — он был невредим, но закрыт, так как за отсутствием отопления портилась живопись. К Андреевскому собору, построенному Растрелли, мы не ходили, так как немцы отдали его украинцам и богослужение шло на ихней «мове». Прошли к бывшему Крещатику — на углу

дощечка-указатель: «Эйхгорн-штрассе». Красавец Крещатик не существовал, а на его месте и на месте боковых улиц красовались кучи щебня и мусора, и ни одного дома. Только в самом конце Крещатика, с правой стороны сохранилось два-три здания, одно из них — Исторический музей, где я прежде бывал неоднократно. Помню, что на лестнице на стене красовалась копия знаменитого письма запорожцев турецкому султану со всеми типичными выражениями, увековеченное художником И . Репиным.

Михайловский Златоверхий монастырь XII века был снесен — красные вандалы употребили немало динамита, чтобы взорвать это историческое здание. Вместо него стоял деревянный барак, церковка, в которой в деревянном гробу покоились мощи Святой Великомученицы Варвары. Полковник Болтин в Мадриде просил нас, если попадём в Киев, поклониться её мощам, что мы и сделали. Поговорили со старичком монахом, который нам дал венчики, освящённые на мощах. Вышли оттуда — перед нами большое красивое здание, этажей пять-шесть. Мы говорим, что это первое красивое здание советской постройки. Идёт навстречу какой-то гражданин, и мы его спросили, что это за здание, такое красивое? Отвечает, что это здание украинского ЦИКа. А что там делают внутри (слышно, что там стучат молотки)? «А вот видите, от крыши до земли глубокая трещина, так здание сносят, а пока снимают окна и двери…» Вот тебе и хвалёное советское строительство…

К нам зашёл познакомиться наш сосед — оказался дроздовец, был брошен больным тифом Белой армией и скрывался столько лет. Так он нам рассказывал, что вот сзади нашего дома — новый дом, архитектор его построил и сбежал, так как строительные материалы были плохого качества, а если бы он отказался строить, то его бы расстреляли за саботаж, а если построил бы и здание завалилось, то тоже расстреляли бы. Потому обычно, когда архитектор построит дом, то старается сбежать в другой город, подальше, и часто живёт под чужой фамилией.

Пошли на Владимирскую Горку — там по-прежнему стоит огромный памятник Святому Владимиру с огромным крестом в руке, украшенным цветными камнями, его видно издалека, из Черниговщины (на другой стороне Днепра уже Черниговская губерния).

25 февраля 1943 года. Пошли с Селивановым осматривать Софийский собор XI века, где я неоднократно бывал на вечерне, будучи юнкером. Снаружи храм цел, но внутри мерзость запустения: стены голые, полы взломаны (я уже потом читал, как после войны был найден чугунный пол, третий, времён Ярослава Мудрого). У стены стоит мраморная гробница — Святого

Владимира или Ярослава Мудрого, не знаю точно. Прекрасная мозаика «Нерушимая Стена» в полной сохранности — это символ Вечной России. Сколько было нашествий в истории — теперь вот красный Антихрист, а «Нерушимая стена» — нерушима. Какая это красота! А ведь стоит девять веков.

Около собора на Софиевской площади — Присутственные места, времён императора Николая Первого, большевики их хотели снести, чтобы построить свой «нерушимый памятник пролетарской архитектуры», но почему-то оставили эти прекрасные здания на месте. На площади — памятник Богдану Хмельницкому, только надпись изменена на самостийный лад.

Пошли с Селивановым к вокзалу. Вместо традиционного деревянного сарая воздвигнуто отвратительное серое здание, да ещё с башней (кажется, при отступлении было немцами разрушено и построено потом новое). А какие чудные вокзалы были в России: в Москве, в Харькове, в Жмеринке, их я видел… Правее вокзала — крытый железнодорожный мост, над путями и Железнодорожной колонией, такой же, как и в моё время, только в жалком состоянии. Сколько раз я проходил по этому мосту, когда, будучи юнкером, возвращался в Военное училище! При мне ходил трамвай к Брест-Литовскому шоссе, но юнкера им не пользовались.

На мосту нам навстречу идёт упитанный немецкий солдат, кажется, капрал, нагруженный как ишак: на спине мешок, сбоку сумка, в руках тяжёлые чемоданы — одним словом, представитель «высшей расы» едет в отпуск «нах фатерлянд». Селиванов говорит: «Чтоб его холера взяла! Ишь, сколько награбленного добра везёт!..» Как толкнёт этого немца, так из рук его чемоданы выпали. Немец остановился и стал кричать — верно, ругался, хотя мы по-немецки плохо разбирались. Я вижу такое дело, остановился и стал расстегивать кобуру. Немец взял чемоданы в руки и пошёл своей дорогой, а мы своей, к Кадетской роще. И на кой дьявол Селиванову сдался этот немец? Сам он небольшого роста, но ядовитый господин…

По снегу с выбоинами пошлёпали дальше. Направо — здание Кадетского корпуса, заново выкрашенное в розовый цвет. Дальше длинное здание Николаевского артиллерийского училища, а ещё дальше — здание Николаевского пехотного училища. Вошли во двор, но там какое-то немецкое учреждение, мы вернулись обратно. Только над главным входом красуется по-прежнему николаевский орёл с распростёртыми крыльями, как и в моё время.

Налево — предместье Соломенка, куда нас водили на топографические съемки, — застроено домами, а Соломенское

кладбище снесено. Недалеко от вокзала по Жилянской улице — Ботанический сад…

На обратном пути зашли в Адресный стол, навести справки о тётушке нашего Артюхова. Директор любезно нам принёс с сотню карточек с подходящими фамилиями: Артюшкин, Артюшенко и так далее. Найдя подходящие карточки, пошли разыскивать, но безрезультатно: или домов этих нет, или таких никто не знает.

В целом впечатление от когда-то прекрасного Киева угнетающее. Те же дома, что были 25 лет тому назад, но только запущены, постарели, без ремонта. Вид всё тот же, что и во всех виденных мною городах и деревнях бывшей России. Улицы, хотя и очищены от снега, с изношенными тротуарами, но очищают их женщины. Трамваи не ходили, лишь изредка пройдет военный грузовик. Спросил соседей, где можно было бы купить знак киевского Николаевского пехотного училища? Они сказали, что нужно идти на Подол, где вещи старые продаются в «рассыпку» — рассыпаны на мешках и можно там случайно найти самые неожиданные вещи. Но пойти на Подол не удалось, как не успел пройти и километров за восемь к Лавре — передать поручение родным той семьи из деревни, где я занимался агитацией среди молодежи и милиционеров.

Ужин в Уффичио в этот день очень затянулся, так как полковник был в ударе, рассказывая о своих впечатлениях о советских «вождях». Нам сказали, что завтра мы выезжаем в Гомель, и поэтому мы попросили разрешения удалиться восвояси. Полковник очень мило попрощался с нами. За ужином сидел какой-то соттотененте — латыш с козлиной бородкой; говорили, что он бывший русский кавалерийский офицер, был переводчиком и зверски обращался с населением. Мы его больше не видели. Обрадовались, что в числе предназначенных в Гомель не фигурировал «губернатор» Александр Александрович Селиванов. Вероятно, адъютант капитан Фрескура всё-таки смог его сплавить во Львов.

Пообедали в Уффичио и пришли домой. Хозяйка нам говорит, что против её дома итальянцы продают бочку вина в 500 литров — как раз там помещается наша часть. Тоже занимаются коммерцией…

Гомель

«— Вы куда едете? — В Баден-Баден. А Вы? — В Гомель-Гомель!..»

26 февраля в 6 часов утра мы — трое русских «испанцев» и Фиакко («албанец» Фиалковский[17]) — на крытом грузовике выехали из Киева, где пробыли неделю. Какая это была радость для меня! В Киеве я не только был в Николаевском пехотном училище, но и проезжал через него в гимназию в Острогожск, куда ездил в 1918 году искать брата, участвовавшего в 1-м Кубанском походе, в Ростов и в Новочеркасск, возвращался затем на Волынь, сопровождая брата, который после похода заболел тифом, и через Киев же в июле 18-го года ехал обратно в Новочеркасск для поступления в Добровольческую армию…

Нас вёз итальянский офицер из нашего Уффичио штаба 8-й армии. До Гомеля от Киева — 265 километров, шоссе, как стрела из булыжников, но середина вымощена кирпичами для автомобильного движения. Сплошной лес, но по обеим сторонам дороги метров на сто он вырублен — говорят, что это мера предосторожности против партизан. Проехали Чернигов, не останавливаясь, я там был в первый раз. Город основательно разрушен, старинная крепость со старыми пушками на валах. Едем в Белоруссию, о которой нам везде говорили, что там много съестных продуктов, особенно картофеля.

В час дня прибыли в Гомель, который до революции считался второй еврейской столицей после Бердичева. Через Гомель я проезжал во время Великой войны, когда нашу 81-ю дивизию перебрасывали на юго-западный фронт, а потом под Ригу.

Мы первые итальянцы, приехавшие в Гомель, так как штаб 2-го корпуса прибудет только через несколько дней. Остановились на окраине, на Будённовской улице. Наши пошли искать квартиру, а я остался, так как у меня было нечто вроде гриппа. Пока они ходили по домам, я тоже зашёл в один дом. Мальчик лет 12-и сидит над книгами, разговорился с ним. Занимается по русским учебникам, а на полке лежит куча книг на белорусском наречии. Мальчик мне объяснил, что недавно преподавание велось в школах по-белорусски, но это отменили и снова ввели русский язык.

Пришёл Селиванов и говорит: «Нашли квартиру у богомазов». Это на Будённовской улице, 36 — довольно большой дом, комнат пять. Хозяева — отец и зять — пишут иконы для крестьян, приезжающих из деревень, им за это привозят продукты. Весь дом уставлен иконами. Очень милые хозяева, приняли нас, как

родных. Хозяин — бывший советский капитан, попавший в плен и отпущенный на свободу (немцы отпускали домой тех, кто жил вблизи). В прошлом — граф Корбут, женился на дочери лесника и был отвергнут семьёй. Зять — бывший машинист на паровозе, служил у немцев, но так как немец его ударил, то он постарался уйти со службы. Жена его, хозяйская дочка, только что родила девочку, буквально несколько дней назад — я ей преподнес несколько парижских губных карандашей.

Гомель — вероятно, единственное место в зоне, оккупированной немцами, где существует свободная торговля. Это главный город Гомельской губернии, и губернатор, доктор Шварц, оказался прекрасным администратором. Ежедневно на базар съезжаются жители окрестных деревень, а к вечеру разъезжаются, так как каждый вечер налетает советская авиация, а иногда ещё и ночью. В каждом доме радиоприёмник — диск (тарелка), и перед налетом объявляется: «По Гомелю объявляется тревога».

Мы с Селивановым устроились у «богомазов», а Сладков — единоличник — в доме напротив: все комнаты уставлены пальмами, некоторые загнулись под потолком…

Город большой, до войны было 160 тысяч населения. При эвакуации исчезли главным образом евреи, при нас никого из них не было. Центр города снесён с лица земли — километра полтора квадратных ни одного дома, лишь кучи мусора. Это были советские учреждения, власти бежали, а жители растащили — сначала окна и двери, а потом и остальное, ни одного кирпича не осталось. Но окраины уцелели, городские домики, наверное, построены ещё до революции. Последний налёт авиации был дня два тому назад, и мы несколько дней жили спокойно. До центра — километра три, и мы выходили на крылечко дома наблюдать, как советская авиация громила вокзал и район товарной станции.

В Гомеле было около 40 зенитных орудий, масса прожекторов, так что было интересно наблюдать. Соседи все шли в «щель», а я никогда никуда не прятался. Убьёт — так на родной земле. По крышам иногда стучали осколки…

Утром пошли на базар — там ряд ларьков, торгуют съестным. Выпили по чашке хорошего кофе и съели по белой булочке — но для нашего кармана дороговато. Пронюхали, что на товарной станции есть итальянское интендантство, пошли туда по шоссе — грязь жидкая по щиколотки, со снегом. Обнаружили большой сарай, наполненный продуктами, для получения которых достаточно подписи любого офицера, так что мы безо всякого затруднения получили сухой паёк (вивери секи): хлеб, мясные консервы, масло, сыр, кофе и сахар. Жандарм (карабинер) нам

рассказывал, что несколько дней тому назад около склада упала бомба, так что во время налетов авиации они чувствуют себя довольно неуютно. Они рады были поговорить с нами, так как в Гомеле итальянцев нет, а стоявший здесь штаб корпуса на днях уезжает в Италию, штаб же нашего 2-го корпуса ещё не прибыл.

Полученные продукты отдали нашим хозяевам, они были очень довольны, так как многих вещей уже давно не видели. Нас они кормят своим: мы больше налегаем на солёные огурцы и на капусту. Готовит сам граф, с раннего утра возится в печи, выпачкан сажей, как чёрт, а хозяйку к печи не подпускает, она довольно молодая, белотелая, симпатичная.

28 февраля. Пошли с Селивановым осматривать город — то, что от него осталось. Главная улица называется Фельдмаршальская — в честь графа Паскевича, усмирителя очередного польского восстания. Зашли в собор, построенный фельдмаршалом, рядом мавзолей, где покоятся останки его и его семьи. Дворец Паскевичей сгорел, там был музей, которым заведовала внучка фельдмаршала. Небольшой парк, но заброшенный, и при входе устроено немецкое кладбище. На многих перекрестках улиц похоронены немецкие солдаты — несколько могил и кресты, и на каждом надпись и каска. Почему немцы так делают? Ведь в случае проигрыша ими войны эти могилы будут несомненно снесены. Кое-где валяются осколки гипса — остатки разрушенных памятников «отцу народов» (то же самое я наблюдал и в других городах).

Март 1943 года

Прибыла часть штаба 2-го корпуса. Получили сухой паёк, но без вина, обещали на днях выдать в театре. Можно обедать на итальянском этапе, но нужно ходить за четыре километра, нас же кормят хозяева — и они очень довольны, и мы тоже.

3 марта. Явились в штаб корпуса, сдали наши «Либретта милитаре» (книжка для получения жалованья), зачислились в Офицерское собрание (Менса оффичиали), представились полковнику Уффичио, который на днях уезжает в Италию, а вместо него будет какой-то капитан. Пока что болтаемся без дела. Узнали, что я и Селиванов назначаемся в дивизию Кассерио, двое других в дивизию Равенна, Фиалковский — в Управление корпусной артиллерии в Клинцы, а Сладков и галичанин («папский подданный») остаются при штабе корпуса. Клинцы — это посад Черниговской губернии, в старое время был одним из центров старообрядчества, 120 километров от Гомеля.

Хозяева угостили прекрасным обедом, даже с водкой.

Вечером отправились ужинать в штаб корпуса, представились старшему, майору, у которого вечно сигара во рту. Говорит, что не любит русских. Вечером возвращаемся домой, километра три, уже в темноте — взрывы, налёт советской авиации, одна бомба упала недалеко от нашего дома. Пока ещё празднуем Масленицу с милыми хозяевами, даже блины были несколько раз. Сладков помещается в доме напротив, но он так боится авиаций, что кочует из дома в дом, и его вещи в нескольких домах — он молодой, никогда пороху не нюхал. Сблизился с Фиалковским только потому, что у того много продуктов. А нас он даже не признает, мы не видимся.

Хозяева рассказывали, что у них в доме долгое время жил священник; когда выходил, то одевался нищим. Знали об этом лишь человек тридцать ближайших соседей. На Пасху совершали крестный ход по комнатам. В доме занимали комнату два молодых коммуниста, но они часто уходили из дому и не мешали. Какая-то толстая баба, жившая с евреем, при встрече с хозяйкой кричала: «Верующая!..»

7 марта. Конец Масленицы — хозяйка печёт блины два раза в день. Наша отправка в дивизию откладывается. Вечером налёт авиации на товарную станцию, от первой же бомбы загорелся товарный поезд, горел всю ночь, рвались бочки с бензином и снаряды. Налёты теперь происходят каждый вечер, в 6.30. Первые самолёты бросают осветительные бомбы, как свечки на парашютах: те долго горят, светло, как днём. Минут через пятнадцать прилетают штук десять бомбовозов и бросают бомбы в четверть тонны, а иногда и поменьше размером, осколочные, что хуже. Страдают вокзал и огромная товарная станция, пути по дороге в Новую Белицу и конный завод. Деревянные дома долго горят.

Выяснилось, что мы, русские испанцы, никуда не поедем, а останемся при штабе корпуса. Новый начальник Уффичио капитан Виола жил лет пять в Ревеле, немного говорит по-русски, но с сильным сицилийским акцентом — вместо «с» произносит «ш», к нам он питает большую симпатию и не хочет расставаться с нами, русскими. Тем более что мы настоящие офицеры, а почти все остальные считаются «милитаризованными», то есть штатскими, призванными для вспомогательной службы, с чином соттотенente — подпоручика.

Учреждения штаба 2-го корпуса разместились в «Доме коммуны», недалеко от вокзала. Это огромное здание в виде буквы «Т», в 5–6 этажей, выкрашено в черный цвет — краски не было, взяли сажу из трубы. Мы должны там быть в 7.30 утра и оставаться до 12-ти дня — высиживать часы. Капитан Виола нас

предупредил, что мы никому не должны говорить, что мы говорим по-итальянски, а лишь по-испански. В 12 — обед в собрании и после обеда высиживать с 3.30 дня до 6-ти вечера. Возвращаемся домой в темноте, как раз во время налётов красной авиации.

Раз возвращаемся домой, сзади огромный овраг, туманно. С другой стороны оврага нас обстреляли — видно, был немецкий патруль, охраняющий город от возможных налётов партизан, которых в окрестных лесах, как говорят, тысяч сорок. Но пули пронеслись высоко над нами (обычное явление в тумане). Мы скрылись за домами. Решили расстаться с милыми хозяевами и переселиться поближе к штабу корпуса. Перешли с Будённовской на Минскую улицу, дом 31, — рядом с «Домом коммуны», дверь в дверь. Хозяйка пожилая, огромного роста — Ирина Ивановна.

Все переводчики разъехались в разные части, остались мы вдвоём с Селивановым, сидим в комнате, пишем письма и совершенствуемся в итальянском языке. Сладков и болгарин Стефани — Степанов — бродят по городу и ищут квартиры для приезжающих офицеров. Немцы по радио приглашают записываться добровольцами в «Народную освободительную армию», но о России ни слова.

Налёты авиации участились: теперь ежедневно около 6-ти вечера, а около полуночи — вторая волна. Мы с Селивановым не обращаем внимания, по тревоге не встаём и даже не интересуемся, где находятся убежища. Около 12-ти ночи — сирена, проснёшься и начинаешь читать. В доме всего лишь две книги — «Учебник акушерского искусства» и «В чём моя вера» Льва Толстого, пытался читать, но органически не мог: Толстой — величайший разрушитель России, развратил четыре поколения молодежи своим учением о непротивлении злу, и когда настал решительный час, то шли воевать против мирового зла лишь молодые люди и юноши. У Толстого два лица — мыслитель и художник-писатель. Лучше было бы, если бы он не «мыслил»!.. Предпочёл читать учебник акушерского искусства…

Наше Уффичио было командировано на похороны итальянского поручика: подали два грузовика, мы все в сапогах (обычно носим ботинки с обмотками) и в касках — отправились к немецкому госпиталю, гроб погрузили в крытый грузовик и отправились к парку графов Паскевичей. Обычно русские люди снимают шапки при виде похоронной процессии, но гроб стоял в грузовике, покрытый брезентом, и встречные понятия не имели, что это похороны.

15 марта, воскресенье. Вчера, только сели в собрании ужинать, как вблизи раздалось несколько взрывов, и в нашей

столовой на 2-м этаже «Дома коммуны» все окна вылетели — бомбы были брошены в вокзал и железнодорожное депо. Так и сидели несколько дней в столовой с разбитыми окнами в шубах. На обед дают макароны или рис с подливкой, грамм сто мяса или консервов и сладкое (мармелад или плохие фиги), четверть литра вина и хлебец грамм в триста, на ужин то же самое. Утром можно получить рюмку холодного кофе и с кухни принесут кусочки хлеба. Впоследствии нам кофе выдали в зернах, у меня их собралось около кило.

Иногда налёты авиации бывают три раза в день. В доме, где помещается Сладков, бомба в четверть тонны упала в метре от угла дома, но весь взрыв пошёл в толстый ствол дерева и дом не пострадал — я ходил смотреть на это «чудо». Были попадания в дома, где помещаются итальянские офицеры. Наша хозяйка Ирина Ивановна каждый вечер уходит в деревню Новая Белица, за 9 километров, шлепает по грязному шоссе в худых сапогах и утром возвращается домой, так что мы вдвоём с Селивановым остаёмся в доме.

Я жил в доме Ирины Ивановны вместе с моим соратником Сельви (Селивановым Николаем) недели три. Ирина Ивановна была огромного роста, лет 50-ти. Муж её был осужден на 10 лет как «верующий». В «Доме коммуны» в 5–6 этажей были квартиры — из коридора дверь в маленькую прихожую, несколько жилплощадей в 1 или 2 комнаты с кухонькой и общей уборной. Ирина Ивановна рассказывала, что она как-то явилась в жилищный отдел и попросила для себя квартирку. Бй ответили: «Ты, мамаша, пролетарского происхождения, имеешь право на квартиру, но так как ты верующая, то будешь ежедневно убирать и чистить 80 уборных». Она согласилась и ежедневно чистила эти уборные.

Она рассказывала: «Когда началась война и немцы были уже близко, я была в деревне. Пошла в лес по ягоды и вижу, что между кустами прячутся солдаты. Я спрашиваю: «Сыночки, что вы здесь делаете?» Мне отвечают: «Да вот, немец близко». — «Чего же вы не сдаётесь?» — «Мы бы сдались, мамаша, да вот за этим кустом командир, не разрешает». Я подошла к этому командиру и говорю: «Лучше сдавайтесь, они уже близко». Он отвечает: «Я бы сдался, да у меня нет цивильной одежды».

Я пошла в хату, вынесла старые штаны и пиджак. И, только он оделся, как раз подошли немцы, и солдаты сдались; а он ушёл в лес, и некоторые солдаты тоже разошлись — по домам, кто близко жили.

Уже у нас были немцы. Пошёл слух, что они пленных ведут. Мы по русскому обычаю вынесли на дорогу кто что мог: кто

молока, кто варёной картошки, кто хлеба, а кто ничего не имел, то просто кувшин воды. Видим — вдали облако пыли: немцы гонят пленных. Они грязные, запылённые, уставшие. Мы к ним, а немцы нас отгоняют, не позволяют давать передачи. Некоторые падают от усталости, немцы их закалывают штыками. Мы им этого никогда не забудем: ведь это наши сыновья, мужья и братья…

Правда, немцы отпускали по домам пленных, которые были из ближайших деревень: мои хозяева, два брата, у которых я летом жил, были отпущены домой.

Ещё Ирина Ивановна рассказывала, что в одной деревне около Гомеля господ офицеров — бывших советских — из города привозили мертвецки пьяными, погрузив их кучей в сани. Из казармы в город их стали пускать по увольнительным запискам. Форма немецкая, погоны вроде русских, на рукаве щиток «РОА» (Русская освободительная армия). В Бобруйске формировался полк армии генерала Власова — так его тогда называли, под командой майора сербской службы Слюсаревского…

Как-то утром я собирался на службу, которая начиналась в 7.30 утра. Селиванов куда-то вышел, и я один был на кухне. Ирина Ивановна и говорит мне: «Какие вы там итальянцы? Вы наши старые русские царские офицеры…» Вижу, у неё на глазах слезы, и я ничего не сказал, а вышел, чтобы тоже не расплакаться. Через несколько дней я перешёл на другую квартиру, где и жил уже недели три до самого отъезда в Италию. Очень милая семья — два дома под одной крышей, и живут два брата. Хозяйка на 10 лет старше мужа, двое детей, милые мальчики. Когда я приходил с обеда, то меня встречали: «Дядя, принесли пряника?» Я получал за обедом и за ужином по хлебцу в 300 граммов каждый, сам не ел, а всегда им приносил. И итальянский хлеб был белый, а немецкий — темный…

Как-то мы компанией возвращались со службы домой — я, болгарин Стефани, Селиванов и ещё кто-то. На улице около дома стоит группа соседей, окружили одного из них, очевидно, выпившего. Селиванов по своему обычаю сделал ему замечание, что он мешает нам пройти, загородив собой тротуар, и прибавил: «Счастье ваше, что мы итальянцы, а если бы были немцы, то ещё вас избили бы…»

Напротив в том же дворе в отдельном доме жила разведённая Павла Семёновна, у неё жил высокий итальянский офицер; иногда я к ней заходил за книгами, и мне она даже подарила «Историю СССР» и «Географию СССР» в двух томах. Я их привёз в Рим и подарил Герцогу Лейхтербергскому для библиотеки при Русском собрании. За ней ухаживал немец Фриц, фельдфебель из

интендантства. Сидят вдвоём на заборе и смотрят друг на друга — уж не знаю, на каком языке они разговаривали. Однажды прихожу — во дворе лежит гора обрезков от досок с лесопильного завода, это Фриц прислал целый грузовик дров.

Иногда к нам заходил полицейский побеседовать, у него жил наш офицер, русский, подполковник инженерных войск. Как-то раз пришёл полицейский к Павле Семёновне и принёс приказание — ездить на рытьё противотанковых заграждений. Она сказала, что не поедет. Полицейский сказал, что это приказ свыше и отказываться нельзя. Она как стала ругаться матерными словами. Сама она из простых, но в Ташкенте вышла замуж за врача, потом разошлась с ним и очутилась в Гомеле.

Ежедневно под вечер к нам собирались соседи и в ожидании тревоги играли в дурака, домино и вели со мной бесконечные разговоры. Ругают советскую власть на чём свет стоит, многие из них уже «сидели» по несколько лет. Я как-то спросил: «Вот вы ругаете коммунистов, а какую вы власть хотели бы? Как при царе?» Мне отвечают: «Так разве мы об этом можем мечтать? При царе был просто рай на земле, нам хотя бы немного лучше, чем было при советах…»

Разговорились с женщиной, ездившей на Полтавщину за хлебом. Рассказала, что немцы сожгли четыре деревни, куда заходили партизаны — являлись к старосте и требовали хлеба и сала, попробуй не дать! Немцы в наказание зажигали деревни со всех концов, никого не выпускали, детей штыками бросали в огонь…

Как-то мы после налёта пошли посетить наших хозяев-«богомазов» на Будённовской улице: дом очень пострадал от вблизи упавшей осколочной бомбы, окна разбиты, в стенке, около которой я спал, — дыра, а крылечко, с которого мы с хозяевами наблюдали бомбардировки, почти снесено огромными осколками. Рядом был красивый домик с зелёными ставнями, мы раза два туда заходили, чтобы там поселиться, но хозяев не заставали — теперь этого дома не было, разрушен вблизи разорвавшейся бомбой и сгорел дотла.

Наших прежних хозяев мы не застали, они уехали в деревню. Счастье наше, что мы за два дня до этого переехали в другой район! Я дал почитать хозяину (графу Корбуту) «Сионские протоколы», чуть ли не первое издание, привезённое мною из Парижа. Книга пропала, но я не жалел, так как уверен, что она в рукописных копиях размножена среди русских людей, которые особой симпатии к «иерусалимским дворянам» не питают. Мне даже говорили: «Если у нас начнётся по-настоящему, то мы ни одного еврея не пощадим!» Рассказывали, что в какой-нибудь

лавчонке, кооперативе или киоске для продажи прохладительных вод все служащие христиане, но достаточно влезть туда одному еврею, как через некоторое время там ни одного христианина не останется. Хотя Гомель и считался до революции одной из «еврейских столиц», но при мне там ни одного еврея не было. Но никто не упоминал о расправе немцев с евреями. Я переночевал раз в одном домике, хозяйка была очень милая, но я ушёл, так как окна были разбиты, а в начале марта под разбитым окном удовольствия мало, и я ушёл оттуда на следующий день. Потом мне говорили, что хозяйка — еврейка, но её немцам не выдали, так как она хороший человек.

18 марта. Бесплатное развлечение: в «Доме коммуны» загорелся чердак, прибыла итальянская пожарная команда, в касках и всём том, что полагается для благоустроенных пожарных команд. Офицерская столовая на втором этаже, мы обедали и из окон наблюдали, как над нами тушили пожар, к часу дня всё было окончено. Ночью был налёт авиации, пострадала товарная станция, долго шипел раненый паровоз.

Утром было прощание с командиром корпуса (эксчеленца) генералом Гарибальди, каждому пожал руку. Получили в подарок по 500 наилучших хорватских папирос, но за транспорт их заплатили по 24 лиры. Вечером одна бомба упала около домика, где мы хотели остановиться на постой, но не застали хозяев, — убит один итальянский солдат и трое раненых. Мы говорим, что кто-то о нас усердно молится… Около штаба корпуса стоит прожектор и около него упало три бомбы, так что прожектор больше не зажигали.

23 марта — фашистский праздник. Утром было синема, говорящая картина, длинная, мало интересная — вся аппаратура привезена из Италии в чемоданах. Потом длинную душещипательную речь произнёс полковник, заведующий отделом «Ассистенца» (учреждение, ведающее распределением подарков, поступающих в огромном количестве из Италии), главный казнокрад. Нам многого недодают из положенного — Муссолини установил такой паёк для армии, что не хуже американского, — итальянцы ропщут, но никто не жалуется. Мы объясняем это их психологией: если начальник ворует, то младшие тоже будут делать то же, когда достигнут высшего чина. Я никогда не слышал, чтобы русский офицер позволил бы себе наживаться за счёт подчинённых, и в испанской армии я тоже ничего подобного не видел, там бывает даже соревнование среди офицеров — кто лучше кормит своих солдат.

Обед по случаю праздника был улучшенный. Итальянские офицеры — а их обедает человек 50 — пытались хором петь

фашистские песни — «Джовинецца» и другие. Каждый пел соло и фальшиво — получилась какофония сверхъестественная, я в жизни не слышал подобного хорового пения. Потом пошли в штаб корпуса получать подарки, каждому пакет от женской фашистский организации. В моём пакете были тёплая бязевая рубаха, тёплые перчатки, тёплые носки, папиросы и шоколадка. Некоторые пакеты были вскрыты, содержимое частично изъято, судя по списку, в каждом пакете. Кроме того, выдавали отдельно по несколько коробок сардин, по две шоколадки, два пакетика румынских бисквит и дешёвое стило. Старшим в чине выдавали немного больше — таков, видно, обычай.

Солдаты нашего Уффичио получили семь пакетов подарков на 20 человек. Видно, остальное пошло на вольный рынок.

Накануне в Гомеле были сбиты два советских бомбардировщика, взяты в плен четыре красных авиатора. Был сбит также один английский самолёт. Немцы привезли в Гомель крупные противоавиационные пушки и несколько прожекторов — теперь в Гомеле стало около сорока орудий.

Получил из Рима открытку от Юренинского[18] (он теперь Джурими), с ним в Риме Белин,[19] ожидают из Испании ещё нескольких человек. Но они просидели в Риме девять месяцев и на фронт не попали.

На днях произошёл случай с соттотенente Де-Изола (майор югославский армии Островский[20]), он командует казачьей сотней в Новой Белице. Островский — бывший кадет Русского кадетского корпуса в Югославии, 35-ти лет, майор югославской армии. Итальянские офицеры не пускали в убежище нескольких русских женщин, и Островский за них вступился. Итальянцы говорили, что убежище для них, а не для русских. Островский был на взводе, произошла перебранка, перешедшая в рукоприкладство. Островский потерял пистолет и один зуб. Его отдали было под суд, но без последствий. Вместо него казачьим отрядом командовать был назначен соттотенente Ди-Фонтани (югославский майор Фарафонов). Оба они были представлены к высшей награде за храбрость — серебряной медали. Я потом видел Фарафонова в Риме с медалью, но не знаю, получил ли её в результате и Островский. Русские офицеры в Югославии дрались до последнего, когда немцы наступали на эту страну, потом Островский был и в итальянском плену. Под арестом он опустился — погон один висит, пуговицы на мундире оторваны. Селиванов ему сделал замечание, и Островский мне потом жаловался: «Какое право этот маленький имеет делать мне замечания…»

Дивизион казаков формировался при итальянской 6-й армии,

стоявшей на Дону: 1-й эскадрон — донцы, отряд Кампелло (по имени командира — графа Кампелло, итальянского офицера), и 2-й эскадрон, носивший название «Владимир Иванов» — в честь русского офицера-переводчика, убитого бомбой в Луганске. Солдаты — наполовину не казаки. Офицеры носили серебряные погоны со звёздочками. Содержание: капитан — 2500 рублей в месяц, тенente — 2000 рублей и соттотенente — 1500 рублей. Офицеры в Миллерово допускались в итальянское офицерское собрание, но вели себя неприлично — сморкались в скатерти и так далее. В Гомеле в наше офицерское собрание пришёл такой офицер из части, стоявшей в Новой-Белице, но итальянские офицеры отказались допустить его в свою среду. Этот офицер, ничтоже сумняшеся, пошёл на кухню, и повара дали ему поесть. На следующий день он опять явился обедать на кухню. Тогда итальянские офицеры запротестовали, сказав, что он к обществу итальянских офицеров не принадлежит, так как не прошёл через Военное министерство, как мы, например. Русские офицеры-переводчики возражали: «Вы наделали офицеров, а прав им не даёте!» Его хотели посадить снова на кухне, но мы выслали к нему Сладкова, и тот сказал: «Раз вы носите погоны русского офицера, то не имеете права обедать на кухне, а если хотите, то присылайте за обедом своего вестового». Тот говорит: «А у меня нет вестового». Сладков ему заявил: «Чтобы вас больше не было на кухне! Делайте, что хотите, но вы должны относиться с уважением к русским офицерским погонам!» Больше мы его не видели — тип и замашки старого русского унтера.

Кстати, после эвакуации итальянской армии из России казаков итальянцы вывезли в Италию — человек 300. Были они там в Падуе, устроили хор, оркестр, давали концерты. По слухам, воевали во время переворота, когда убили Муссолини, против немцев…

Против «Дома коммуны» огромный пустырь, там был какой-то завод, чуть ли не танковый, но остались лишь канавы фундамента, ни одного кирпичика — всё было растащено. В конце пустыря — симпатичный домик, где жили Островский и Фарафонов, там была масса книг, и они приносили их в Уффичио, там я прочёл «Морские рассказы» Станюковича. Вообще в домах много книг, много довоенных изданий.

Из «Дома коммуны» наше Уффичио перешло в здание, где помещается штаб корпуса. Это большой дом — бывший сельскохозяйственный институт, выкрашенный в нежно-розовый цвет. В Гомеле вообще все бывшие официальные советские учреждения почему-то розового цвета, тогда как «Дом коммуны» вымазан сажей. Наше Уффичио теперь подчиняется майору Рокка,

заведующему транспортным отделом корпуса. Это настоящий офицер, который сделал бы честь любой армии. На днях штаб 8-й армии уехал в Италию, из Бобруйска уехали остатки разбитого 3-го корпуса. По слухам, в Бобруйске формируется русская часть, ею командует Слюсаревский, русский, майор югославской армии. По слухам же, в Германии русские части подчиняются бывшему советскому генералу Власову. Итальянцы формируют у себя русские национальные части, под русским трёхцветным флагом и с русскими погонами, в пику немцам.

Три ночи провели спокойно — не было налётов авиации. К нашему ужасу, возвратился из львовского госпиталя «губернатор» — А.А. Селиванов. К нашему удовольствию, в Киеве он простудился, и его отправили во Львов. Все были довольны, уверяли, что он больше не вернётся, что расстались с ним навсегда, но я уверен был, что он ещё может вернуться. Так и получилось: смотрим — на улице под окнами штаба корпуса бредёт с опущенной головой «губернатор» в сопровождении капитана (тот хорошо говорил по-русски, так как служил в Добровольческой армии — кажется, в Дроздовском полку), за ним денщик капитана несёт вещи. От нас присоединили к ним Селиванова (Сельви). «Губернатор» заявил, что раз Селиванов — его однофамилец, то обязан заботиться о нём! Передали нам его слова: «Полковник Риччи собрал всех русских и приказал, чтобы все обо мне заботились, а которые не заботятся, я им не забуду… В особенности не прощу Николаю Ивановичу Селиванову, моему однофамильцу…»

Нашли для него комнату. «Губернатор» изводил хозяйку тем, что весь день заставлял кипятить ему воду для чая. Как-то хозяйка ушла на базар, и «губернатор» решил попить чайку, стал на плите кипятить воду. Но вьюшка была закрыта, и весь дом наполнился дымом — прёт через окна и двери. На базаре кто-то из соседей сказал хозяйке, что её дом горит. Она потом пришла к нам и горько жаловалась на своего постояльца. И жалко бедную женщину, и смешно.

Кстати, когда в Екатеринославе «губернатор» был на квартире у какого-то самостийника-агронома, он иногда заходил к нам — а мы жили с «нашим» Селивановым в доме простого рабочего. Зашёл как-то разговор, а «губернатор» и вмешался: «На основании учения энциклопедистов Декара, Вольтера и других, на основании новейших данных психометрии и оккультизма…» Я его еле остановил:

— Александр Александрович, давайте поговорим об этом завтра…

Там же, в Екатеринославе, пришёл к нам и говорит: «Мой

хозяин большевик и ваш тоже». Наш хозяин слышал, получилось конфузно…

Даже в Риме уже, после возвращения из России, когда зашёл разговор о нашем скором отъезде в Германию, Селиванов (Сильвано) опять заявил, что ему нечего беспокоиться, ему место губернатора обеспечено…

Апрель 1943 года

Наше Уффичио (контрразведка) перешёл в дом, где помещался штаб уехавшей в Италию 8-й армии. Мы занимаем большую комнату — это какой-то институт. Наш начальник — капитан Виола, и мы подчиняемся начальнику транспортного отдела корпуса майору Рокка. Транспорт теперь — вещь серьёзная, так как все окрестные леса кишат партизанами, которых насчитывают тысяч сорок. Немцы сами их фабрикуют. При немецком наступлении бежали в леса те, кто не успели эвакуироваться — евреи, комиссары, коммунисты. Приходят ночью в деревню и требуют у старосты хлеба, сала и прочего — попробуй им отказать! Через несколько дней приходят немцы, зажигают деревню со всех сторон, всех убивают. Когда немцы приходят на расправу в следующую деревню — она уже пустая, все бежали в лес к партизанам. Поезда ежедневно взрываются, на дорогах рвутся петарды, несмотря на то что через каждые полтора-два километра расположены посты с пулемётами. Прежде всего страдает немецкий транспорт.

Между тем из Гомеля ежедневно отправляются грузовики с продуктами в Клинцы, за 120 километров, но почему-то не нарываются на мины, поставленные партизанами. Как говорят, между итальянцами и партизанами заключено молчаливое соглашение о взаимном ненападении. Так это или не так, но не было ни одного случая, чтобы итальянские грузовики пострадали!

Мы, русские, приходим в отдел транспорта в 7.30 утра и сидим до 1.30 дня, идём в перерыве в офицерское собрание и потом снова приходим в 3.30 и сидим до 7-ми вечера. Пишем письма, рассказываем анекдоты, читаем книги. За отдельным столиком в углу сидит капитан-альпиец хорват Рендич (с красным галстуком — это боевое отличие полка), по-русски он не говорит, всё время что-то пишет. Когда мы возвратились в Италию, то в Риме встретились с ним, и он заговорил на прекрасном русском языке; вероятно, тогда он был приставлен следить за нами!

Распространился слух, что все офицеры славянского происхождения будут отправлены в Италию — вероятно,

вследствие неудач на фронте им не доверяют. Нас это не касается, ибо мы «чистокровные» испанцы, мы на особом положении — у нас, русских, у каждого на мундире по два ряда ленточек испанских боевых орденов, какие имеются и у некоторых итальянцев, тоже воевавших в Испании.

В сущности, наша обязашшсть — контрразведка. Капитан Виола как-то подошёл ко мне и говорит: «Габриэли, постарайтесь больше ходить по домам, заводить знакомства и узнавайте побольше насчёт партизан». Я пошёл, встретил на улице какого-то гражданина, и он сообщил мне фамилии трёх парашютисток, сброшенных с красных самолётов в наших тылах, все три из Гомеля, и население их знает: Вера Ломако, Степенко и Валентина Гризодубова.

Капитан Виола нам показывал бумажку — донос на Фиакко, прибывший из Клинцов. Фиалковский там стал переводчиком в артиллерийской части. В доносе говорилось, что сотгетененте Фиакко ведёт знакомство с местными жителями, бывает у них в домах. Мы только посмеялись над этим. Капитал Виола питает к нам, русским испанцам, особенную симпатию, он отстоял нас, просив, чтобы нас никуда не посылали, а оставили при нём. Как-то он обратился ко мне: «А у вас есть денщик?» — «Нет, господин капитан!» — «А кто вам сапоги чистит?» — ***«Я*** сам». — «Хотите, я вам дам денщика?» Но я отказался. Сладков и болгарин Стефани имеют одного денщика на двоих, но ему делать нечего.

Капитан Виола любит петь «Колыбельную песню» — с сицилийским акцентом: «Шпи, мой ангел, тихо, шладко, пешенку спою…»

У меня кончилась сапожная мазь, и я узнал, где её можно купить. Около моей квартиры в доме одна комната забита итальянскими продуктами: ящики с папиросами, галетами и прочим казённым добром. Откуда всё это? Продавец меня честно предупредил, что мазь портит кожу, и действительно, через несколько дней ботинки были в мелких трещинах.

За март месяц на Гомель было сделано 24 налёта советской авиации: было сброшено 700 бомб на город и 300 на предместья. Разрушено около 300 домов, повреждено около 600.

14 апреля. Ночью был налёт авиации — 6 самолётов, сброшено 55 бомб, 19 домов разрушено и 29 повреждено. За две недели в столовой после ужина было кино, уходить нельзя. Сеанс продолжался и во время налётов, пока провода не были порваны и не наступала темнота. Я тогда выходил в коридор и со второго этажа «Дома коммуны» наблюдал взрывы, прожектора и стрельбу артиллерии. Раз как-то я наблюдал со своей квартиры, как немецкие зенитчики сбили один самолёт — обыватели пришли в

восторг: «так ему и надо, с…у сыну!» Должен сказать, что итальянские офицеры вели себя во время налётов превосходно. Как-то раз, когда провода были порваны и наступила темнота, солдаты подали свечи, и офицеры с хохотом вытащили из-под стола хозяина собрания, офицера.

В темноте расходились по домам — мне близко было, дверь в дверь.

На следующий день опять налёт: 45 бомб, воронки такие, что двухэтажный дом может свободно спрятаться. Налёт был с 8.30 до часу ночи.

16 апреля 1943 года. Мой день рождения — 46 лет, никак не праздновали. Утром в собрании по приказу свыше явились все офицеры — около 50 человек. Пришёл начальник штаба корпуса полковник Альмечи и сказал: «Распространяются неправдоподобные слухи о нашем скором отъезде в Италию. Кто из офицеров слышал — выйдите». Никто не вышел, хотя об этом шли бесконечные разговоры за столом. Полковник заявил: «Вы недостойны звания офицера… Что, вы хотите, чтобы я за стол сажал с вами карабинеров?» Повернулся и ушёл. Офицеры взяли лист бумаги и написали: «мы ничего об этом не слышали» — и все подписались. Потом составили новую версию: «Все слышали, но никто на это внимания не обратил» — и опять подписались. Болгарин Стефани заявил, что «русские переводчики якобы ничего об этом не слыхали и ничего не знают». Тогда все офицеры и мы тоже запротестовали и сказали совершенно резонно: все вместе едят, и все должны нести одинаковую ответственность. Больше всех волновался Сладков, хотя ни слова по-итальянски не понимает, но его успокоили, что, мол, это не наше дело, наша обязанность — слушать, наблюдать и молчать… Еле успокоили.

Видел брошюру, изданную Итальянским военным министерством — «Новое в военном деле за границей» — три таблицы в красках новых советских военных форм (солдатские, офицерские и генеральские погоны, как в Императорской армии, лишь маленькая разница в количестве звёздочек).

После обеда по наряду был в театре около вокзала — был какой-то немецкий праздник, и послали итальянских представителей. Шла какая-то оперетта, играла знаменитая немецкая артистка Лили Даговер (я её видел в фильмах) — на сцене артистка раздевалась почти догола. Старшие офицеры, начиная с капитана, говорят младшим «ты», но к нам никто на «ты» ни разу не обращался.

Островского (де-Изола) вызвали в Бобруйск на суд по делу об инциденте с итальянскими офицерами в убежище. Говорят, что суд может присудить его к разжалованию и к заключению в

тюрьму. Но, по сведениям, все наказания отбываются после окончания войны. Арест не отбывается на гауптвахте, а делается вычет из жалованья.

22 апреля. Страстной Четверг. В этом году православная Пасха совпадает с католической. В церковь пойти нельзя, так как приходится высиживать положенные часы в Уффичио. Есть приказ: мы вскоре уезжаем в Италию, а вместо нас, возможно, прибудет броневой корпус. Тогда почему же начальник штаба корпуса несколько дней назад угрожал сажать за обедом карабинеров? В приказе говорится, что итальянцы хорошо обращаются с населением, у которого создалось самое лучшее мнение о них. Но все должны помнить, что население — это одно, а существует страшный враг — коммунизм. Мы все должны были расписаться в прочтении этого приказа. Не составляло секрета, что итальянские части, стоящие в окрестностях (Клинцы), уже не боеспособны и заключили нечто вроде перемирия с партизанами: мы вас не трогаем, не трогайте и вы нас. Вокруг здания штаба корпуса — окопы для защиты от партизан, патрулируют парами карабинеры в своих наполеоновских шляпах, усилены караулы.

Вчера вечером на наших глазах был сбит советский бомбовоз, упал в 40 километрах, лётчики — 6 человек — погибли, было 5 бомб по 500 кило. Жители, наблюдавшие за обстрелом самолёта зенитками, были опять в восторге.

25 апреля — Пасха. Ночью пасхальной службы не было — перенесена на 5 часов утра. Я отстоял всю службу в соборе: большой хор, пел хорошо. Собор уже восстановлен — при красных там был склад. Я был единственным из итальянских офицеров, было ещё несколько итальянских солдат — не знаю, какой они нации. Тёплая весенняя ночь, я был в одном мундире, без шинели. Было много народа и около церкви, как в старое время, освящение куличей и яиц. Вернулся домой, похристосовался с хозяевами, сели за стол. Мне удалось сэкономить литр вина, хозяева достали водки, я вынул несколько коробок сардин. Очень трудно было достать бутылку для вина: наш один был на квартире у полицейского, который был занят изготовлением самогона, заполнил все бутылки, и мне удалось выпросить одну, а он приготовил бутылок тридцать самогона. От непривычки я «устал» и лёг отдохнуть на диване, положив пистолет под подушку.

Обед в офицерском собрании был улучшенный, много было вина и ликера. Мы подвыпили, как и все, но потом нам показывали донос, что все русские были на Пасху пьяны. Наше начальство только посмеялось, так как все итальянцы были на взводе, как и мы. Как приятно было провести Пасху на родной

земле! Все одеты хорошо, все радостны. Ни утром, ни вечером я на службу не пошёл — без последствий.

В Страстную субботу, возвращаясь из Уффичио домой вечером, проходил, как обычно, мимо сквера, огороженного проволокой с немецкими часовыми, — говорили, что там склад снарядов и часовым приказано стрелять во всякого, кто попытается туда войти. Недалеко, на моей улице (улица Жарковского, бывшая Почтовая) — огромная усадьба, где помещается учебная рота связи из русских под командой немцев; усадьба обнесена проволокой, там нечто вроде гимнастического городка, где упражняются солдаты. Смотрю, под забором солдаты роются в земле в нескольких местах. Пришёл домой, а хозяин мне показывает золотую царскую пятирублевку, купленную у солдат! В доме жил еврей, зубной врач, он сбежал, а в развалинах дома, где была кухонная плита, солдаты нашли несколько золотых пятирублевок и десятирублевок. Это увидел переводчик-немец и отобрал. Потом узнал об этом немецкий офицер и приказал возвратить монеты солдатам. Напротив другой разрушенный дом, остался лишь фундамент — там тоже жил еврей; говорили, что там тоже можно золото найти. В Днепропетровске нам рассказывали, что дети рылись в подвале, подошёл немец, спросил, что они делают. Они ему ответили, что здесь жили евреи и, когда уезжали, что-то закапывали. Немцы стали рыть и нашли ведро с золотыми монетами и серебряной посудой…

27 апреля. Через Гомель прошёл утром эшелон войск из Клинцов в Италию. Эвакуируются все итальянские части, — мы, вероятно, уедем 7 мая, после штаба корпуса.

На Пасху советская авиация оставила нас в покое, только на первый день под вечер пролетел высоко разведчик и бросил одну бомбу невдалеке от штаба корпуса на мост, но безрезультатно. Итальянские солдаты продают за бесценок казённое имущество: ботинки за 30 марок, а раньше 200 марок (марка — 7,50 лир по курсу). Мой хозяин живёт тем, что покупает у итальянцев вещи и продаёт их крестьянам, приезжающим на базар из окрестных деревень.

В Гомеле находится отряд казаков под командой итальяского капитана, при нём тенente Конецкий, сын священника из Бари. Говорят, что это зверь и садист, самолично расстреливавший русских совершенно зря. Капитан просит у командира корпуса разрешение поехать в Италию, чтобы ходатайствовать о вывозе казаков в Италию. Мы, русские испанцы, были бы не прочь остаться в России, но нам это невозможно, так как мы считаемся на службе, мы принесли присягу королю. В Гомельской губернии губернатором немец — доктор Шварц, очень хороший человек,

идущий навстречу русскому населению. Как я уже говорил, Гомель, вероятно, единственное место на оккупированных российских территориях, где разрешена свободная торговля. При нём русский начальник области (губернатор) — подполковник армии Колчака Ясинский,[21] служил у советчиков инженером. Ходит слух, что он собирается просить у «эксчеленца» (командира корпуса), чтобы русские переводчики остались в России при нём.

Прибыл в Гомель полковник Риччи — комбинатор. У нас такого офицера давно отдали бы под суд за тёмные делишки и разжаловали бы. Но это не наше дело — мы только наблюдаем и мотаем на ус: со своим уставом в чужой монастырь не лезь… Он свой гарем довёз до Будапешта и там его бросил, пообещав своим одалискам похлопотать об их отъезде в Италию. Уж не знаю, как это получилось, но через несколько дней одна из его «парашютисток» явилась к нам в штаб корпуса, в Уффичио наше, к майору Рокка (мы все сидели в одной комнате), и заявила, что родители её — итальянцы, что она родилась в Петербурге и просит исходатайствовать ей визу в Италию. На следующий день она пришла два раза и привела с собой свою подругу (менее красивую). Не знаю, чем дело кончилось.

Селиванов, Сладков, Ларионов и Мшанецкий (сотготенente Вольмари, югославский офицер) дали сведения о своей прошлой службе для подполковника Ясинского, чтобы он похлопотал об оставлении их в России, я отказался от этой авантюры.

30 апреля. К нам в Уффичио пришёл подполковник Ясинский — русский губернатор Гомельской губернии, и представился. Майор Рокка повёл его к эксчеленца в сопровождении капитана-итальянца, пробывшего десять лет при итальянском посольстве в Москве. Потом подполковник Ясинский рассказал Ревишину (югославский офицер), что он сказал командиру корпуса, что «мы накануне решающих событий» и что он откроет генералу истинную причину поражения итальянцев и немцев. Генерал просил его составить меморандум, так как он, как командир Экспедиционного корпуса, по возвращении в Италию будет принят королём и Муссолини. Но мы и сами знаем причины поражения — Гитлер вёл борьбу не для освобождения русского народа от коммунизма, а стремился завоевать Россию. Нам несколько дней тому назад дали прочесть немецкий приказ, на четырех листах, который кончается словами: помните, немцы, что без помощи русского народа нам не победить коммунизм! Мы все прочли и расписались в прочтении. Но этот приказ запоздал на три года! Нам жители говорили, что если бы немцы пошли нам навстречу и сбросили бы коммунизм, то мы все пошли бы им помогать, а в каждой деревне поставили бы памятник Гитлеру!..

Май 1943 года

1 мая. Советское радио передало приказ Сталина: 1мая не праздновать, а всем работать. По случаю «пролетарского праздника» советский бомбовоз сбросил три бомбы на окраине города у реки Сож, куда Сладков давно сбежал со своей квартиры — но вот и там теперь неспокойно, бросают бомбы. На старой квартире его вещи, и хозяева беспокоятся — что с ними делать, куда он делся вообще?

Получил свидетельство на право ношения «Военного креста» (но я его никогда так и не купил, даже не знал, какой он — но ленточку в Риме потом носил…).

Так как мы соприкасаемся с корпусным транспортом, то узнали наш маршрут — едем через Брест-Литовск и Вену, всего уйдет 134 эшелона: 24 с людьми, 71 с автомобильным имуществом, остальные с интендантским и инженерным имуществом. Отсюда поезда уйдут длиной в 500 метров, в Брест-Литовске будет перегрузка в итальянские поезда (традоггы) и из пяти местных будет составлено пять итальянских.

Во дворе дома штаба корпуса происходила церковная служба — мы наблюдали: сначала явился эксчеленца, потом привели команду карабинеров, началась месса, потом пришло человек 70 солдат — в каждой стране свои обычаи.

В городе ходят панические слухи — боятся налёта партизан. По улицам усиленные патрули немцев и итальянцев, дом штаба корпуса оплетён колючей проволокой и окопами, на углах улиц пулемётные гнезда. Вечером немцы устроили для итальянцев сеанс кинематографа — интересное обозрение и хороший фильм с Марикой Рокк, прекрасной артисткой. Генералы — немецкий и итальянский — ушли в 12 часов дня, мы остались на обед, на службу уже не пошли. Вечером после ужина было синема в нашей столовой, с 9-ти до 10-ти вечера был налёт авиации, сброшено 30 больших бомб, а в Ново-Белице сгорело 6 домов, убито 6 итальянцев и сгорело 10 грузовиков. Ночью сильный туман и лучи многочисленных прожекторов как-то странно преломлялись — интересное зрелище. Сбит один советский бомбардировщик.

5 мая. Утром в штабе корпуса собрались все офицеры — немцы вручили Железные кресты командиру корпуса (бывшему начальнику инженерной части — под его руководством итальянцы навели понтонный мост через Днепр и переправились), потом начальнику штаба и одному подполковнику (тененте-колонелло). Было всем предложено хорошее вино и бисквиты. После обеда снова в штабе корпуса все собрались и представлялись полковнику — новому начальнику

штаба. Один из наших, прибывший из Албании, где он служил после албанского похода (молодым был в Галлиполи в каком-то военном училище), заслужил замечание от полковника — что он не так прикладывает руку к головному убору. Тот ответил: «Я это делаю так, как меня учили в Российской Императорской Армии». Полковнику крыть было нечем. Полковник затребовал список русских переводчиков. В общем, готовимся к отъезду. Получили сухой паёк на четыре дня — галеты и консервы, ужин в собрании был холодный.

Прощай, Родина!

7 мая 1943 года. Проснулись в 3.30 утра, попрощались сердечно с нашими хозяевами — два брата с жёнами и детьми. Моя хозяйка, слушая мои рассказы, часто, пригорюнившись, говорила: «И таких людей, как вы, лишили родины…» Где бы мы ни располагались — все приглашали не забывать их, если снова попадём в их город. Какой добрый и гостеприимный русский народ! За 25 лет коммунисты не смогли уничтожить прекрасные черты русского народа — приветливости и гостеприимства.

К 5-ти утра, как было условлено (вещи мы сдали накануне), пришли к «Дому коммуны», но камионы с нашим добром уже уехали. Пришлось идти на товарную станцию — шли часа два, нас собралось несколько русских. Наконец нашли свой эшелон. Один лишь небольшой классный вагон, и мы устроились в «40 людей или 8 лошадей» — 6 офицеров и 22 солдата. Тронулись в путь в 11 часов утра.

В Гомеле всю весну не было ни одного дождя, и деревья не распустились, а проехали несколько километров — деревья уже покрыты листьями и цветут. Километров десять ехали мимо какого-то огромного фруктового сада. В Гомеле масса фруктовых деревьев, и на некоторых улицах огромные груши. В 2 часа дня объявился Жлобин, мне знакомый ещё по германской войне, когда мой 321-й Окский полк (81-й дивизии) несколько раз перебрасывали с германского на австрийский фронт и обратно.

В 5 часов вечера — Бобруйск со старинной крепостью, в 7 вечера — Осиповичи, и в 11 вечера выехали на Минск, но остановились в 30-ти километрах от него. В 2 часа ночи тревога — на правом пути взорвалась мина (мы же ехали по левому пути). Наш паровоз и тендер сошли с рельс, задержка на 12 часов — пока починят путь и доставят на место другой паровоз. Днём прибыли в Минск, но на станции простояли недолго. К вагону подошли два молодых человека и спросили — не продаст ли кто часы? Один итальянский офицер продал часы со сломанной

стрелкой за 120 марок. У Селиванова старые часы, ему давали 200 марок (по курсу 1500 лир), я ему посоветовал продать, так как за эти деньги он мог бы купить в Риме хорошие швейцарские часы. Селиванов страшно обиделся, когда я назвал его старые часы барахлом. Сам он любит давать непрошеные советы и читать морали, а тут обиделся и два дня со мной не разговаривал (потом в Риме эти часы он всё равно выбросил и купил другие).

Едем лесами. Проехали Негорелое-Столбцы, бывшая граница Польши и СССР. Бросается в глаза разница: на территории СССР — ни одного стога соломы, ни конюшни, ни курятника, ни сарая — за ненадобностью при советах все хозяйственные постройки пошли на отопление, а на территории бывшей Польши — прекрасные хозяйственные постройки, пасётся скот, люди лучше одеты, чем русские крестьяне, превращённые в колхозников.

В 7.30 вечера — Барановичи. Получено сведение, что те итальянские эшелоны, которые выехали из Гомеля после нас, подверглись налёту советской авиации, были убитые и раненые, а мы проскользнули удачно. Ночь провели в вагонах, так как Брест-Литовск перегружен и не может принять наш эшелон. Здесь происходит пересортировка: из наших двух эшелонов делают пять итальянских. Просидели в Барановичах на станции целый день.

Во время 1-й мировой войны я проезжал через Барановичи несколько раз и помню объездной путь, который теперь уничтожен, но насыпь осталась. Наш Сладков страшно нервничал: жаловался всем, что условия поездки в товарном вагоне несовместимы с его офицерским званием — хотя сам-то офицером никогда не был, пороху не нюхал и в Галлиполи был в каком-то военном училище; мы, старые офицеры, не ворчали, а он угрожал жаловаться начальнику эшелона капитану Канестрари. Некоторые ходили в поселок обедать, но нас подкармливали сухим пайком, а какой-то милый русский офицер имел плитки сухого спирта и нас угощал чаем. Нас нагнал эшелон нашего штаба корпуса и пошёл вперёд — предпочтение начальству! А наш эшелон простоял на станции Барановичи тридцать часов, и тронулись в путь после полуночи. Впереди партизаны взорвали миной итальянский эшелон, есть убитые и раненые. Проехали мимо того места, где пострадал поезд — утром взорвался другой эшелон. Земля на протяжении двухсот метров красная — мы полагали, что это кровь, но оказалось, что пострадал интендантский вагон, в котором было много банок с помидорами, окрасившими путь в красный цвет.

Прибыли на станцию Картуз-Береза. Начальник эшелона вызвал одного русского переводчика и построил ехавших солдат. Оказывается, один итальянский солдат пошёл на хутор невдалеке

от станции, его там накормили, женщина даже пришила ему капральский галун. Уходя, солдат украл золотые часы. Начальник эшелона построил солдат, и женщина вора сразу узнала. Начальник эшелона тут же набил ему морду, на него надели наручники и отправили под караул, обещая по приезде в Италию отдать под суд (но, как я слышал, в итальянской армии наказание отбывается после войны; оригинально, что для офицеров арест выражается не в сиденье на гауптвахте, а налагается денежный штраф — вычет из жалованья).

Мы на станции Картуз-Береза простояли около двух суток, пока чинили путь, взорванный партизанами. Вообще мы нередко проезжали мимо мест, где под откосом лежало много вагонов. Картуз-Береза знаменита тем, что там была стоянка какого-то кавалерийского полка — кажется, Ямбургского драгунского. Обычно эта вакансия предназначалась последнему по списку при разборке вакансий в кавалерийских училищах. Юрий Галич описывает, кажется, в своей «Звериаде», как юнкер, надев форму полка, расхаживал среди выпускных и пел «Офицер выходит в Ямбургцы»…

Разговорился с начальником станции, он приглашал к нему зайти и посмотреть имеющиеся у него альбомы форм Российской армии, но не пришлось воспользоваться его любезностью, так как поезд наш тронулся. В Полесье все станции железной дороги превращены в форты: окопы с набитыми кольями, гарнизоны из русских солдат с немецким командованием, каждые полтора-два километра — вышки с пулемётными гнёздами. Партизаны у них под носом взрывают поезда. Едем пять суток с препятствиями и, наконец, в 5 часов вечера прибыли в Брест-Литовск. Поезда из Италии нас ожидают уже трое суток. Из нашего поезда мы погрузились в два итальянских, для офицеров были предназначены классные вагоны.

На грузовике нас повезли на этап, где в здании польского клуба накормили прекрасным ужином, даже достали лишнего вина. Прислуживали девушки-польки, очень любезно за нами ухаживали, все говорили по-русски.

На днях был налёт советской авиации. В 10 часов вечера поехали дальше, в 8.30 утра — Радом. В офицерском вагоне оборвалась прицепка, рабочие поляки предложили за папиросы в полчаса исправить, но вмешались немцы, наш поезд загнали на запасной путь, где мы простояли шесть часов, пока спаяли прицепку. Получили горячий обед — неизбежные макароны, галеты и сладкое, но без вина. Поехали дальше с препятствиями, так как у станции Скаржинско-Каменна наш поезд разорвался в двух местах — здешние машинисты не привыкли иметь дело с

горными итальянскими тормозами — простояли три часа, пока починили. Рано утром проехали мимо Кракова. В 6 часов утра — Мисловиц, а затем Катовицы — это Горная Силезия (Горны Шлёнзык), из-за которого после Версальского мира был спор между Германией и Польшей. Везде заводы, небо в дыму. Недалеко от железной дороги на горе стоит русская церковь — это был стык трех империй: Российской, Австро-Венгерской и Германской. Мне пришлось и прежде два раза проезжать по этой дороге и видеть церковь. Страна не разорена, заводы и рудники работают на полный ход. В вагоне нам обменяли 40 оккупационных марок на 300 итальянских лир.

14 мая **1943** года. Ночью Вена, стояли на путях до 12 часов дня. Потом проехали через Вену, во всех окнах австрийцы машут нам платками, аплодируют — не то что при встрече с немецкими эшелонами — им махали кулаками, ругали — в общем, «союзнички». Выдали нам по 250 хорватских хороших папирос, конфеты и варенье. В 1 час дня станция Полтен, потом Линц, где мы простояли несколько часов. Чудная погода. Вышел погулять. Смотрю — пленные в неизвестной мне форме: оказались молодые французы, разговорился с ними, угостил папиросами. Пока что кормят прилично — горячий обед и ужин.

15 мая, Инсбрук. Красивая альпийская местность — горы, воздух чистый, прохладно. На перроне умывальники, помылся ледяной водой. Прибыли в Бреннер — это уже Италия. На вокзале девушки фашистской организации нас угостили марсалой (сицилийское сладкое вино), фруктами и печеньем, каждому вручили кулёк с шоколадными конфетами. Послали в Рим телеграммы герцогу Лейхтенбергскому и князю Никите Александровичу. Следующая станция — Випитено, где нас встретили с оркестром. Здесь мы сгрузились, пришлось самим тащить багаж — «гроб» и брезентовый мешок — далеко до вокзала. Пошли пешком в городок на этап № 145, выпили кофе и вина. Заполнили анкеты.

Все русские переводчики остаются здесь — отбывать 15-дневный карантин, а итальянские офицеры едут дальше на Флоренцию и Аллессандрию. Повели нас под душ, а вещи сдали в дезинфекцию, потом нас прямо в пижамах повезли за город в казарму 6-го альпийского батальона. Получен приказ из Военного министерства, что мы в Випитено остаёмся до нового распоряжения. Сладков поднял хай: как, он, мол, итальянский офицер со всеми правами и хочет ехать с итальянцами. Стали его успокаивать, но он меня выругал — что с дураком разговаривать. Мы ведь на особом положении — «милитаризованные», на других условиях.

Карантин в Випитено отбывали Селиванов (Сельви), Сладков (Костантини), я — Габриэли, Стефанов — болгарин (Стефани), Островский (де-Изола) и Вольмари, а также Селиванов-«губернатор» (Сильвано-«леший»). В нашем распоряжении была огромная спальня, наши с утра до ночи режутся в карты (я не играю вообще, но люблю смотреть на игроков, изучать психологию их). Хотя мы и в карантине, но пошли в город: старинный тирольский городок среди Альп, население немецкое. Старинная церковь и около неё кладбище со старинными памятниками, надписи все по-немецки.

17 мая. Из Больцано приехал фашистский генерал, записал фамилии русских и обещал представить нас Муссолини. От фашистской организации выдали нам жетоны и сласти. На складе этапа купили прекрасное солдатское обмундирование, которое можно будет перешить, стоило 374 лиры. Итальянская армия одета прекрасно. Из Гомеля по почте я послал князю Никите Александровичу 10 тысяч лир, мог бы получить их здесь, но у меня не было купонов от переводов, получу деньги в Риме. Мы на фронте должны были обязательно посылать деньги в Италию, так как тратить их было просто не на что, мы ведь всё получали — и питание, и всякие мелочи, вплоть до мыла для бритья.

19 мая — Святой Николай, именины Селиванова. За городом около канала для орошения нашли кабачок, сговорились с девушками и решили там устроить именины. Мы целую неделю расхаживали свободно по окрестностям и по городу, но вышел казус: старик «губернатор» шёл по городу и не поприветствовал полковника — начальника этапа, а тот распорядился не выпускать нас из казармы, только по особым разрешениям, так что празднование не состоялось. Полковник предупредил, что за нарушение приказа — тысяча лир штрафа. В других помещениях отбывает карантин много солдат, ежедневно для развлечения устраивается сеанс кино, а через день театр-варьете, комедии, артисты от фашистских организаций.

Карантин отбывает и группа русских мальчиков, вывезенных итальянцами из России. В антракте один мальчик подошёл ко мне и спрашивает: «Господин тененте, вы русский?» Ответил утвердительно. Я ему сказал: «Милый мой, где бы ты ни был, помни всегда, что ты русский!» У мальчика были слёзы на глазах, и он обещал не забывать, что он русский. Недалеко от казармы женский монастырь, где отбывает карантин ещё и около 40 русских девушек, работавших у них на кухнях и столовых. Итальянцы вообще поступали с населением очень благородно и вывезли многих в Италию.

Получили письмо из Рима: переводчики уволены, остались

лишь двое русских из Испании — Белин и Юренинский, и ещё двое русских из Болгарии. Из Гомеля приехали офицеры с этапа, рассказывают, что 19 мая был налёт авиации на Гомель — 40 самолётов, сброшено 400 бомб, дом, где помещался штаб корпуса, разрушен; на станции бомбы попали в итальянский эшелон, были убитые и раненые.

29 мая. Карантин закончен, мы опять свободно гуляем. Заказали душ, помылись, но прибежал какой-то офицер и сказал, что мы больше не имеем права пользоваться душем, так как наш карантин кончен. А души прекрасные: сверху льётся струя горячей воды и можно мыться сколько угодно.

В 6 часов вечера нам был устроен ужин, приказано спешить, так как уезжаем в Рим. В канцелярии этапа выдали документы и жалованье за 29 дней по фронтовым ставкам (500 марок — 3500 лир, втрое больше, чем в тылу). В 8 вечера нас привезли на вокзал, специально для нас задержали этапный поезд (традотгу). В 11 часов вечера — пересадка в Больцано, сдали вещи в багаж, старик-«губернатор» ухитрился оборвать замки в своём «гробу», в багаж его не приняли, и пришлось мне и другим ему помогать.

В 20-ти километрах от Больцано наш поезд задержали, так как впереди взорвались три вагона с немецкими снарядами, и в 2 часа ночи на грузовиках нас отвезли на следующую станцию, дальше мы двинулись без приключений. Утром пересадка в Болонье, поели на станции пирожных, выпили вина. В Рим приехали в 5 часов вечера, остановились в отеле-пансионе «Альберго-Рома» на виа Реджина Джиованна ди Булгария (улица королевы Иоанны Болгарской, дочери короля). Мы с Фиакко пошли в русскую церковь в гости, Фиакко даже так расщедрился, что угостил меня мороженым. В том отеле я прожил несколько месяцев, но ушёл из него — из-за клопов.

Утром явились в «дистритго Рома Дуэ» (воинский начальник Рим-2). Там, между прочим, по мобилизации формировался 73-й пехотный Туринский полк, а я на головном уборе носил эмблему с королевской короной и цифрой 73. Были случаи, когда офицеры меня принимали за однополчанина этого полка и мне приходилось их разочаровывать. Нас принял майор Боджини (говоривший шёпотом после ранения в горло, милый человек, мы его знали и раньше). Он сразу же направил нас к полковнику Канали в Военное министерство, в управление Генерального штаба. Полковник нас благодарил за службу. Раздолбал какого-то переводчика, молодого человека, за то, что он не писал своей матери. «Албанцы» — Фиакко и два сержанта — отправляются к себе на «родину» в Албанию, а мы, «испанцы», остаёмся в Риме. Всем месяц фронтового жалованья, месяц бесплатного проезда в

трамваях и автобусах, и карточка, дающая право десять раз бесплатно посетить театры и кино (шли фильмы такие скучные, что я пошёл раза два всего лишь). Получил в соответствующем учреждении (Анона) карточки на хлеб и прочие продукты.

Вечером Селиванов, Юренинский и я пошли в гости к генералу Туркулу,[22] нас хорошо угостили, вернулись ночным автобусом, циркулирующим каждый час. Нам было странно: Туркул ругал последними словами немцев (мы с ним были согласны), и мы полагали, что он защищает политику западных союзников, а потом немцы его вывезли из Рима. Видно, он жил с семьей (жена и дочь) в Риме хорошо: открыл шкаф, набитый папиросами «Тре стелле» (три звезды) — это высший сорт, в продаже его нет. Мы с Селивановым решили избегать генерала Туркула — это скользкий и непонятный человек, и мы больше его не видели.

На следующий день дошли с визитом к герцогу Лейхтербергскому, просидели у него часа три, он прекрасный художник, много картин в доме. В первое же воскресенье посетили князя Никиту Александровича — мы, «испанцы», и два «болгарина» — один даже Корниловского полка, женат на болгарке («болгары» отправляются к себе в Болгарию).

Все дни, пользуясь отпуском и чудной погодой, посещал достопримечательности «Вечного города», а там есть на что посмотреть, это самый интересный город в мире. Мне отец Николай Заханевич советовал осматривать побольше церквей, где очень много интересного. Испанские храмы какие-то мрачные, а итальянские — радостные, цвета светлые.

16 июня. Вышел погулять и поехал автобусом к собору Святого Петра. Смотрю — народ идёт к Ватикану, и я пошёл, много военных. Оказалось, что сегодня четверг и аудиенция у папы исключительно для военных. Большой зал был полон военных и монашек из госпиталей, меня посадили на ступеньку папского трона, а потом принесли скамейки, и я сел в первом ряду. Вышел папа Пий 12-й — это был последний настоящий папа, так как следующий папа, Иоанн 13-й, и нынешний, Павел 6-й — либералы, отстаивающие принцип «сосуществования» с сатаной — коммунизмом. Папа Пий 12-й анафемствовал всех, кто сотрудничал с коммунизмом.

Папа прошёл по рядам собравшихся, перекрестил каждого, я ему поцеловал руку — такую выхоленную, как у барышни. Было на аудиенции человек 300, военные не становятся на колени перед папой — только гражданские лица и монашки преклоняются. При входе получили красивые чётки в футляре с папским гербом. Мне потом говорили в Мадриде — почему я не

получил удостоверение о том, что был на папской аудиенции, мог бы деньги зарабатывать. Конечно, это была шутка. Я эти чётки привез в Мадрид и подарил старушке хозяйке пансиона, где жил, — племяннице знаменитого папы Льва 13-го.

Получил бон на приобретение летнего обмундирования и прочих носильных вещей в Унионе Милитаре (это нечто вроде нашего Экономического общества офицеров, где продают только офицерам по предъявлении удостоверения). В Гомеле мы с Селивановым сдали на полевую почту по 5 тысяч лир — я на его имя, а он на моё имя, чтобы получить в Риме. Пошли на почту получать деньги, мне сказали, что моё военное удостоверение не годится, однако начальник почты оказался настолько любезным, что нашёл двух свидетелей, которые удостоверили мою личность, что я действительно «соттотененте Габриэли» (испанский же паспорт не годился — так как в нём фигурировали мои истинные имя и фамилия).

25 июня 1943 года. Падение Муссолини. Вечером манифестация по этому случаю, даже с красными флагами. Какие-то типы раздавали участникам по 50 лир. Пока что революция проходит бескровно, но на всякий случай немцы вывозят свои семьи. За Туркулом приехал какой-то тип по фамилии Муханов, личность подозрительная, с камионом, и увёз Туркула со всем имуществом в Германию. Пришли мы в Русское собрание, а нам говорят: «а вождь-то тю-тю!..» Он доверием у нас, русских «испанцев», не пользовался ни в Париже, ни в Мадриде. Он не послал воевать в Испании ни одного дроздовца, строил козни против генерала Миллера, всей душой преданного русскому национальному делу.

Около нас вся улица покрыта карточками из соседнего фашистского учреждения. Оказывается, за Туркулом приехал и Романов, молодым бывший в Галлиполи в каком-то военном училище (в Париже он путался с сектантами и ничьим доверием не пользовался, потом стал священником и уехал в Аргентину, где и скончался).

По утрам мы ходили в казармы кавалерии, туда, где при римлянах помещалось «Кастро Преторико» (императорская гвардия). Туда мы приходили для усовершенствования в итальянском языке под руководством кавалерийского майора. Один из наших задал ему вопрос: «Как мы должны поступать, если нас во время манифестации заставят отдавать почести красной тряпке?» Майор ответил: «Вынимайте пистолет и стреляйте!..» Занятия заключались в том, что мы сидели в баре и пили вермут.

В Риме мы жили прекрасно. Обедали в Офицерском

собрании, помещавшемся во дворце «Испания», чуть ли не XVII века. Обеды дешёвые и хорошие, деньги были в изобилии. Вечером мы часто ужинали в знакомом ресторанчике около базилики Санта Мария Маджоре, встречались с отцом Николаем Заханевичем. Рим я изучил хорошо: папские музеи (их семь в Ватикане), музей при базилике Иоанна Латеранского, собор Святого Петра, базилику Святого Павла вне стен Рима, осмотрел массу интереснейших церквей, некоторые очень старые и знамениты на весь мир. Посетил главный иезуитский храм Иисуса (Джезу), где похоронен Игнатий Лойола — его гробница вся в золоте и лапис-лазури, богатство потрясающее. Сколько зла причинили иезуиты нашему Православию! Они извратили заветы своего основателя, который был человеком святой жизни, а его последователи были палачами, особенно в Польше, и польские ксендзы — это ИХ достойные ученики и последователи. Что проделывали поляки над православными за 20 лет польской самостоятельности после 1-й мировой войны! Уничтожили около 1500 православных храмов, издевались над волынскими крестьянами. И когда немцы напали на Польшу в 1939 году, то волынские крестьяне не обнаружили никакого желания защищать «Речь Посполиту».

Погода в Риме была чудесная. Только бывало неприятно, когда дул из Африки «сирокко», это паровая баня, моешься несколько раз в день — и бесполезно. Спасал летний костюм. После приезда в Рим мы решили чествовать русскую колонию, купили массу вина и закусок, я стал откупоривать бутылку красного шипучего вина — штопор сломался. Сладков нашёл на кухне другой штопор, встал около меня и стал открывать бутылку — вино тёплое, брызнуло мне на новенький костюм, потом отдал его в чистку, но лёгкие пятна остались, не было химических веществ…

Когда мы приехали в Рим и явились в Военное министерство, то первый, кто нас встретил, был наш старый знакомый полковник Риччи. Мы по наивности полагали, что за его темные комбинации его отдали под суд, но ошиблись…

9 августа нас вызвали в Военное министерство; нас встретил полковник Бочинелли, заместитель полковника Канали, и сказал, что мы должны позаботиться о визах на предмет отъезда из Италии. Нам, «испанцам», визы не нужны. Нас интересовало поступление в русские национальные части. О нас хлопотали и итальянцы, и немцы, но приказ Гитлера, воспрещающий русским белым участвовать в войне, оставался в силе. Нам оставалось одно: лететь «домой», в Испанию — самолёты летали раз в неделю, по четвергам, для нас бесплатно.

10 сентября немцы заняли Рим после нескольких выстрелов из маленьких орудий. Западные союзники уже в 120-ти километрах от Рима, наступают от Сицилии, в Риме могла спуститься дивизия американских параппотистов. Итальянцы сосредоточили в Риме и окрестностях несколько дивизий против союзников. Идём обедать в Офицерское собрание мимо казармы, часовые на местах, а идём после обеда — солдаты разбежались, мальчишки вытаскивают винтовки — мы были в штатской одежде.

18 июля отметили Испанский национальный праздник. Утром наши пять русских «испанцев» в итальянской офицерской форме пошли в испанскую церковь Монтсеррат, где похоронен король Альфонс 13-й и испанские папы Калликст 2-й и Александр 6-й Борджия. Представились испанскому послу Фернадес-Куеста, он посадил нас сзади себя во втором ряду. От посольства Испании при Ватикане было обильное угощение после службы, столов не хватило, и скатертями были застланы гробницы в саду — пировали на костях предков. После обеда отправились в посольство при Квиринале, помещавшемся в старинном дворце. Там было народу человек 300 — и священники, монахи разных орденов, семинаристы. Масса вин и тортов, голодные набросились на это, а один офицер из посольства пригласил нас, русских, в отдельную комнату, нам подали вина и тортов, и мы мирно беседовали, провели часа два очень приятно.

Между прочим, среди военных священников были и монахи. Идёт по улице монах-доминиканец или францисканец в своей рясе из рыжей верблюжьей шерсти, в сандалиях на босу ногу, на рукавах рясы офицерские галуны и на круглой шляпе тоже. Мы подшутили над Сладковым, сказав ему, что таких монахов-офицеров нужно приветствовать, что он и проделал, а мы хохотали над ним потом. В итальянской армии старшие офицеры говорят младшим «ты» и обязаны приветствовать старших, начиная с чина капитана. Но к нам, почтенным «испанцам» с кучей орденских ленточек на груди, старшие всегда обращались на «вы».

На следующий день после испанского праздника мы направились в казарму «Макао» для практики в языке.

Дошли до министерства финансов — и вдруг сирена, а через несколько минут — взрывы бомб. Переждали на улице.

20 Сентября в подворотне и добрались до Офицерского собрания во дворце Барберини. Было три волны бомбардировщиков — как говорили, бомбили около 500 самолётов. Американцы бомбили район товарной станции, и пострадала базилика Святого Лоренцо, было 1700 убитых и около

трёх тысяч раненых. Воды в Риме не было дня два, а в некоторых районах и дольше — действовали лишь водопроводы римских времён, с Альбанских гор вода проведена в фонтаны, где за ней стояли огромные очереди. Мне заведующая отелем тайком, по знакомству отпускала по бутылке в день.

Мы с Селивановым и Ларионовым переселились ближе к Ватикану, нашли две комнаты на Кампо ди Фиори (Цветочное поле) на площади ди Бишоне, там стоит памятник средневековому философу Джордано Бруно, сожжённому инквизицией. Я в отдельной комнате по 15 лир в день, Селиванов с Ларионовым в двойной комнате за 25 лир в день.

25 июля, воскресенье. Вечером манифестация, во главе правительства стал маршал Бадолио, король сбежал в Швейцарию. Висят национальные флаги: зелено-бело-красные, посреди национальный герб вырезан (герб Савойской династии). Город фактически во власти толпы, но в общем спокойно. К офицерам прекрасное отношение со стороны всех. Я зашёл в булочную — забыл хлебную карточку, хозяин говорит: «Пожалуйста, берите хлеба, сколько хотите». В табачных лавках (табак и соль) давали по 20 папирос, потом по десять, продавщицы мне несколько раз предлагали ещё папирос, как офицеру.

Через несколько дней после бомбардировки получили приказ — по утрам являться на место службы в Дистрикт № 2, сидим там несколько часов в садике, пишем письма, болтаем, потом на трамвае едем обедать в Офицерское собрание.

14 августа опять бомбардировка по тем же кварталам, было сброшено около 500 бомб, бомбы рвутся с маленьким шумом, но действие их сильное. Говорят, что обеими бомбардировками Рима руководил американский генерал-еврей. Днём и ночью американская авиация совершает налёты на итальянские города, Милан, Сицилия в их руках, и Неаполь тоже. На вокзале в Риме встретил капитана Виола, бывшего моего начальника, он ехал из Сицилии из отпуска. Говорит мне: «Нет у меня больше дома, разрушен». В Риме тревога по два раза в день. В 6 часов вечера по радио передавали обращение маршала Бадолио к стране: Италия не может больше сопротивляться, и он подписал с англо-американцами перемирие.[23] Вечером американцы сбросили на Рим ещё несколько бомб. Две бомбы попали в сад при Ватикане, недалеко от нас…

Мы должны будем улететь в Испанию 13 сентября. Пришли в министерство авиации в отдел транспорта — закрыто. Военное министерство эвакуируется, укладывают вещи. Магазины закрыты, базаров почти нет, население мало радуется — в общем,

новый «февраль». Население считает своими врагами не американцев, а немцев. Изредка слышна пулемётная стрельба, на перекрестках улиц орудия. Издалека доносится орудийная канонада. Офицеры надели штатское — я с трудом купил в магазине поношенный костюм, из визитки сделали пиджак. Костюмы распроданы, даже старьё. Наш майор надел костюм из дешёвенькой материи. Трудно достать чемодан, но я случайно купил в магазине. Маршал Бадолио, как говорят, сбежал к англичанам. Приказ всем военным: сдать в 24 часа оружие, каски и противогазные маски. Я выбросил свою каску и противогаз ещё в Луганске, а потом нашёл другие в Випитено, где мы отбывали карантин.

Встретил «губернатора» — с него за потерянный пистолет вычли 340 лир. Он не унывает, говорит: «Мне губерния обеспечена». Больше я его не видел и дальнейшей судьбы его не знаю. С трудом разыскали полковника Канали, он пришёл с нами в Дистрикт Рим-2 и приказал выдать нам жалованье за три месяца — но фельдфебель, сославшись на закон, выдал нам лишь за два месяца.

В Испанию улететь невозможно, так как воздушного сообщения с ней теперь нет. В испанском консульстве получили свидетельство о национальности — мы под защитой испанского флага. Немцев в Риме почти нет, они на окраинах. С немцами фашистские батальоны. Стало известно, что немецкие парашютисты со Скорцени освободили Муссолини из заточения в Абруццских горах. Немецкие части под командованием фельдмаршала Казерлинга занимают Северную Италию, там будет формироваться национальная итальянская армия, и многие туда стремятся — посылают к черту перемирие, подписанное маршалом Бадолио. Итальянские солдаты неплохие, но офицерство не на высоте положения. Мы не собираемся оставаться в Риме на съедение американцами, может быть, и мы ещё пригодимся. Вошли в контакт с немецким посольством, которое идёт нам, русским «испанцам», навстречу. По приказу коменданта Рима генерала Шпейера нам выдали документы на отъезд в Мюнхен — для поступления в русские национальные части.

11 октября 1943 года. Чудная осенняя погода. Нам подали автобус, и мы — «испанцы» — поехали на пригородную железнодорожную станцию Белли Баньи: Селиванов, Сладков, Юренинский и я. Получили сухой паёк на два дня, и в 1 час дня немецкий эшелон тронулся на Мюнхен. В Бреннере мы вышли из поезда и у немецких солдат стали менять лиры на марки — марка 10 лир, а официально — 7–8 лир. Нас заметил какой-то сыщик и

пригласил к коменданту станции, он снёсся с Мюнхеном, и нас отпустили с миром — эшелон простоял в Бреннере полчаса, пока шли переговоры, немецкие солдаты удивлялись, что из-за каких-то штатских поезд был задержан, — видно, важные персоны.

В 10 часов вечера прибыли в Мюнхен, нас устроили в отеле, обменяли лиры на немецкие марки. Наш Юренинский окончил в Петербурге Петер-Шуле, поэтому хорошо говорит по-немецки. В Мюнхене явились в штаб Военного округа, где нам подтвердили приказ Гитлера, воспрещающий русским белым участвовать в войне. Подполковник Вейдлер был с нами очень любезен и предложил подать прошения, но нужно ждать ответа месяца полтора-два, чтобы поступить в русские формирования.

Пока же нам выдали документы для отъезда в Гоф в Баварию, на базу испанской «Синей дивизии». В 12 часов дня мы выехали из Мюнхена и в 6 вечера прибыли в Гоф. Явились в казармы, отведенные для «Синей дивизии», но по ошибке явились не к немецкому коменданту, а к испанскому майору Паласон, который к нам отнёсся по-хамски. Зато немецкий комендант капитан Креббс принял в нас участие, был весьма смущён хамским отношением испанского майора, тут же, в своём кабинете, приказал накрыть стол и накормил обедом. В немецкой армии пища одинакова и для солдат и для офицеров, только разница в сервировке; прислуживал нам старый солдат, очень милый. Потом нас отвели в казарму, дали комнату на четырёх в 4-й роте, комната № 92, с четырьмя кроватями, выдали пропуска для входа в казарму. Кофе и обед в кантине для испанских офицеров, на ужин выдали масло, сыр, колбасу и достаточно хлеба. Обед потом нам стали приносить два немецких солдата: один профессор музыки, другой преподаватель гимназии. Живём спокойно, еда достаточная, ходим в город за три километра, но погода уже свежая, не то что в Риме, здесь уже заморозки.

Известно, что испанская «Синяя дивизия» уезжает в Испанию — возможно, что на её место прибудет испанский легион из добровольцев, куда мы и попытаемся поступить (легион не прибыл, и участие испанцев в войне на этом закончилось). Капитан Креббс просидел с нами целое утро, помогая составлять прошение для поступления в этот легион. Он предложил нам надеть немецкую офицерскую форму, но мы отказались (мы в документах фигурируем как итальянские офицеры — итальянские подпоручики в распоряжении немецкого командования).

Как-то мы шли в город и слышим сзади нас грохот кованых сапог — шёл шуцман в типичном кэпи времён императора Вильгельма. Мы остановились, и он тоже, мы пошли — он вслед

за нами. Оказалось — он услышал, что мы разговариваем по-русски, и ему показалось это подозрительным. Пришли на вокзал — он за нами. Здесь мы встретили испанского коменданта станции, знакомого капитана ГЬардии сивиль из Сарагосы, тот позвал переводчика и объяснил шуцману; «это самые лучшие люди, я их хорошо знаю». Только тогда шуцман от нас отстал.

Мы просидели в Гофе три месяца в ожидании возможности поступить в русские национальные формирования, но ничего не получилось. В это время вся испанская «Синяя дивизия» возвращалась через Гоф в Испанию — прибывали с фронта в немецкой форме, их отправляли под душ и переодевали в испанскую форму, строили, немецкий генерал произносил соответствующую речь, и их отправляли на вокзал. Все солдаты и офицеры ночевали в нашей казарме, мы встречали знакомых офицеров, расспрашивали о наших. Все давали прекраснейший отзыв. Правда, когда речь заходила об одном грузине, офицере легиона (его псевдоним тененте Константно — фамилия его грузинская труднопроизносимая), то испанские офицеры молчали смущённо. Мы потом узнали, что он зверски обращался с русским населением, а один знакомый офицер нам откровенно сказал: мы его презирали за то, что он поставлял старшим офицерам русских женщин. По приезде в Испанию мы несколько лет чуждались его, потом привыкли. Встретили и офицера нашего терсио «Мария де Молина» — Дуньку..

Наконец возвратились с фронта и наши русские, в том числе капитан Кривошея Николай Евгеньевич, пробывший в «Синей дивизии» больше двух лет, привёз русскую молодую красивую жену. Когда в 1941 году в Мадриде формировалась «Синяя дивизия», то нас — участников Испанской гражданской войны — немцы не приняли, а попало туда несколько наших офицеров из Африки, из Испанского легиона. Как раз все они были уроженцы Юга России, и немцы, по своей тупости, поначалу вообразили, что они все самостийники украинские, а потом, когда обнаружилось, что они русские националисты, то потребовали от испанцев, чтобы их отправили в Испанию.

Русские офицеры много помогали русскому населению, были комендантами населённых пунктов, нередко приходилось творить суд и расправу, но всегда они оставались гуманными и отзывчивыми людьми. Дивизия стояла возле Новгорода, около озера Ильмень. Население сохранило прекрасную память об испанцах вообще. Испанский солдат, когда имеет что-либо, то всегда поделится с голодным, а немцы наоборот: сожрёт свой обед, нальёт воды в котелок и говорит голодному: «на, ешь!..» В России мне жители рассказывали, что когда немецким солдатам

раздавали пищу из котла, то остатки они выливали на землю, чтобы только не давать столпившимся вокруг голодным детям. В Гомеле я видел всегда около итальянской кухни человек тридцать с посудинами — им всем давали еду. Поэтому русские люди и сохранили и об итальянцах, и об испанцах самые лучшие воспоминания…

Иногда к нам приходил капитан Креббс, старый офицер 1-й мировой войны. Должен сказать, что для старых немецких офицеров слова «русский царский офицер» — это символ рыцарства, и к нам офицеры немецкие относились с величайшим уважением. Капитан Креббс горько жаловался на политику Гитлера, который ведёт Германию к катастрофе. Встречались тогда мы и с австрийцами, которых немцы заставляли воевать. Они нам доверяли. Мы через Юренинского вели беседы.

В казарме, на нашем этаже была расположена рота немцев, пожилых, вроде наших ополченцев 2-го разряда, они пели песню «Майне муттер, майне швестер». В глубине коридора была комната фельдфебеля, и солдаты проходили мимо со страхом и трепетом. Рядом с нами комнату отвели каким-то двум таинственным личностям, и на двери поместили надпись «посторонним вход воспрещается», и даже в уборной для них была отдельная кабинка с такой же надписью. Солдат австриец, питавший к нам симпатию и часто заходивший к нам побеседовать, решил разузнать, что это за таинственные личности. Он принёс огромную миску макарон и, когда никого не было в коридоре, проник в их комнату — эти типы не говорили ни на одном понятном языке, взяли макароны и молча сделали глубокие поклоны, тем всё и закончилось.

На Гоф при нас ни разу не было налёта авиации, но тревоги бывали. Все солдаты шли в убежище, а мы оставались, закрыв комнату изнутри на ключ. Как-то во время тревоги дежурный пытался проверить нашу комнату, тыкал ключом и не мог отворить, после чего оставил нас в покое. Иногда мы ходили на вокзал, пили чёрный ячменный кофе без сахара, горький. Иногда получали карточки на пирожные (250 грамм), ели их, но из чего они были сделаны, лучше не спрашивать. Выдавали нам и мёд — пакет в полкило весом — запах и вкус мёда, а потом изжога; говорили, что он готовился из древесных опилок. Иногда давали карамели с витаминами. В общем, еда была обильная и вкусная, хлеба достаточно. Правда, иногда нам приносили суп из кормовой свёклы или брюквы, пустой и невкусный.

Наши русские из «Синей дивизии» получили разрешение жениться на русских, и трое привезли жён. Раз мы собрались на вокзале провожать капитана Кривошею с молодой женой,

уезжавших в Испанию, и выпили на прощанье, нас было семь человек, бутылку испанского коньяка и бутылку немецкого шнапса — дня три потом голова болела. Из какой дряни делают немцы свой шнапс?..

К Рождеству нас отправили в Кёнигсберг, представительство немецкое при «Синей дивизии» получило также назначение в Кёнигсберг. Поезд шёл в 3.30 утра. Рождество мы встретили в Гофе с немецкйми переводчиками испанского языка, они жили в Испании до войны и прекрасно говорили по-испански. Рождество было очень грустное: достали немного шнапсу и немного конфеток, пели песни: мы — русские, а немцы «Хеплиге нахт, штилле нахт».

На дорогу нам выдали сухой паёк. В Кёнигсберге мы устроились в военном общежитии «Содцатенгайм», в отдельной комнате. Ездили обедать за город, с офицерами мы не могли обедать, так как мы не имели военного обмундирования, ходили в штатском, а обедали с сёстрами милосердия, которые, по немецкому уставу, обедают не с офицерами, а с сержантами. Ездили туда обедать трамваем, который с математической точностью проходил каждые 35 минут. Сели мы как-то в трамвай, расположились на задней площадке. К нам подошла молодая немка-кондукторша и говорит — почему вы не садитесь? Мы ответили, что нам ехать недалеко, при этом и сидячих мест нет. Она согнала с сидений мальчиков, нас усадила и сказала: «Наша система воспитания — уважение к старшим». Поблагодарили милую девушку. В военном общежитии, где мы помещались, мне пришлось наблюдать следующую картину: во двор, покрытый снегом, вышли школьники на урок гимнастики, и с ними учитель — видно, старый унтер или фельдфебель, с усами а ля Вильгельм; школьники бросали друг в друга снежки, и один закатил в учителя, тот рассвирепел и, приказав привести к нему шалуна, дал ему несколько раз по морде — это прекрасная система воспитания.

Обедали мы с сёстрами милосердия и получали даже красное вино. На ужин нам выдавали сухой паёк — масло или маргарин, сыр и колбасу. Мы жиры отдавали на кухню и нам готовили на них жареный картофель, без всяких хлопот.

Юренинский поехал в лагерь, где формировались русские части, имел свидание с генералом немецким, ведающим формированием и хорошо говорившим по-русски. Но и эта наша попытка поступить в русские части провалилась. В лагере были учреждения РОА, Юренинскому это всё показывали. Немецкие офицеры к нам относились прекрасно, как и старые солдаты, участники прошлой войны, когда мы были противниками, —

четыре месяца мы пробыли в Германии и сохранили наилучшие воспоминания о немецких офицерах.

Как-то раз мы возвратились с обеда и нашли наши вещи в другой комнате — в наше отсутствие нас переселили, а в нашу комнату поселили делегацию офицеров РОА: два полковника, один подполковник и несколько молодых офицеров, все в золотых погонах. Посетили их, все нам представились. Расселись с ними, мне попался какой-то подполковник, тюха-матюха, разговор с ним не клеился. Он меня спросил: «А кто у вас имеется?» Я ему ответил, что есть генерал Краснов, генерал Миллер и ещё другие — перечислил. Видно, этот подполковник был мало интеллигентным. Юренинский свёл знакомство с полковником, бывшим начальником советской дивизии — это был настоящий офицер, игравший большую роль в формировании русских частей. Потом, по отъезде в Испанию, Юренинский с ним переписывался. Молодые офицеры при встрече с нами тянулись и вежливо приветствовали, как старых русских офицеров.

Кёнигсберг зимой не представляет ничего интересного — климат приморский, гнилой, это город Канта и прусского милитаризма. Пошёл я как-то в центр, дошёл до мрачного замка, вошёл внутрь и возвратился — по-немецки я плохо изъяснялся, ещё могли принять за шпиона. Что нас поражало — в столовой общежития дежурили дамы общества, одна другой красивее — вероятно, с примесью славянской крови (ведь пруссы — это славянское онемеченное племя).

Стали готовиться к отъезду «домой», в Испанию. Испанский консул в Кёнигсберге (немец) наложил печати на наши испанские паспорта, немецкое командование выдало нам билеты 1-го класса до Берлина, через Париж и далее на Ирун, и удостоверение, что такие-то итальянские офицеры отправляются «на полуостров», и просят всех оказывать им возможное содействие. Выдали на дорогу много продуктов: по две бутылки французского вина, большие жестянки рыбных консервов, хлеб, сыр и по несколько пачек испанских папирос — такой дряни я никогда в Испании не курил.

Сели в поезд в Кёнигсберге и ехали со всеми удобствами, даже в поезде получали горячую пищу — у немцев это дело поставлено прекрасно. Вещей у нас было немного, часть сдали в багаж, потом с границы из Ируна агентство нам переслало их в Мадрид в полной сохранности. Ехали через Дармштадт и Лейпциг, поля зелёные. Утром прибыли в Берлин на Ангальтский вокзал. Ночью была бомбардировка авиации, здания ещё горели, везде дым. Пошли пешком, потом по подземной дороге на другой вокзал, откуда поезда идут на Париж. Тяжёлого багажа у нас было

мало. Вошли в вагон подземной дороги — точнее, нашито влезли, а я не смог никак влезть и остался на платформе. Сел в следующий поезд, на следующей станции меня ждали наши, поехали дальше все вместе. После долгих расспросов и пересадок к вечеру мы добрались на станцию в 50-ти километрах от Берлина. Пока наш поезд на Париж формировался, мы наблюдали картину: на другой платформе немецкие солдаты грузили в вагоны беженцев и детей, вносили на руках, как няньки. Мы даже не поняли, чем вдруг объяснить такое немецкое милосердие к «низшей расе»?..

Вечером тронулись, утром проехали Страсбург с готическим собором с одной башней. По прибытии в Париж явились к немецкому коменданту станции (Восточный вокзал), получили документы и ордер на четыре комнаты в первоклассном отеле «Коммодор» на Больших бульварах на три дня. Я сразу же отправился искать нашего полкового адъютанта капитана Григуля, служившего в афганском посольстве смотрителем здания (его дочь потом вышла за афганского дипломата). Он, его жена и дочь жили в Обществе Галлиполийцев на рю Фезандери; поделился с ними продуктами, полученными от немцев на дорогу, меня они угощали обедами. Посетил однополчан Пелёхина и Сподина — у них свой гараж, битком набитый роликами чёрной бумаги для затемнения. Я Сподина на свой счёт 4 года учил в Руане в Химическом институте, мне он до сих пор должен 600 золотых долларов (15 тысяч тогдашних франков), и я их никогда не получил, хотя Сподин и стал дипломированным инженером-нефтяном. Я впоследствии получил его адрес в Сантьяго, в Чили, послал два заказных письма, но ответа не получил. А узнав, что он стал советским патриотом, я и вовсе махнул на него рукой…

В последний день пребывания моего в Париже Сподин пригласил меня на обед, но за столом сидели какие-то подозрительные личности, вроде советских патриотов, и я поспешил откланяться, а то ещё меня придушили бы. Посетил в церкви на Дарю старых друзей, теперь уже покойных, меня целовали и обнимали после семи лет разлуки. Принёс им вина и закусок, выпили, и от них я отправился на вокзал Аустерлиц, откуда мы выехали на Ирум.

Приехали «домой» в Испанию. Холодный туман, иней, а в Германии была почти весенняя погода. Было начало февраля 1944 года. В Ируме получили хлебные карточки, обменяли у коменданта немецкие оккупационные марки на песеты (1 марка — 4.10 песет), зашли в какой-то ресторан пообедать, там полно английских лётчиков, бежавших от немцев — их отправляли

постепенно в Англию. Юренинский поднял руку и сказал: «Хайль Пгглер!». Обошлось без последствий.

В поезде с нами ехало из Франции много испанцев — рабочих. Держали они себя весьма скромно, но, когда в Гендайе пересели в испанский поезд на Ирун, лица их прояснились, оживились, и они запели песню насчёт немцев «Кабеса квадрада» («квадратная голова»). Утром прибыли в Мадрид: сумрачная погода, пронизывающий туман, холодно. Остановились в том же пансионе, откуда выехали в Италию. В Испании всё было по карточкам, но некоторые продукты продавались свободно — консервы, рыба, одежда и обувь. С табаком было трудно, тоже по карточкам. Карточная система продолжалась 15 лет, так как красное правительство вывезло испанский золотой запас в Москву.

Пришлось опять зачислиться в милицию, так как нужно было на что-то существовать, но мы скоро оттуда ушли. Открылась русская антикоммунистическая секция Испанского радио, и я там пробыл 20 лет до своего выхода на пенсию в конце 1975 года.

Большинство моих соратников по испанской войне уже ушли в другой мир, со временем и я последую за ними.

В 1920 году после кровопролитных боёв у Каховки в августе месяце остатки Корниловской дивизии ушли на формирование и отдых в район Мелитополя. Команда пеших разведчиков 1-го полка стояла в селе Ново-Николаевка. Приехал я в Мелитополь за 20 вёрст. Знакомая девица познакомила меня со своей хозяйкой — женщиной средних лет восточного типа. Она предложила мне погадать — она гадала на картах, по линиям рук, на бобах. Мне запомнились её предсказания. По ним мне предстояло долговременное морское путешествие — и через два месяца мы сели на корабли, чтобы покинуть Родину.

Гадалка обещала также, что я возвращусь на Родину в более завидном положении, чем те, с кем мне придёте? встречаться (она не могла объяснить толком, что это значит) — и вот через 25 лет я вернулся на Родину в звавши итальянского офицера, в более выгодном положении, чем местные жители. Пообещала она и то, что я проживу до 80-ти лет — есть надежда, так как мне осталось немного до этого срока, да и обладаю прекрасным здоровьем. А вот что касается предсказания о том, что к концу моих дней я буду богатым человеком… Что ж, раз я не разбогател, — наверное, действительно ещё не наступил конец моих дней!..

Можно верить, можно не верить в предсказания (я не верю), но три предсказания исполнились с математической точностью…

Окончено 7 мая 1976 года. Мадрид.

М . Ф. Скородумов [24]
История образования Русского корпуса в Сербии

В апреле 1941 г. после жестокой бомбардировки Белграда немецкая армия в девять дней оккупировала Югославию. В то время югославская армия представляла собой морально и политически разложившуюся массу, в значительной степени уже зараженную коммунизмом. Не оказав никакого серьезного сопротивления, она разбежалась в несколько дней…

С приходом немцев началась трагедия русских эмигрантов в Сербии. Очень многие в результате бомбардировки Белграда потеряли всё своё имущество, а некоторые и своих родных. Двадцать пять тысяч эмигрантов — мужчин, женщин и детей, более двадцати лет живших в Сербии, были разбиты на множество организаций: от крайне правых до крайне левых. Большинство всё же было правых, очень небольшая часть — левых, и только единицы ради моды сделались фашистами. Национал-социалистов не было вообще.

Сербское население в то время относилось к Белым русским враждебно, так как многие сербы были настроены прокоммунистически и открыто мечтали о приходе «батюшки Сталина». В результате этого произошла масса инцидентов, столкновений и избиений русских эмигрантов. В дополнение ко всем несчастьям, благодаря советофильскому настроению сербского правительства, последовало увольнение со службы русских эмигрантов, и «в один день» наша эмиграция оказалась на улице без всякой помощи, средств и работы. В такой обстановке в июне 1941 г. началась война между Германией и Советским Союзом. Вслед за этим в Сербии вспыхнуло коммунистическое восстание, которое охватило почти всю страну: начались избиения русских эмигрантов целыми семьями. Русские люди, оставшиеся без средств к существованию, выброшенные со службы и преследуемые сербскими коммунистами, бежали из провинции в Белград.

В то время я возглавлял Бюро по защите интересов русской эмиграции в Сербии. В Русском доме, где находилось Бюро, все подвалы были забиты голодными русскими беженцами. С большим трудом была создана бесплатная столовая, но это не решало проблему. Считая это своим долгом, я обратился к сербским властям с просьбой о защите русской эмиграции. Сербские власти ответили, что они бессильны что-либо

сделать, — «обращайтесь к немцам». После этого я обратился к немецким военным властям. Немецкое командование ответило: «Защищайте себя сами». Вскоре в Югославии образовалась так называемая «Советская Ужицкая республика». От рук сербских коммунистов уже погибло около трехсот русских людей, среди которых были женщины и дети. Я решил обратиться к одному из немногих сербских антикоммунистов — министру Д. Льотичу, так как последний получил от немецкого командования разрешение формировать антибольшевистский сербский корпус. Я просил его дать оружие, дабы русские могли защищать себя и свои семьи. Министр Льотич, большой русофил, ответил, что, к сожалению, он ничего дать не может: ему самому немцы оружия выдали меньше, чем необходимо. Тогда я обратился к начальнику штаба немецкого главнокомандующего на Юго-Востоке полковнику Кевишу. Полковник, от имени главнокомандующего, предложил мне немедленно отдать приказ всем способным носить оружие русским эмигрантам вступать в немецкие полки в местах их расположения. На это я ответил, что такой приказ отдать не могу, так как Белые, как политические эмигранты, могут воевать только против большевиков, а вступая в немецкие полки, которые могут быть переброшены на другие фронты, русские эмигранты будут вынуждены воевать и против некоммунистических государств, что для Белых абсолютно невозможно. Я добавил, что могу отдать приказ лишь о формировании отдельного русского корпуса для борьбы на Восточном фронте, и вполне естественно, что за время формирования этот корпус примет участие в борьбе с сербскими коммунистами. После долгих переговоров и торговли полковник Кевиш заявил наконец, что главнокомандующий разрешил формирование Отдельного Русского Корпуса и дал обещание после ликвидации коммунизма в Сербии перебросить этот Корпус на Восточный фронт.

Началась спешная подготовка по формированию Отдельного Русского Корпуса.[25] Намеренно был пущен слух, что немцы мобилизуют всех русских, дабы не вызвать в сербах ещё большего озлобления. Слух о формировании Корпуса дошёл и до немецкого посольства, то есть до чиновников национал-социалистической партии. Посол Бенцлер и его помощник Фаине вызвали меня в немецкое посольство и заявили: «Вы, русские — все коммунисты. Кто вам разрешил формирование какого-то Русского Корпуса? Если среди русских эмигрантов есть антикоммунисты, то вы должны немедленно отдать приказ, чтобы все они вступали в сербскую жандармерию». На это я ответил, что не могу вмешивать русскую эмиграцию в сербскую гражданскую войну. Тогда Фаине пригрозил: «Никаких русских корпусов быть не может, никаких

русских организаций и русских песен! Запомните, что невыполнение этого отразится на вашем положении». Тем временем ситуация в Сербии становилась буквально катастрофической: восставшие коммунисты уже подходили к Белграду, а проживавшие в Шабаце казаки после убийства коммунистами пяти казаков с семьями сами взялись за оружие и, сформировав две сотни под командой сотника Иконникова, отбивались вместе с немецкими частями от наступавших и окружавших их коммунистов. Получив в немецком посольстве грозное предупреждение, я немедленно отправился к полковнику Кевишу. Последний был крайне раздражен действиями посла. «Если Бенцлер не хочет, то хотим мы», — сказал он и попросил меня приехать завтра.

На следующий день полковник Кевиш с довольным видом заявил: «Все наши враги разбиты, и мы можем спешно приступить к формированию Корпуса!»

Тут же он приказал начать формирование Корпуса и добавил, что все выдвинутые мною условия приняты. Условия эти были переписаны в двух экземплярах, и мы оба поставили под ними свои подписи. А требования мои были следующие:

— Лишь один командир Корпуса подчиняется немецкому командованию, все же чины Корпуса подчиняются только командиру Корпуса и русским начальникам, им назначенным.

— Корпус не может дробиться на части, а всегда будет действовать как одно целое, то есть ни одна часть Корпуса не может быть придана немецким частям.

— Русский Корпус может быть только лишь в русской форме, но ни в коем случае не в сербской и не в немецкой. Для распознавания немцами чинов на воротниках должны быть особые знаки. На шлемах же должны быть ополченческие кресты белого цвета.

— Никто из чинов Корпуса не приносит никакой присяги, кроме командира Корпуса.

— Когда Корпус закончит формирование и коммунистическое движение в Сербии будет подавлено, немецкое командование обязуется Корпус перебросить на Восточный фронт.

— Русский Корпус не может быть использован ни против какого-либо государства, ни против сербских националистов Дражи Михайловича и др. Отдельный Русский Корпус может быть использован только против коммунистов.

В Русском доме началась спешная работа по формированию Корпуса. С сорока юнкерами, наскоро обученными и обмундированными, я принял сербские училищные казармы, где должен был формироваться Корпус. Днем и ночью работа кипела,

как в муравейнике. В это время от частных лиц я получил устное предупреждение о том, что как только будет отдан приказ о формировании Корпуса, я буду немедленно арестован немецким посольством. В таких условиях 12 сентября 1941 г. я отдал приказ о формировании Отдельного Русского Корпуса. После отдания этого приказа работа по формированию Корпуса шла ещё два дня, но 14 сентября меня пригласили в гестапо и действительно арестовали, так как немецкое посольство сообщило по радио: «В Белграде русский генерал Скородумов сформировал национальное правительство, формирует армию и даже назначил командующего Флотом». В Берлине начался переполох, и по радио последовал приказ: «Немедленно арестовать генерала, правительство и армию разогнать, начальника штаба полковника Кевиша и офицеров гестапо сместить». Розенберг будто требовал даже повесить меня (все эти сведения мне сообщили в гестапо после моего ареста). После моего ареста унтер-офицер гестапо Бок ночью приехал на квартиру к начальнику штаба Корпуса генералу Штейфону[26] и по приказанию немецкого командования отобрал приказ полковника Кевиша о формировании Корпуса. Но Корпус под руководством генерала Штейфона продолжал формироваться. Только благодаря полковнику Кевишу, а точнее его связям с Гитлером, вся эта провокация окончилась лишь смещением нескольких немецких офицеров и моим трёхнедельным арестом. На двадцать первый день ареста гестаповцы сообщили, что я должен дать подписку, иначе я буду отправлен в концлагерь. Подписка была следующего содержания: «Я, нижеподписавшийся, начальник Бюро по защите интересов русской эмиграции генерал С., даю честное слово русского генерала, что буду молчать и ни одного слова не скажу о немецкой политике на Востоке». Общая обстановка первых дней формирования Корпуса оказалась столь запутанной, что надо было обладать сверхчеловеческим чутьём, чтобы разобраться в ней. Немцы всё время лгали по радио, в газетах и на словах, что их командование переменило свою политику на Востоке, что они идут крестовым походом против коммунистов, а не против русского народа. Будучи по природе человеком недоверчивым, я относился к заявлениям немецкой пропаганды критически. Но я отлично сознавал, что эмиграция должна быть способной защищать себя и свои семьи от коммунистов, и что если немцы действительно не изменят захватнической политики на Востоке, то война будет проиграна и все равно большевики придут в Сербию, а потому выхода нет: так или иначе русская эмиграция должна взяться за оружие. Еще в августе 1941 г. на банкете в Русском доме я в присутствии представителей немецкого

командования откровенно сказал: «Если немцы пойдут против большевиков без русской эмиграции, то проиграют войну, побегут обратно, погубят и себя, и русскую эмиграцию». Эти слова запомнили все присутствующие на банкете, а я был вызван в гестапо и получил предупреждение: «Нельзя говорить все, что думаешь».

Когда немцы, после первых побед на Востоке, на всех домах и трамваях Белграда нарисовали букву «V» — «Виктория», я неосторожно сказал, что через два года немцам придется нарисовать еще одну букву «V» — т. е. «горе побежденным». А так как я был окружен немецкими агентами, которые следили за каждым моим шагом, меня снова вызвали в гестапо и предупредили, что если я позволю себе еще одно высказывание против немцев, то буду смещен с поста начальника Бюро и сильно пострадаю. Затем немецкое командование потребовало снять с печати Бюро русский герб (двуглавого орла) и заменить его свастикой, но я категорически отказался это сделать.

В это тяжелое время мне помогала только небольшая группа русских патриотов. Многие сербы, поддерживая коммунистов, не симпатизировали мне, считая фашистом, и искали удобного случая для провокации. Немцы враждовали друг с другом: военная партия боролась с партией национал-социалистов. К сожалению, и сама русская эмиграция не была единодушна. Часть ее — истинные русские патриоты — бросила все, чтобы вновь взяться за оружие и продолжить борьбу с большевиками. Другая часть эмиграции, больше думая о собственной шкуре, подняла вой и толпами ринулась из Сербии на фабрики в Германию, а не уехавшие спасались от большевиков, спрятавшись за спины чинов Русского Корпуса. Наконец, небольшая часть эмиграции — так называемые «левые» и «советские патриоты» — завопила о том, что воевать с большевиками нельзя, ибо интересы советской власти якобы совпадают с интересами России. Эту советофильскую группу возглавляли два священника: протоиерей И. Сокаль и протоиерей В. Неклюдов. Они собирали митинги за церковью Св. Троицы и уговаривали прихожан не идти в Русский Корпус и не бояться коммунистов, так как «большевиков больше нет, а есть только русские люди». Оба эти священника впоследствии перешли к коммунистам и при наступлении советских войск уговорили остаться в Белграде многих прихожан, которые расплатились за свою доверчивость собственными головами. Другой советофил — «младоросс» Илья Толстой, внук Льва Толстого, даже напал на меня на улице и грозил убить… Итак, 12 сентября 1941 г. в муках начал рождаться Русский Корпус. Приказ о формировании Русского Корпуса вызвал

сильный патриотический подъем и нашел отклик в сердцах русских патриотов и идейных антибольшевиков, которые спешили встать в ряды Корпуса, чтобы в будущем вступить в борьбу с лютым врагом России — интернациональным коммунизмом. Офицеры и солдаты, участники Великой и Гражданской войн, врачи, инженеры, коммерсанты, учащаяся молодежь, владельцы крупных предприятий и простые рабочие, оставив свои семьи, бросив все, спешили взяться за оружие. В Корпус шли все, независимо от политических убеждений, без различия в принадлежности к той или иной партии, религии или народности.

В первый день формирования из гвардейских казарм вышел русский взвод, во второй — рота, в третий — батальон. Такими темпами шло формирование. Корпус был обмундирован в форму Императорской армии, с белым ополченческим крестом на шлемах. 1-й полк, еще не закончив своего формирования, нанес сокрушительный удар «Советской Ужицкой Республике», и с этого момента началась ликвидация общего коммунистического восстания. Страна постепенно пришла к относительному умиротворению. Последними жертвами волны убийств русских эмигрантов стали С. Кутенко, Константин Холяро и Александр Нестеренко — чины Русского Корпуса, подло убитые в спину сербскими коммунистами на улицах Белграда в первые дни формирования Корпуса. Преступники были повешены, и убийства русских эмигрантов прекратились.

В первое время появления Русского Корпуса были трагикомические случаи, когда сербские коммунисты сами приходили в Корпус. Каково же было их удивление, когда они узнавали, что это русский БЕЛЫЙ Корпус, а не советский из Москвы, который они с нетерпением ожидали! Русский Корпус в продолжение четырех лет вёл тяжелую борьбу с сербскими, хорватскими, словенскими и русскими коммунистами, нанося им сокрушительные удары, так как немцы не имели понятия о ведении партизанской войны с красными. Корпус пополнялся не только проживавшими в Сербии эмигрантами, но и русскими добровольцами из одиннадцати других стран Европы: Болгарии, Венгр™, Германии, Греции, Италии, Латвии, Польши, Румынии, Франции, Хорватии и, наконец, из России. При этом ряды Русского Корпуса пополнялись не только белыми эмигрантами, но и добровольцами из числа бывших подсоветских граждан, а также бывшими советскими военнопленными. В феврале 1944 г. Корпус уже выставил пятый полк! Доблесть чинов Русского Корпуса, верность долгу, беспримерная храбрость и непримиримость к большевикам будут оценены историей. С 1941

по 1943 г., пока в Корпус не прибыли бывшие пленные красноармейцы, ни один чин его не попал в плен! В 1944–1945 гг., несмотря на плохое вооружение и в среднем пожилой возраст (в Корпусе были люди от семнадцати до семидесяти лет), старые русские генералы и офицеры наравне с молодёжью храбро вступили в бой уже не с сербскими и хорватскими партизанами, а с регулярными частями Красной армии и с югословенской коммунистической бригадой, прибывшей из Москвы. Когда Советская армия перешла границу Сербии, батальон Русского Корпуса в бою у Прахова разбил красных, взял пленных, 9 тяжёлых орудий, 6 тяжёлых бомбометов, 32 автомашины и 70 подвод. Другой батальон Русского Корпуса, действовавший в группе генерала Фишера, отбил у Советской армии 2 тяжелых орудия, пулеметы, захватил пленных и различное имущество. Осенью 1944 г. 3-й батальон 3-го полка под командой генерал-майора Н . А. Петровского был окружён советскими танками и доблестно сражался с намного превосходящими силами врага. Но пробиться из окружения не удалось: смертью храбрых погиб практически весь батальон. В то же время часть Русского Корпуса была со всех сторон окружена в Чачаке: с двух сторон — партизанами Тито, с третьей — московской югословенской бригадой, а с четвертой — предательски напавшими четниками, отколовшимися от войск Драже Михайловича. Части Русского Корпуса стойко отбивались, погиб командир 4-го полка полковник В . А. Гескет и полковник Ф . А. Думский. Потеряв пять рот, части Русского Корпуса с большими потерями всё же пробились через окружение и вышли через непроходимые Босанские горы в Сараево. Несмотря на все жертвы Русского Корпуса, национал-социалисты, нарушив условия, подписанные полковником Кевишем, сначала обезглавили Корпус, а позднее переименовали его в «Шуцкор», переодели в немецкую форму и так и не отправили на Восточный фронт. Для нас, русских эмигрантов, подобные издевательства со стороны иностранцев были не новы, ибо за ними была сила, а за нами только право, с которыми в XX веке никто не считается. В 1943 г. немцы пытались предлагать мне вновь возглавить русскую эмиграцию в Сербии и занять должность командира Русского Корпуса, но я категорически отказался и заявил, что вернусь в Корпус только простым солдатом, как только Советская армия перейдет границу Сербии.

Русский Корпус — это легендарная страница русской истории, и не только русской, но и мировой истории, ибо до него не было ещё случая, чтобы после двадцати лет эмиграции деды, отцы и внуки взялись за оружие для продолжения той борьбы,

которую они начали много лет назад, в 1917 г. Высоко неся трёхцветный российский флаг в непроходимых горах Сербии и Боснии, окруженный со всех сторон врагами, Русский Корпус с большими потерями, делая сверхчеловеческие усилия, доблестно и самоотверженно отбиваясь от коммунистов, не только вывез свои семьи, жён, детей и стариков, но и спас ВСЮ русскую эмиграцию в Сербии, предоставив ей свои эшелоны, без которых она бы погибла так же, как погибла во всех остальных странах Восточной Европы.

Русский Корпус показал всему миру не только свою военную доблесть, но и политическую дальновидность, ибо еще в 1941 г. предвидел и понял, что лишь потом, после войны, начали понимать государственные деятели всего мира. Не мы виноваты в поражении. Не мы ошиблись, ибо если бы мы ошиблись, то в Сербии не было бы после войны коммунизма, а русская эмиграция не сидела бы по лагерям Ди-Пи в Австрии, Германии и Италии. Для нас, русских белых эмигрантов, коммунистическая власть всегда была и будет врагом номер один. А потому Русский Корпус — это продолжение Белой борьбы, начатой нами в 1918 г., но только на этот раз — на территории Сербии.

Каждый русский патриот отлично знает, что спасти Россию могут только русские. Все иностранцы, кто бы они ни были, всегда будут преследовать прежде всего свои, а не русские интересы. Они могут быть только сотрудниками по необходимости, но ни в коем случае не спасителями России. А потому двадцать пять тысяч русских эмигрантов в Сербии отнюдь не были обязаны приносить себя в жертву и умирать без борьбы и сопротивления за торжество победы Сталина — Рузвельта, как равно и за торжество победы Гитлера — Муссолини. Русские эмигранты могут и должны бороться, рисковать и приносить себя в жертву только лишь за торжество победы Национальной России над поработившим ее коммунизмом!

Август 1948 г.

Приложение 1

Циркулярное письмо.

Уполномоченного Начальником Управления Делами Русской Эмиграции (УДРЭ) в Протекторате Богемия и Моравия всем начальникам русских военных организаций Протектората о формировании Русского Охранного Корпуса в Сербии.

30 января 1942 г.

Прага.

Настоящим довожу до сведения всех гг. Начальников, Руководителей и Председателей Русских Организаций в Протекторате, что организуется Русский Охранный Корпус для вооруженной борьбы с большевиками, действующий в составе Германских Вооруженных Сил и под Германским Управлением.

Командиром этого Русского Корпуса назначен Генерального штаба генерал-лейтенант Штейфон.

Генерал-лейтенант Штейфон с согласия германских властей обращается с призывом к русским, способным к строевой службе, записываться добровольцами в этот Корпус.

Корпус состоит из пехоты, артиллерии, кавалерии, технических и казачьих частей.

Запись добровольцев в Протекторате производится по поручению ген(ерал) — лейт(енанта) Штейфона и с согласия германских властей полковником И . А. Белаевым (?), к которому и надлежит обращаться за справками.

По распоряжению германских властей о вышеизложенном предлагаю немедленно и неотложно поставить в известность всех членов вверенной Вам Организации и предупреждаю, что всякие действия, направленные явно или тайно против осуществления этой акции, или действия задерживающие проведение ее, равно как и ей подобных акций, проводимых в настоящее время или могущих возникнуть в будущем, будут рассматриваться как саботаж, направленный против мероприятий и распоряжений германских властей со всеми вытекающими из этого последствиями.

П . п. К. Ефремов, Уполномоченный Начальником УДРЭ в Протекторате Б(огемия) и М(оравия).

ГАРФ, ф. 5796, д. 58, л. 45. Копия. Машинописный экземпляр.

Приложение 2

Присяга солдат и офицеров Русского Охранного Корпуса в Сербии

Клянусь свято перед Богом, что я в борьбе против большевиков — врагов моего Отечества и сражающихся на стороне большевиков неприятелей Германской армии, буду оказывать Верховному вождю Германской армии, Адольфу Гитлеру, всюду, где бы это ни было, безусловное послушание и

буду готов, как храбрый воин, во всякое время пожертвовать мою жизнь за эту присягу.

«Ведомости Русского Охранного Корпуса», — 1943, 17февраля (№ 61)

Приложение з

Из информации-оповещения Русского Охранного корпуса в Сербии (№ 6) о причинах союза с немцами

Почему в настоящей мировой войне мы с немцами:

1. Потому что у нас общий враг — большевизм.
2. Потому что для нас, русских белых воинов, настоящая война является продолжением борьбы, начатой нами первыми еще в 1918 году на русской территории.
3. Потому что немцы являются единственной реальной силой, поднявшей знамя борьбы с коммунизмом.
4. Потому что мы, эмигранты, представляли себе только две возможности свержения коммунизма и власти большевиков в России: через национальную революцию изнутри или путем вооруженной интервенции извне. Революция не состоялась. Немцы оказались единственной силой, которая пошла на интервенцию. Естественно, мы примкнули к ним.
5. Потому что это единственный случай вырвать наш народ из рук мирового еврейства и III Интернационала.
6. Потому что мы верим, что по окончании войны наше Отечество займет достойное для него место в новой Европе.

ГАРФ, ф. 5761, оп. 1, д. 10. л. 327об.

Приложение 4

Обращение

Начальника Русского Бюро в Сербии генерала М . Ф. Скородумова «Русские люди» с призывом включиться в борьбу с СССР на стороне Германии (1941 г.)

Русские люди!

Наступило то время, о котором я 10 лет твердил и 10 лет

призывал создать скрытую армию, чтобы быть готовыми к надвигающимся событиям, а в прошлом году, в день годовщины Великой войны, у Памятника Русской Славы я открыто говорил, что это последнее наше торжество на Белградском новом кладбище — но, к сожалению, мой голос оставался голосом вопиющего в пустыне. Эмиграция осталась мертвой, неорганизованной и ни на что активное неспособной толпой.

Мы переживаем исторические дни!

Судьбоносные дни для всей Русской нации: или сейчас, или никогда; быть или не быть Русскому государству.

Я зову всех Русских людей к спешной и самостоятельной работе по самоорганизации, чтобы в последний момент, когда уже все сроки прошли, создать хоть какую-либо силу.

Пришел момент, когда мы, Русские, должны доказать на деле, что мы не навоз для удобрения европейской культуры, а сильная духом, способная на организацию, готовая на подвиг, сплоченная, как один, смелая и гордая нация.

Или сейчас, или никогда! Я говорю сейчас и только сейчас, и все русские должны сказать сейчас!

Чтобы спасти Россию, нужны деньги и подвиг, нужна последняя жертва… Дайте денег! И поймите наконец, что Россию создавали ни Цари, ни Императоры, ни генералы, ни министры, ни профессоры, а Василии Рябовы, Архипы Осиповы, матросы Кошки и т. д. На их крови и подвигах Русские Цари и Императоры служили (сложили? — *АО.)* Великую Россию.

Дайте героев! Дайте мучеников! Дайте патриотов!

Я верю в силу духа Русского народа и верю, что Русские люди, с помощью Вождя Рейха и доблестной Германской армии, свергнут и навсегда уничтожат двадцать с лишним лет издевавшуюся над Русским народом интернациональную сталинскую банду для спасения и восстановления Православной Национальной Русской Империи, которая никогда эту помощь не забудет и навсегда кровью свяжет вечный союз между Русским и Германским народами.

Боже, помоги нам спасти Россию!

М. Скородумов.

ГАРФ, ф. 6771, оп. 1, д. 221. л. 6. Печатный экземпляр.

Приложение 5

Из статьи в «Ведомостях охранной группы» о создании русского охранной группы в Сербии «Ведомости охранной

группы», — 1942,12 марта (№ 12)

(…) Полгода назад мудростью полковника Генерального штаба Кевиша, энергией генерала Скородумова и настойчивостью генерала Штейфона была создана вооруженная часть из русских. Дело было рискованным — и иностранцы, и русские считали, что эмиграция, отвыкшая от реального национального делания, раздираемая ориентациями, тонами и полутонами идеологий, а главное, привычные вопросы личностей ставившая превыше общих целей, такая эмиграция могла и не пойти в ряды формирования.

К счастью, опасение оказалось напрасным: отклик на призыв к регистрации был превыше всех ожиданий. Опасность пришла с другой стороны: засуетились все претенденты на командные места и руководящие роли, фанатики местничества и популисты отдельных родов оружия. Началось формировательское рвение: увлечение исполинскими штатами и громкими названиями. К счастью, полковник Кевиш сразу поставил строение Охранной группы на реальную базу: название единицы и ее штат должны соответствовать фактическому числу поступивших людей. Генерал Штейфон, и сам враг фантастики, строго придерживался этого реального метода формирования.

Почуяв это, всколыхнулись все самокандидаты на посты. При деятельном содействии англофильских кругов и последних могикан демократии в Белграде начался штурм: одни пошли на генерала Штейфона, другие помчались во все германские инстанции. Их принцип был: если не нам командные посты, то никому.

Они явно срывали дело.

Генерал Штейфон отбил этот штурм. Огромным напряжением воли он подавил митингование старших воинских чинов эмиграции и звал офицеров выполнять свой долг.

Теперь можно и должно сказать открыто, что в те дни, когда решалась судьба русских военных формирований, когда русский Белград бушевал нездоровыми страстями и готов был погубить начинавшееся дело, идея создания Охранного корпуса была спасена генералом Штейфоном. В те исторические дни генерал Штейфон проявил воистину свою огромную волю и дал все доказательства понимания (…) новых наших путей. Кто присутствовал тогда на собраниях старших начальников, тот конечно не забыл, как пламенно отстаивал генерал Штейфон идею формирования и до каких высот государственной мудрости он возвышался в те незабываемые дни…

Офицеры, солдаты и вольноопределяющиеся пошли в

Охранную группу в числе, превысившем все ожидания. Начались муки формирования (…) проистекающие не только от окружающей разрухи, потери командных и административных навыков офицерами, но и оттого, что трудно было установить непреложный критерий для выдвижения на командные должности: стаж, возраст, чин, способности, образование — все переменилось причудливым образом. Но одно можно сказать: ни критериума протекции, ни кружковщины при выборе командного состава не было.

Генерал Штейфон предложил забыть старые деления на РОВС и Корпус, забыть политические симпатии и антипатии и почувствовать себя только воинами единой части, русскими воинами. И он первый отрешился от выдвижения людей по принципу идеологической близости к нему: менее трех процентов командных должностей представлены офицерами того лагеря, к которому раньше принадлежал генерал Штейфон.

Офицеры дружно взялись за строительство частей. Вопросом русской чести стало скорейшее и возможно лучшее формирование. Смотры показали, что может сделать всеобщий подъем.

Тогда началось испытание в поле. Первый и второй отряды с поразительной добросовестностью несут трудную службу охранения и вкладывают в нее столько порыва и напряженного старания, что вызывают общее одобрение. С русской храбростью выполняли они боевые задания совместно с частями германской армии, увидевшими в них достойных соратников.

(…)

Охранная группа выдержала еще одно трудное испытание: зиму. Она была особенно тягостна для семейств. Неурядица в стране, злобный саботаж специально против Охранной группы и другие причины препятствовали сколь-нибудь благополучному разрешению вопроса обеспечения семейств. Но семьи мужественно, а воины без излишней нервозности вынесли и это испытание.

(…)

С достойным похвал достоинством несут семейства и воины тяготы неудовольствия окружающей среды, не понимающей, что мы взялись за оружие потому, что в этом мы видим наш долг. Мы — борцы против коммунизма и участники борьбы за Новый порядок, за светлое будущее всех, а в том числе и нашего исстрадавшегося, родного нам народа.

А . И. Медынский [27]

Часть I
О казачьем стане

Летом 1943 года, нас 10 человек бывших русский офицеров, изъявивших желание бороться против большевиков, направили в город Млаву (Польша). Здесь генерал фон Паннвиц[28] формировал 1-ю Казачью дивизию с бригадой артиллерии.

Заведовал отправкой офицеров из Парижа Семен Николаевич Краснов, мой товарищ. Нам, кадровым офицерам, предложили пройти повторные трехмесячные курсы и после экзамена назначили на «командные» должности в дивизии: помощника и командиров сотен и батарей, командирами которых были немцы. Долго уговаривали, но мы не согласились, и нас отправили в распоряжение майора Миллера, который собирал всех казаков, отступавших с германской армией с Дона, Кубани и Терека. Старые и молодые казаки с женами собирались в районе г. Проскурова, на станциях Гречаны и др. Казачки помогали казакам, как могли: ездили верхом на лошадях, ходили в разведку и участвовали в боях. Такой боевой элемент мне пришлось принять. Их было несколько тысяч.

Управление майора Миллера находилось в больших казармах 46-го Днепровского полка (12-й дивизии Российской Императорской Армии).

Я явился с бумагами Восточного Министерства Германии.

Майор Нидерпри меня очень любезно принял и познакомил с германским чиновником Ратке, который в совершенстве говорил по-русски. Я говорил по-немецки удовлетворительно. Разговор с господином Ратке касался политики. Я высказал свое мнение относительно казаков, что они лучшие русские люди.

После этих слов господин Ратке и майор Миллер переглянулись, я заметил это, но ничего не сказал. После короткого разговора майор Миллер направил меня с господином Ратке на станцию Гречаны, где жил и работал атаман Павлов.[29]

Квартира атамана скромная. Был обеденный час. Нам предложили вместе пообедать. За большим овальным столом село около 10 человек старых казаков. Между ними я заметил в первый раз будущего атамана, войскового старшину Доманова.[30] Атаман представил меня старикам как кадрового русского офицера. Обед приготовлен был по-русски: борщ, каша гречневая, котлеты и кисель. Я поел хорошо. После обеда атаман Павлов

стал меня расспрашивать о моем прошлом: как провел Великую войну и в каких боях участвовал. Атаман Павлов произвел на меня впечатление умного человека и очень выдержанного. Спросил меня, хочу ли я с ним работать. Я ответил согласием. «В таком случае я вам назначу 10 казаков и вы поедете вместе через город Львов и дальше станция Барановичи лагерь «Лесная». Во Львове остановитесь и зайдете к сотруднику Донскову, познакомьтесь с ним, возьмите у него свободных казаков, оружие и поедете дальше в лагерь «Лесная». При встрече с сотрудником Донсковым будьте осторожны и не вступайте в спор». Я выслушал внимательно все указания атамана и был готов к поездке. На следующее утро мне приготовили продукты на трое суток. Назначенные 10 казаков меня сопровождали на вокзал, и мы поехали воинским поездом во Львов. Во Львове мы быстро разыскали расположение сотника Донского. Жил он с женой на окраине города. Знакомство с ним произвело на меня удручающее впечатление: он оказался человеком неуравновешенным и не умеющим уважать своего собеседника. Я передал приказание атамана Павлова отпустить свободных казаков и оружие, но он отказал. Помня указания атамана не вступать с ним в спор, я на следующее утро собрался и выехал в Барановичи. От станции Барановичи до лагеря «Лесная» нас доставили подводами.

Огромный лагерь «Лесная» расположен в лесу и был заполнен казаками и кавказскими народностями, возглавлявшимися генералом Султан-Гиреем.[31] Все беженцы жили в грязных бараках без всякой медицинской помощи. Подъезжая к лагерю, я заметил у ворот сложенные штабелями пустые гробы для будущих мертвецов. Моя первая забота была убрать их и организовать медицинскую помощь. Через две недели приехал на автобусе атаман Павлов для осмотра лагеря и окрестностей и дачи указаний для дальнейшей работы. Атаман сообщил мне, что ровно через неделю прибудет вооруженный отряд пеших и конных казаков под командой подполковника Лобасевича. «Примите их в лагерь. Пополните и сформируйте 1-й Сводно-казачий полк из шести пеших сотен и двух конных. Срок формирования — неделя». Формирование происходило легко. Винтовки были быстро доставлены немцами из трофейных складов. Пулеметы были со всех стран: бельгийские, французские, австрийские и русские. Патронов было достаточно. Снаряжение было так же достаточно. Не хватало только обуви поначалу. Все казаки друг друга знали. Измены не могло быть. Колеблющихся не замечалось. В полку организовали хор трубачей и песенников. В полку был назначен врач с образованием.

Нашлось достаточное число офицеров и урядников, которые не забыли строевой службы. Не помню, когда был назначен день выхода 1-го полка, но опаздывания не было.

Центральное здание бывшего Новогрудского воеводства при Польше было занято германским гебитскомиссаром (начальником области) и окружено окопами полного профиля. Вокруг стояли броневые машины. Продовольствие привозили тоже бронемашины. Подходящая шоссейная и узкоколейная железная дороги были партизанами минированы и завалены деревьями. Партизаны пользовались механическими пилами и вырезали окружающий лес. Вот в каких условиях находились дороги, подходящие к Новогрудку. Перед выходом в поход я получил в подарок от донцов коня с седлом, который служил мне до похода в Здуньска Воля (Польша). Переход до города Новогрудки был 25 километров. Походная колонна растянулась на три километра. Двигались медленно и осторожно целый день. Приходилось останавливаться. Во время перехода шла все время оживленная ружейная и пулеметная перестрелка со снайперами, сидевшими на деревьях окружавшего нас леса. На дорогах рвалось много мин, местами мы были обстреляны из минометов. Партизаны были хорошо снабжены оружием из Красной армии. За время перехода было убито 2 казака и 10 ранено. В темноте мы наконец подошли к окраинам Новогрудка. Нас встретило 3 бронемашины, которые указали дорогу к гебитскомиссариату. Около большого здания, построенного буквой «Н», нас ждал гебитскомиссар и просил зайти в кабинет для переговоров. В кабинете гебитскомиссар предложил мне быть его гостем и поместиться у него в доме. Прибывшие казаки разместились в ближайших домах по квартирам. Вокруг комиссариата были вырыты окопы полного профиля и стояли бронемашины. Казакам разрешили переночевать только одну ночь, а на утро не должно было оставаться ни одного казака, кроме меня и моего штаба. Город Новогрудок должен был быть очищен. С этим распоряжением я не согласился и предложил оставить со мной учебную команду в 150 человек. После долгих споров комиссар согласился со мной. Отвел большую гостиницу на базарной площади. Первый этаж был предназначен для учебной команды, а второй для штаба. На следующий день учебная команда под начальством есаула Пострулина расположилась в гостинице на первом этаже. С этого дня началась творческая работа Казачьего Стана.

Основание Штаба формирования казачьих войск в Новогрудке положило начало Казачьего Стана. Об этом событии было доложено верховному руководителю казачества генералу П. Н. Краснову. Специально два посланца (офицера) были

отправлены на квартиру генерала, которая находилась на даче под Берлином. Сообщить об этом Походному Атаману я не мог, т. к. не знал его точного места нахождения. Полковник Павлов был в то время на южном фронте в Подольской губернии и Бессарабии, где с частью казаков прикрывал отступление германской армии. В Новогрудке установилась спокойная жизнь. Германский начальнике Белоруссии в Минске был очень доволен действиями казаков. Казаки выполняли все его просьбы через Штаб формирования. Делали походы по всей Белоруссии, поэтому я решил обратиться с просьбой уравнять казаков во всех отношениях (денежном, пищевом и обмундированием) с германскими солдатами. На мою просьбу последовало распоряжение назначить для меня самолет, чтобы я мог прилететь в Минск для доклада. На следующий день я вылетел с аэродрома Лида и через 20 минут прилетел в Минск. На аэродроме меня ожидал автомобиль, который и доставил меня к дому начальника Белоруссии. Дежурный офицер провел меня в кабинет начальника. Встретил меня начальник очень любезно и спросил, не обстреляли ли меня партизаны. Леса Белоруссии все были усеяны партизанами. Полет мой был над лесами. В селах и городах мужское население отсутствовало, кроме стариков и калек, которые оставались дома.

После приветствия начальник спросил, в чем нуждаются казаки. Я отвечал о равных правах с германским солдатом в смысле снабжения всеми видами довольствия. Начальник обещал всем удовлетворить. После окончания моих просьб начальник взял меня под руку и повел в столовую, где я увидел богато приготовленный стол и стоящих за стульями офицеров, которым он меня представил как казачьего полковника. После представления начальник сел на председательское место, предложив мне место с правой стороны. За обедом произносились тосты за здоровье атаманов и казаков. Для меня вся эта церемония была полной неожиданностью. После обеда все перешли в соседнюю гостиную, где разрешалось курить. Прошло пять минут, открылась дверь и вошел начальник. Все стали и прекратили курить. Начальник раскрыл папку и начал читать приказ о награждении меня двумя орденами серебряной шестиконечной звезды на зеленой ленте двух степеней и передал мне для раздачи казакам 30 орденов. Солдаты разнесли всем белое вино, и начальник провозгласил здравицу за казаков. Все присутствующие кричали «УРА». По окончании описанного торжества ко мне подошел летчик и сказал, что самолет готов к вылету в Новогрудок. Я с большим удовольствием согласился лететь. Торжества меня утомили. Я был счастлив, что буду скоро

среди своих казаков. Полет в Лиду, а оттуда 20 километров по лесным дорогам в автомобиле в Новогрудок прошел благополучно, хотя караван наш, состоящий из 10 машин с вооруженной охраной (в одиночку было запрещено передвигаться по лесным дорогам), и был обстрелян снайперами с деревьев. Раненых не было.

Вернулся я в Новогрудок около 6 часов вечера. Все казаки готовились к Пасхальной заутрене, которая была назначена на 8 часов утра в местном соборе. Население боялось прийти раньше, т. к. партизаны нападали. После молебна перед строем казаков, был парад войскам. Все было выполнено образцово. По окончании парада все казаки были приглашены в столовую Учебной команды на чарку водки и кусок кулича. Св. Пасха была встречена торжественно и пьяных не было. Начальник Новогруцской области (гебитскомиссар) приехал поздравить казаков.

Между тем работа в Штабе усилилась. Начало прибывать много казаков и офицеров из Франции, Германии, Югославии и Западной Европы. Нужно было быть разборчивым в приеме. К счастью, основание положили казаки, которые фильтровали прибывших людей. Была образована комиссия под председательством кубанского казака полковника Бедакова для проверки военных знаний и документов. Прибыл из Парижа мой товарищ кубанский казак полковник Кравченко и был назначен начальником штаба Походного атамана. Он умело распределял полки по бригадам: 1-й и 2-й полки вошли в 1-ю бригаду полковника Силкина; 3, 4, 5, 6 и 7-й — во 2-ю бригаду полковника Всртепова; 8-й Донской, 9-й Кубанский и 10-й Терско-Ставропольский — в 3-ю бригаду полковника Медынского. В дальнейшем были перемены. Офицеров прибыло очень много, пришлось создать офицерский резерв на положении казаков под начальством моего друга полковника Евгения Михайлова.

Творческая работа Штаба формирования продолжалась около шести месяцев до возвращения с Южного фронта полковника Павлова. Расположение Штаба формирования стало беспокоить германское командование, и неблагоприятный доклад германского офицера ротмистра Майделя послужил назначением на мою должность уважаемого полковника Маркевича, который прибыл ко мне в штаб и, пробыв в Штабе 15 дней, собрался и уехал в Берлин, сказав, что эта должность не по его силам.

Спустя два месяца прибыл с Южного фронта полковник Павлов, занял помещение Штаба формирования, а мне приказал переехать в лагерь «Лесная» и продолжать формирование 8, 9 и 10-го полков. Это назначение было для меня понятно, чтобы не

мешать ему работать. Во время формирования третьей бригады в лагере «Лесная» полковник Павлов захотел лично проверить боевую способность казаков, собрал конный отряд и выехал против партизан. О выезде своем никому не сообщил, и немецкая жандармерия приняла по ошибке отряд Походного Атамана за партизан и открыла стрельбу. Одна шальная пуля попала в голову атамана, и он медленно упал с седла. Пуля была стремительной. О смерти атамана я узнал на походе из лагеря «Лесная» в Новогрудок. Спешным порядком о случившемся был уведомлен генерал П . Н. Краснов, и по телеграфу войсковой старшина Доманов был назначен Походным Атаманом. Во время смерти атамана Павлова в Штабе формирования был приехавший из Берлина кубанский Войсковой атаман генерал Науменко.[32]

Через неделю после убийства атамана Павлова новый атаман полковник Доманов назначил меня на станцию «Дворец» для пополнения полков.

Активность партизан сильно увеличилась. Отступление германских войск началось по всему фронту, и всем казачьим частям было приказано отходить на Варшаву и далее на полигон «йуньская Воля». Отход казаков должен был происходить по боковым дорогам, т. к. главные дороги были заняты германскими войсками. Переходы приходилось делать большие и отражать нападения партизан. Во время переходов приходилось чинить мосты и всякие переправы. Красные войска следовали по пятам германских войск, а, кроме того, самолеты противника атаковали походные колонны казаков.

До Праги под Варшавой отходившие казаки со своими семействами шли сравнительно спокойно. Отступление германских войск происходило быстро. Отход казаков замедлялся, т. к. обозы, груженные всяким ненужным хламом и мебелью, требовали пропускать их в первую очередь. Казачьи повозки после долгих переходов приходили в негодность, приходилось производить починки на походе, что тоже замедляло движение. Довольствие продуктами питания производилось в случайно оставленных складах. Удачная получка продуктов зависела от степени сообразительности и находчивости начальников колонн. Управлять колоннами становилось все труднее и труднее, т. к. не хватало опытных колонновожатых. Отличительное свойство казака держаться своих станичных атаманов спасло многих от потерянности. Казаки одной станицы были как родные.

К колоннам казаков начали присоединяться беглые красноармейцы, которые после нескольких переходов показали себя хорошими русскими воинами, но нужно было быть

осторожным с провокаторами, которых советское командование спускало на парашютах.

Так называемые «приблудные» мои личные вестовые Яшка и Федька — иногородние, жившие на Дону, служили нам верой и правдой до передачи нас англичанами советам. Моих вестовых знал почти весь Казачий Стан. Когда мы проходили по территории Польши, смелость советских партизан стала все больше увеличиваться. Крестьяне польских деревень трудно распознавали по одежде беглых красноармейцев от казаков. Перед проходом по польским деревням казаков советские провокаторы запугивали население и советовали уходить временно в лес и уводить с собой коров, лошадей, свиней, даже кур. Дороги, подходившие к деревням, минировались. Приходилось из соседней деревни посылать на разведку население с подводами или вести подводы по обочинам дороги. Каждая колонна охранялась конной и пешей сотней казаков с пулеметами разных систем.

Все мелкие формирования приходилось производить на походе. Это можно было делать только с казаками — людьми военными по рождению. Дисциплина между казаками сохранялась строгая. Никогда не приходилось даже повышать голоса. Я чувствовал по себе, что казаки следили за каждым моим движением и за каждым моим словом. Внешне я не показывал своего волнения, которое иногда охватывало меня. Казаки были мрачны и задумчивы. Думали о том, куда их повезут начальники. Я был аккуратно одет в русскую форму, что очень нравилось казакам. Моя высокая стройная кобылица, хорошо вычищенная, производила большое впечатление. Погода во время похода была хорошая. Каждую минуту можно было ждать столкновений. Перед вступлением в одну из деревень ехавшая за мной подвода с пулеметом подорвалась на дорожной мине. Силой взрыва оторвало заднюю часть лошади и забросило ноги в подводу. Ездовой повозки остался невредим. Такие случаи повторялись довольно часто, поэтому приходилось двигаться по полю, оставляя дорогу свободной.

Колоннами управляли: войсковой старшина Лобасевич, полковник Бедаков — Кубанского казачьего войска, войсковой старшина Кульгавов — Всевеликого войска донского, полковник М. Зимин — Терского казачьего войска и полковник Е. Михайлов.

Я находился с конным конвоем в 100 всадников.

Колона Походного Атамана двигалась в центре всего движения на грузовых автомобилях. Все приказы и распоряжения исходили из центра. Долго не была известна конечная остановка, наконец, после двухмесячного перехода сообщили, что конечный

пункт нашего похода — полигон «Здуньска Воля». (Польша, жел. дор. станция Ширядзь). Казаки и казачки очень обрадовались, что наступил конец кочевания. «Здуньска Воля» представлял собой большой артиллерийский полигон для стрельбы по трем направлениям. Грунт на полигоне песчаный. Дороги отсутствовали. На площади полигона свободно разместили весь Казачий Стан.

Первый месяц жизни прошел спокойно. Стояла хорошая погода, но начала приближаться осень. Казаки и казачки приводили себя и лошадей в порядок. По внешнему виду стали похожи на бывших казаков. Достали из подвод свое обмундирование и оружие. Стали прибывать эмигранты-добровольцы, офицеры всех чинов из различных европейских государств. Войсковой старшина Ротов, войсковой старшина Джалюк, полковник Васильев из Парижа и многие другие. Походный атаман Доманов по совету своего начальника штаба полковника Кравченко произвел переформирование полков строго по войскам. Особенно отличился своей деятельностью войсковой старшина Ротов. Командирами полков назначили природных казаков, подобрать подходящих командиров представлялась возможность, т. к. прибыло много добровольцев. Походный атаман полковник Доманов по своему природному дарованию хорошо разбирался в людях и был хороший организатор, но военных знаний у него не хватало, и он пользовался советами опытных штаб-офицеров. Начальником штаба войск Походного атамана был кубанского войска полковник Е. Кравченко (окончил высшие военные курсы ген. Головина). Когда штаб войск и строевые части были приведены в относительный порядок, Походный атаман установил лагерный режим работы во всем Казачьем Стане с ежедневной поверкой. 3-я бригада (8, 9 и 10-й полки) выстраивались на отдельном плацу, где я присутствовал. Скоро поступило сведение, что Казачий Стан направляют в Северную Италию для поддержания порядка и спокойствия от нападения местных партизан, которые дезорганизовали тыл германской армии. Наступила осень. Прохладная сырая погода, холодные ночи стали утомлять казаков. Естественно, что весь Казачий Стан обрадовался этому известию. Хотелось погреться на итальянском солнце. Стали готовиться к переезду. Вскоре Походный атаман был вызван в Берлин к генералу Краснову для получения дополнительных распоряжений. Это было около 12 сентября 1944 года. Дата запомнилась, т. к. в день моего Ангела я был в Берлине. Походный атаман предложил мне поехать вместе с ним и представиться генералу. На предложение я согласился и быстро

собрался. Свою должность начальника 3-й бригады временно передал полковнику Головко.

Поезд до Берлина шел кружными путями и с большими остановками, т. к. жел. дор. пути были разрушены. По сторонам были видны пожары и разрушения. Выезжая из Польши, все время и днем и ночью ждали налета аэропланов. Прибыли в Берлин на Потсдамский вокзал с опозданием на сутки. Комендантское управление отвело Походному атаману и мне комнату в отеле «Эксельзиор». В первый день его пребывания в Берлине меня очень удивило спокойствие жителей и относительный порядок в городе. Много разрушенных домов, но все закрыты крашеными щитами, и улицы расчищены. Рестораны и продовольственные магазины открыты. Продажа производилась по карточкам. Метрополитен действовал, хотя в нескольких местах был пробит бомбами. С наступлением вечернего времени пришел комендант отеля и предупредил, чтобы были готовы к воздушной атаке. После сигнала сирены все жители отеля должны были спуститься в бомбоубежище. Русские офицеры, жившие в отеле, и я решили оставаться на балконе здания, чтобы не быть заваленными развалинами. Наше наблюдение за воздушным боем увлекло нас, и мы оставались до конца боя на балконе благополучно.

Утром Походный атаман и я отправились на вокзал для поездки дачным поездом к генералу П . Н. Краснову, жившему в 20 километрах от Берлина. Дача его находилась близко от дачного вокзала. Небольшой одноэтажный особняк с большой стеклянной верандой, которая придавала важный вид дому, была квартирой Петра Николаевича. О нашем приезде Петр Николаевич был предупрежден накануне. На звонок к калитке подошла аккуратненькая старушка, которая по нашей одежде узнала, что мы русские, провела нас через сад и веранду в большую столовую, где бросился в глаза огромный портрет русского императора Николая Второго. Через три минуты вошел генерал П . Н. Краснов в русской казачьей форме. Походный атаман подошел с рапортом, после которого повернулся боком и сказал: «Приписной Донской казак, который много сделал для казачества». После этого он сказал: «Продолжайте дальше служить верой и правдой России и Казачеству». На этом закончилась наша беседа. Госпожа Краснова предложила чай. Во время чая генерал Краснов поднял разговор о необходимости обучения и воспитания молодого казачества и дал указания организовать кадетский корпус и юнкерское училище. На должность директора корпуса Походный атаман назвал фамилию сибирского казака полковника Трубникова, а на должность начальника юнкерского училища упомянул меня. Генерал

Краснов спросил меня, в каких частях я сражался во время Первой мировой войны, где закончил войну и какими боевыми наградами был награжден. На все вопросы я дал исчерпывающие ответы и представил свой послужной список с сургучной печатью командира 36-й артиллерийской бригады. Всеми ответами генерал Краснов остался доволен. Он вспомнил мою фамилию по Новогрудку, откуда я посылал рапорты о количестве казаков и оружия и патронов в Казачьем Стане (генерал Павлов с частью казаков был в то время на Южном фронте Подольской и Бессарабской губерний).

На прощанье Петр Николаевич, обращаясь ко мне, сказал: «Значит, теперь Вы познали душу солдата и казака» и дал мне свои книги «Павлоны» и «Душа армии», прибавив: «На память и руководство».

Наше посещение генерала П . Н. Краснова продолжалось до 6 часов вечера. Мы торопились ехать в Берлин, а утром уходил поезд в «Здуньска Воля». Ночь в Берлине прошла относительно спокойно. В Берлине мы пробыли 33 дня и 2 ночи. Возвращение прошло благополучно. Казачий Стан мы застали за приготовлением к поездке в Италию.

Перед поездкой в Италию оставалась одна часть Казачьего Стана, которую нужно было привести в порядок и подчинение. Это был личный конвой Походного атамана в количестве около 100 человек, которые имели в своем распоряжении винтовки и пулеметы и около 10 грузовиков и легковых автомобилей. Состав конвоя был из смелых казаков, которые привыкли пользоваться всеми льготами и привилегиями перед другими казаками. Руководил ими и был подстрекателем так называемый «сотник» Донсков, которого я давно знал по его «деятельности» во Львове. Еще тогда я получил от покойного атамана Павлова его характеристику и совет быть с ним осторожным. Он возомнил из себя какого то «нового атамана». О преступной деятельности сотника Донскова Походный атаман доложил генералу Краснову, на что получил приказ лишить его чина сотника, арестовать и отправить местному германскому командованию, не допустив к переезду в Италию. Означенный приказ Походный атаман переслал мне для исполнения. Я оставался за старшего, т. к. Походный атаман и полковник Сил кин уезжали в Италию эшелоном.

Получив приказ в письменной форме, я вызвал полковника Михайлова и дал распоряжение с помощью учебной команды 8-го Донского полка окружить все расположения конвоя штаба Походного атамана. С одним взводом войти в дом, где жил сотник Донсков, приказать выдать все имеющееся оружие,

предложить снять погоны сотнику Донскову и спросить жену, — желает ли она следовать за мужем, арестовать Донскова и привести его в район расположения 8-го Донского казачьего полка, где подготовлено отдельное помещение и установлен караул из донских казаков. Это распоряжение полковником Михайловым было в точности выполнено. Донсков и его жена пробыли несколько дней в районе 8-го Донского полка. За день до выезда последнего эшелона из «Здунья Воля» в Италию прибыл германский грузовой автомобиль, на который посадили Донскова, жену и вещи и передали германскому конвою под расписку.

Группа русских офицеров-корниловцев из состава Русского отряда генерала Франко.

[Слева направо: В, Гурко, В. В. Боярунас, М . А. Сальников, А . П. Яремчук 2-й.]

Русский отряд в армии Франко

Генерал М . Ф . Скородумов. Белград 1942 г. (архив А . Окорокова)

Рядовой Русского корпуса М . Ф. Скородумов, 1945 г. (архив Л . Окорокова)

М. Ф. Скородумов среди солдат и офицеров Русского корпуса (архив А. Окорокова)

Эмигрантские будни (крайний слева М. Ф. Скородумов) (архив А. Окорокова)

М . Ф. Скородумов с супругой (Белград) (архив Л. Окорокова)

Несение службы в частях Русского корпуса (архив А.

Окорокова)

Несение службы по охране моста (архив А. Окорокова)

Чины Русского корпуса (архив А. Окорокова)

Одно из подразделений Русского корпуса (архив А. Окорокова)

Офицеры штаба Русского корпуса (архив А. Окорокова)

Генерал П . Н. Краснов

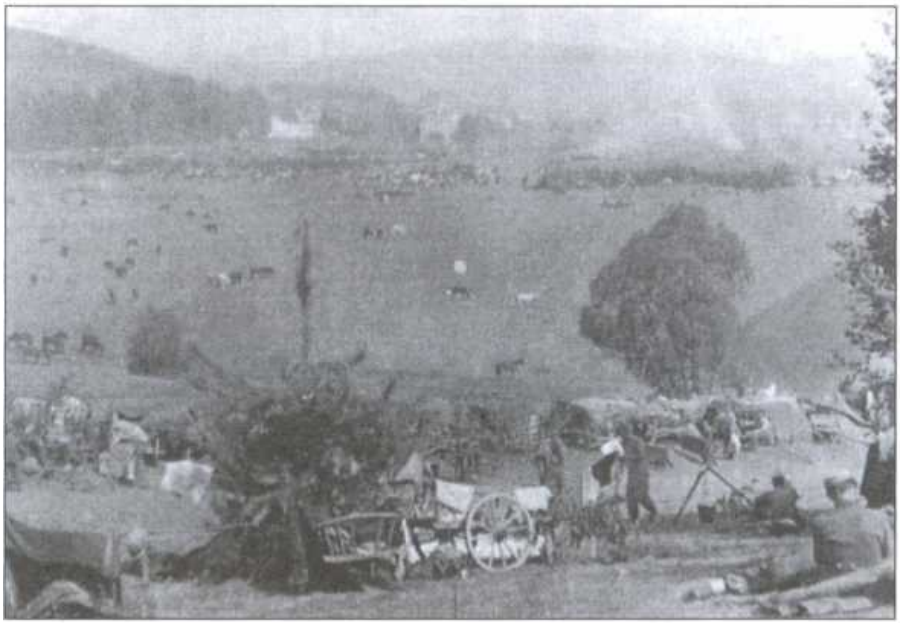
Генерал С. Краснов

Казаки на оккупированной территории (пропагандистское фото)

На оккупированной территории (пропагандистское

фото)

Группа офицеров-казаков. В центре полковник А. И. Медынский



Казачий стан в Италии (архив А. Окорокова)

Возвращение на Родину

Репатриация советских граждан (Магдебург, май 1945 г.) (архив А. Окорокова)

Ф . П. Богатырчук (архив А. Окорокова)

Узницы концлагеря Равенсбрюк с отличительными знаками

В бараке

Генерал Власов зачитывает Манифест КОНР

Немецко-украинская администрация г. Киева (1942–1943 гг.) (архив А. Окорокова)

Украинские «добровольцы» (Киев, 1942 г.) (архив А . Окорокова)

Фото на память (Киев, 1942 г.) (архив А. Окорокова)

Часть 2
Группа атамана Доманова

Первое Казачье Юнкерское училище было создано по приказу генерала П . Н. Краснова для подготовки офицеров в 1-ю Казачью дивизию и девяти полков Казачьего Стана Походного Атамана генерала Доманова.

Для проверки общеобразовательных знаний была организована экзаменационная комиссия под председательством генерала Бедакова (впоследствии умершего в Караганде). Допускались к поступлению в училище только коренные казаки. Стоянка училища была назначена в городе Вилла Сангина, в Северной Италии, где в то время расположился Казачий Стан генерала Доманова. Этот маленький городок расположен в горах.

На призыв поступать в училище отозвалось много желающих; пришлось установить конкурс и не попавших назначить в учебную команду, которая состояла из трех сотен: Донской, Кубанской и

Терской. Юнкерское училище состояло из двух сотен, полубатареи и инженерной полусотни.

Первоначально на должность Начальника училища был назначен генерального штаба генерал-майор М . К. Соломахин, кубанский казак.[33] Впоследствии же, когда генерал Соломахин перешел на должность начальника штаба атамана Доманова, начальником училища был назначен я. Должность инспектора классов занял полковник Н.Н. Краснов, а преподавателями были приглашены русские кадровые офицеры — эмигранты из Югославии и один советский офицер, окончивший Военную академию. Училище разместилось в здании итальянской школы и прилегающих домах. Окружающие горы были заняты партизанами (бадольевцами, гарибальдистами и коммунистами).

В таких условиях начались занятия. Два орудия, которые имелись в училище, пришлось установить на позицию для отражения нападения партизан. Учение в училище производилось днем и ночью при свете стеариновых свечей. Это может показаться маловероятным, но правдиво.

Юнкера были обмундированы щеголевато: в зеленых мундирах, но с русскими погонами и бескозырках с кокардой они были интересными кавалерами для местных «сеньорин». Питание юнкеров производилось в двух прилегающих к училищу ресторанах.

К началу 1945 года положение на фронтах сильно ухудшилось. Юнкерскому училищу и учебной команде был назначен боевой участок — охрана горных дорог на расстоянии 100 км. Поэтому училище и учебную команду пришлось разместить в селениях (опорных пунктах) в горах. Начальником охраны участка назначили меня. Таким образом, учение происходило «без отрыва от производства» (выражение советское). Первая сотая, под командой полковника Джалюка, была расположена в селении Медис; вторая, под командой полковника Вдовенко, в г. Ампецо. Артиллерийская полубатарея полковника Полухина и инженерная полусотня сотника Н.Н. Краснова (младшего)[34] оставались в Вилла Сангина.

Ввиду сложившейся обстановки приходилось ежедневно делать вылазки в горы и боевые марши в ближайшие селения — «теория подтверждалась практикой». Я производил объезд расположения училища верхом почти ежедневно.

В один из таких объездов (28 апреля 1945 г.) я присутствовал на лекции топографии войскового старшины Нефедова. Он объяснял о горизонталях и штрихах. До конца лекции я не досидел и вышел. Через пять минут после моего ухода войсковой старшина Нефедов был убит советским партизаном-

парашютистом, который внезапно напал на вышедшего из здания войскового старшину и исчез бесследно. Долгие поиски в горах не дали никаких результатов.

Войсковой старшина Нефедов похоронен на кладбище Вилла Сангина с воинскими почестями.

В тот же день вечером было сделано нападение партизан на расположение первой сотни. Партизанам удалось захватить окраину городка, но быстрой контратакой юнкера выбили их из пределов селения. В тот же день после объезда первой сотни я возвратился в свою штаб-квартиру в Вилла Сангине, где застал приказ Походного атамана выступить училищу и учебной команде походным порядком со всем обозом через штаб войск г. Толмеццо и далее на север через снеговые горы в Тироль (Австрию). Это означало спешное отступление всего фронта. Сотни успели собраться на грузовых автомашинах и велосипедах и прибыли в Вилла Сангину своевременно. Предстоял переход до Толмеццо через пять мостов, никем не охраняемых. В спешном порядке пришлось для охраны мостов назначить велосипедную полусотню, ибо, взорвавши один из мостов, партизаны могли легко отрезать училище от главных сил Походного атамана. Задание было выполнено быстро и училище в полном составе с обозом выступило в поход. Дорога до Толмеццо была исправна и содержалась в хорошем состоянии.

Выходя из Вилла Сангины, нам было ясно видно, как с гор спускались толпами партизаны. Мы только тогда поняли, каким кольцом были окружены. Их было множество. Организованы они были итальянскими офицерами и генералами (бадольевцами).

Поход до Толмеццо прошел благополучно. В 12 часов дня училище подошло к Толмеццо и остановилось на отдых, чтобы в город войти бодрыми. Вдруг ко мне подъехал неизвестно откуда взявшийся автомобиль с итальянским флажком. В автомобиле сидел итальянский генерал в расшитом галунами кэпи. Он обратился ко мне по-французски и предложил сложить все оружие под гору и не входить в Толмеццо. Он указал на горы, которые окружали город. На них расположились партизаны, вооруженные пулеметами и минометами.

«Ответственность за пролитую кровь возлагаю на вас, господин полковник», — сказал генерал и быстро уехал в город. Это требование генерала меня удивило, и я, посоветовавшись с командирами сотен, решил войти в Толмеццо. Оставив обоз училища на дороге при входе в город под охраной полусотни казаков — обслуги училища, отдохнувшие после быстрого перехода дивизии юнкеров стройными рядами вошли в город, который имел праздничный вид. Жители города с удивлением

встречали юнкеров. Особенно много было молодых женщин, которые с итальянскими и советскими флажками старались приблизиться к строю и наколоть на мундир юнкеров флажок и тем самым внести беспорядок в строю. Я строго приказал не подпускать никого близко и быть все время начеку. Я ехал впереди строя на коне, охраняемый двумя юнкерами с автоматами на изготовку. В сотнях юнкеров крайние ряды держали автоматы и карабины на изготовку — для стрельбы вверх по окнам в случае необходимости. С такими предостережениями мы подошли к центру города, где в большом отеле находился штаб Походного атамана.

На площади перед штабом дивизион юнкеров остановился, построившись в каре на расстоянии 10 шагов от домов лицом к окнам, а два орудия приготовились к бою. Неизвестные итальянцы старались подходить к строю, но мною было приказано никого близко не подпускать. Приказ выполнялся строго всеми офицерами и юнкерами. После построения каре ко мне подошел комендант города полковник Чебуняев и сообщил, что Походный атаман находится у себя в кабинете под охраной бадольевцев — партизан. Я сразу понял, что Атаман пленен, поэтому, приказав от первой сотни назначить двух портупей-юнкеров сопровождать меня, я направился по лестнице на второй этаж, где находился штаб. Вся лестница была покрыта изорванной бумагой, которую выносили из помещений штаба партизаны. Перед входом в штаб я приказал войсковому старшине Шувалову через 15 минут войти в штаб со взводом юнкеров, если я задержусь.

В большой комнате Атамана было много итальянцев в полувоенной форме. Генерал сидел за письменным столом, на котором лежал лист бумаги с заготовленным приказом для подписи казачьим войскам прекратить военные действия и сдать орудия итальянцам. Атаман сидел в раздумье; чины штаба стояли вокруг него.

Мое неожиданное появление с двумя портупей-юнкерами произвело переполох среди партизан. Громким голосом я доложил Атаману, что училище прибыло в его распоряжение, и показал через окно на выстроенный дивизион юнкеров на площади. Атаман встал и показал на окружающих партизан. Партизаны расступились, а сопровождавшие меня юнкера остановились у двери с автоматами на изготовку. Я предложил всем выйти из кабинета и остаться только начальнику партизан — адмиралу для ведения переговоров. Атаман согласился оставить город Толмеццо после того, как пройдут полки генерала Силкина. Училище должно было следовать за полками. К 2 часам

дня стали подходить передовые части полков из Удино. С ними прибыл генерал Силкин. Затем Атаман выехал со штабом в город Пиано. После прохода последнего полка арьергардом выступило и училище. В городке Пиано остановились на ночлег в большом отеле.

Это была Страстная суббота. Св. Пасху встречали в хороших условиях. Церковную службу совершил училищный священник о. протоиерей Николай Масич, и разговлялись по-православному. На первый день Праздника приехал Походный Атаман в автомобиле поздравить юнкеров и произвел за боевые отличия двух портупей-юнкеров в хорунжие.

На следующий день мы продолжали походный марш на север в Тироль (Австрия).

Пришлось идти по заснеженным дорогам. Наши кони не были подкованы на зимние подковы. Трудно было подниматься в гору. Обоз был на колесах. Его движение по снегу было очень тяжелым. Лошадям помогали больные старики и женщины. С большим усилием нам удалось перейти перевал. На вершине перевала нас ждал Походный Атаман. Тут он указал на карте место будущей стоянки училища — местечко Амлах, которое находилось в 30 км от перевала. На место стоянки прибыли на второй день.

Местечко Амлах представляло из себя хутор из десяти домов и столярной фабрики с четырьмя большими сараями, в которых мы и разместились. Квартиры были не особенно удобные, но юнкера не унывали, т. к. была хорошая солнечная погода.

Стояли пять дней ничего не делая. Приводили себя в порядок. Считали себя счастливыми, что попали в английскую зону оккупации. Продовольствие получали от англичан консервами вдоволь, не хватало только хлеба, т. к. английское интендантство снабжалось американским сладким печеньем. Печенье привозилось из Америки в специальных железных коробках, на которых была наклеена американская надпись. Англичане предлагали нам муку для выпечки хлеба, но пришлось отказаться, т. к. не было хлебопеков. Одновременно с продуктами англичане выдали нам итальянское обмундирование и белье. И то и другое было роздано юнкерам.

В Амлахе была небольшая католическая церковь. Я спросил разрешение у местного священника совершать богослужение, на что тот вначале дал полное согласие, но через два дня отказал, сославшись на то, что епископ не разрешает совершать православную службу в его церкви. Пришлось совершать богослужение в роще, что было особенно красиво и поэтично. Постепенно стали продолжать учение. Делали сокольскую гимнастику под музыку. На трех донских конях производили

вольтежировку. Читалась история казачества. Ежедневно производилась торжественная вечерняя заря.

В общем, жизнь проходила спокойно. Окружающие английские офицеры и солдаты наблюдали нашу жизнь с удивлением.

20 мая 1945 года получили приказ от Походного атамана отправить в станицы весь нестроевой элемент (стариков, женщин и детей). Это приказание нас мало удивило. Оружие: карабины, пулеметы находились при нас.

После строгой изоляции казаков (строевых) от семейств все чаще стали разъезжать английские танки по дорогам местечка Амлаха. В воздухе кружились английские самолеты. Этому никто не придавал особенного значения. Английские офицеры и солдаты рассматривали наших лошадей и пробовали ездить, но кавалеристы из них были слабые. Казаки хохотали, глядя на них. Мы думали, что это пустая забава.

Английский офицер, находившийся при училище для связи, в разговоре со мной на французском языке уверял меня и давал «честное слово» английского офицера, что никакой выдачи большевикам не будет.

27 мая 1945 года штаб казачьих войск приказал все оружие: пистолеты, шашки, кинжалы сдать в склад г. Лиенца и это распоряжение мало кого смутило, но юнкера, как впоследствии оказалось, разобрали пулеметы и автоматы и припрятали их в солому и ямы за сараями. Они оказались более недоверчивыми, чем пожилые офицеры.

В 8 часов вечера 27 мая была получена телефонограмма о вызове меня на завтра 28 мая в 10 часов утра в Штаб казачьих войск. Я отправился на мотоцикле в Лиенц. Походный атаман генерал Доманов встретил меня в своем кабинете и сказал, что англичане требуют всех гг. офицеров на собрание в неопределенном месте. По карте он указал мне приблизительное место сбора. Я ответил ему, что мы могли бы ехать самостоятельно, т. к. при штабе было достаточно машин. Атаман ответил: «Нет. Англичане дают свои машины. Проверьте, чтобы офицеры были чисто выбриты и аккуратно одеты. Нужно представиться английскому генералу в хорошем виде». И продолжил: «Будьте спокойны, никаких неожиданностей не будет. Возвращение из поездки предполагается на 4 часа дня. К этому времени закажите себе обед. Никаких лишних вещей и продуктов с собой не брать!»

Было уже около 12 часов дня, а отъезд был назначен на 1 час дня. Я отправился в расположение училища. Офицеры ждали меня у канцелярии училища. Я им дословно передал

распоряжение Атамана.

Все молча ждали, что я скажу. После минутного молчания я сказал: «Приказ есть приказ», вышел из канцелярии и отправился к машинам, которые были поданы англичанами. Казачки, стоявшие около машин, говорили: «Александр Иванович, не уезжайте». Юнкера говорили громко: «Господин полковник, Вы не вернетесь!» Казачки начали крестить и благословлять нас «на добрый путь». Тут я заметил, что нескольких офицеров не хватает, но не придал этому значения. Решил, что сами знают, что делают, и приедут потом. Одного дежурного офицера разрешено было оставить. Выбрал войскового старшину Шувалова (быв. красного офицера, у которого была жена (медсестра) и двое маленьких детей).[35]

В этот момент я впервые усомнился в том, куда я еду. Я еще стоял на земле, и мне стало стыдно перед самим собой и перед обманутыми юнкерами. Я дал знак отъезжать. С этого момента началась трагедия моих скитаний, но горячие молитвы сохранили меня до сегодняшнего дня.

Машины тронулись.

Ехали быстро через расположение штаба и видели семью Красновых, которая грузилась в штабной автобус. Я почувствовал, что окружающие офицеры начали волноваться.

Наша колонна автомобилей, отъехав километров 50, внезапно остановилась, и на каждую машину с быстротой молнии вскочили по 6 человек вооруженных английских солдат, которые стали угощать нас папиросами. Такая неожиданная любезность солдат нас удивила. Постепенно мы стали понимать, что мы арестованы. Автомобили стали набирать скорость и нигде не останавливались.

У многих явилась мысль, что нужно спасаться. Кое-кто из офицеров стал выскакивать и прятаться в высокую рожь. Некоторым это удавалось, а другие разбивались о дорогу. Английские солдаты стреляли по ним, но машины не останавливались и двигались с той же скоростью к г. Шпиталь, где нас уже встретил батальон английских солдат, вооруженных, с пулеметами, направленными на нас. Показались ворота лагеря, в который стали въезжать наши машины. Тут мы поняли, на какое «совещание» нас привезли. С левой стороны от въезда стоял двухэтажный дом. Из него были слышны звуки гармонии и русская песня. Мы удивились, кто бы это мог быть? Конвой нам объяснил, что генерал Шкуро со своим штабом был днем раньше арестован и привезен сюда, но нам не дали с ним соединиться. Мы только увидали его в Юденбурге при передаче советам.

Конвой предложил нам в вежливой форме заходить за

проволоку, предварительно положив на поставленные у входа столы перочинные ножи и часы. Некоторые, как овцы, потеряли волю и стали выкладывать все свое имущество из карманов, а освободившись от всего, стали отходить к баракам. Один барак был предназначен для штаб-офицеров, другие для обер-офицеров. Конечно, никто не обращал внимания на это, и стали в бараки входить группами, не считаясь с этим разделением по чинам.

Я вошел со штабными офицерами и Атаманом. Как только разместились по баракам, началось волнение.

Стали бегать из барака в барак и составлять слезные петиции то английскому королю, то епископу Кентерберийскому, то в Лигу Наций. Поздно вечером после подачи всех петиций пришел Походный атаман генерал Доманов и сообщил распоряжение англичан ложиться спать спокойно, и добавил: «Завтра в 7 часов утра будет подан завтрак и горячий кофе».

По баракам ползли разные слухи. Говорили, что такой-то повесился в умывалке, другой в уборной, третий отравился цианистым калием, четвертый застрелился. Тщательного обыска не делали. Некоторые офицеры оставили пистолеты.

Я находился в бараке с кубанским генералом Тихоцким,[36] который всю ночь готовился к смерти. Снял свою парадную черкеску, отпорол газыри, отличия и значки, обрезал полы черкески и стал предлагать мне какой-то яд, который носил в кольце. На такое приготовление было жутко смотреть.

Наконец ночь кончилась и стало светать. Это происходило на Фоминой неделе. С нами были наши священники. Стали собирать певчих. Началась утренняя молитва. Послышались возгласы священника: «Христос Воскресе!» В ответ раздавалось: «Воистину Воскресе!» Молились все долго и усердно. В 7 часов точно англичане привезли массу коробок со всевозможными консервами и термосы с кофе, чаем и какао. Конечно, никто не обратил на еду никакого внимания. Раздались голоса: «Англичане предлагают садиться в машины». Никто не хочет выходить. Стали предлагать вынести на стуле старика генерала П . Н. Краснова, как знамя. Нужно было объединиться вокруг кого-нибудь. Предложение это быстро выполнили, и его вынесли на стуле, который поставили перед бараком; все офицеры стали стеной вокруг для защиты. Барак стоял на бугре, а дальше местность спускалась. Нам был виден выстроенный батальон англичан, вооруженный винтовками и длинными палками. Раздалась команда, и две роты пошли навстречу нам. Стали пробивать дорогу к генералу Краснову. Несколько человек было ранено. Одним из первых был ранен и полковник донской артиллерии Полухин (командир полубатареи юнкеров), получивший удар

палкой по голове. Он упал, обливаясь кровью. Англичане, почувствовав, что этим маневром взять нельзя, отошли в исходное положение. Разделились на две части. Одна часть пошла с фронта, а другая с фланга.

Генерал Краснов, увидев первых раненых и приготовление ко второй атаке, самостоятельно встал и пошел к ожидаемому автобусу. За ним гуськом пошли все офицеры и стали садиться в машины. Сейчас же на машины вскочили по 6 человек англичан и начали нахально уговаривать отдать им на память за папиросы золотые кольца, часы и всякие драгоценности и деньги. «Все равно вас расстреляют», — говорили они. Я подумал: хороши, вот на что способна благородная нация.

Послышалась команда, и вся колонна двинулась с большой скоростью к Юденбургу. Дорогой смельчаки выскакивали из машин. Одни калечились, падая под задние машины, других пристреливали англичане, а третьи прятались в близлежащую рожь.

Англичане были очень осторожны, — по всему пути стояли пулеметные посты. Прислуга при них находилась в боевой готовности. Под ъезжая к мосту через реку Драву, мы увидели целый отряд пехоты с пулеметами, стоящий в боевой готовности. Спускаясь к мосту, было видно, что с одной половины моста стоял англичанин, а с другой разгуливал советский часовой с автоматом. Ехали через мост довольно медленно. Несколько человек из наших, пользуясь медленным ходом, выбросились из машин в реку Драву.

Переехали мост, повернули налево по набережной и остановились перед заброшенным заводом Юденбурга. Здесь с нами оказался переводчик, маленький еврей в английской фуражке, и стал объяснять подошедшему советскому офицеру, называя его «господин полковник»: «Вот офицеры армии генерала Краснова». Представительный советский офицер в русских погонах сказал: «Здравствуйте, проходите к столу». Я пошел регистрироваться к столу. Сбоку стола стоял в полной парадной форме генерал Шкуро в черкеске с серебряным оружием. Он держал себя непринужденно и курил. Около него стоял советский полковник и толпились советские солдаты, которые с любопытством разглядывали легендарного героя Гражданской войны. Спрашивали у генерала Шкуро: «Помните ли вы, как мы вас били… в…», а он отвечал им грубыми словечками. Потом советские солдаты хотели руками попробовать качество материала черкески. Тогда генерал Шкуро повернулся к советскому полковнику и сказал: «Полковник, приведите к порядку ваших солдат. Ведь я еще русский генерал-лейтенант».

Советский полковник сказал солдатам: «Отойди дальше!» Слова генерала Шкуро я слыхал лично и хорошо запомнил.

Я подошел к столу. Меня спрашивали возраст, чин и какую должность занимал. На все я ответил правдиво. Тогда опрашивающий лейтенант сказал: «Значит, ты большая птица. А сколько выпусков ты сделал? Теперь сам у нас поучишься!»

После опроса я отошел вглубь завода и присел на какую-то разоренную машину. Постепенно все удобные для сидения места стали заполняться. А потом и неудобные тоже.

Проходя мимо меня, какой-то красный сержант остановился и сказал: «Эй, послушай! Снимай шинель. Давай мне!» Я ответил: «Холодно». «Не разговаривай, вот тебе одеяло». Я вынужден был взять одеяло. Шинель он моментально надел на себя и исчез.

Прошел длинный день, и предыдущая ночь была бессонной. Все устали, и я лег на землю. Тут началась «подгонка» сапог. Красные солдаты снимали с себя ботинки, а у нас брали сапоги. Эта «торговля» продолжалась целую ночь.

На утро все красновские офицеры были в туфлях и рваных ботинках. Мы за ночь стали неузнаваемыми. Кителя, брюки галифе поснимали. В таком печальном виде мы ждали поезда для отправки в г. Грац, в тюрьму «на курорт».

В 9 часов утра пришло два железнодорожных состава и началась погрузка.

Офицеры, бывшие на командных должностях, должны были садиться в один состав, а резервные офицеры, не бывшие на командных должностях, в другой. Конечно, все бросились во второй состав, думая себя спасти. Мне не приходило в голову скрываться, т. к. все меня знали в лицо.

И вот мой состав пошел в Грац. Нас сгрузили на запасных путях, и мы пошли пешком в тюрьму. Пошел летний дождь, мы промокли до нитки. Ждали 2 часа, когда впустят в тюрьму. Австрийская тюрьма была образцовая. Камеры были хорошие, чистые, с большими окнами, с одиночными железными кроватями. На каждой раньше были матрацы. При нас все матрацы убрали. Камера была рассчитана на 20 человек, а нас поместили 40. Спустя два дня прислали немецких офицеров из Первой Каз. дивизии. Мы их видели через окно, потому что их выводили на работу во двор тюрьмы. Мы просились на работу тоже, но нам не разрешили. Кормили хорошо. Готовил повар — австрияк. Подавали кушанья русские девушки. Они старались нам всячески угодить. Мы томились от безделья. Нам казалось, что нас постепенно будут расстреливать. Всякие слухи ходили по камерам, один страшнее другого. Рассказывали, что того или другого расстреляли, а потом оказывалось, что он жив.

Производить волнения было в интересах большевиков. Некоторые малостойкие люди стали осведомителями. Начали сводить личные счеты. Кое у кого остались золотые часы или кольца; осведомитель рассуждал так: «Нужно доложить, а мне будет легче житься».

Со мной постоянно был мой близкий друг — адъютант училища сотник А . А. Полушкин, бывший адъютант атамана Богаевского. Его верность была несколько раз испытана, и он делился со мной последним куском хлеба.

Ждали и гадали, когда нас и куда отправят. Все поговаривали, что придет состав и нас направят в Сибирь. Сибирь для нас не была страшна, т. к. время было летнее.

Наступило 10 июня, и мы получили распоряжение собираться в дорогу. Все очень обрадовались перемене и стали укладывать свои тряпки. Погрузка в вагоны была назначена на 10 час. вечера. Начались всякого рода приготовления: расстановка конвоя, распределение собак, установка прожекторов. На все это уходило много времени, особенно при усиленном конвое. Конвой при нас был усиленный, — мы считались важными преступниками. Говорили, лучше пусть убегут 10 бытовиков, чем 1 полит, заключенный. С улиц, по которым мы должны были следовать, удалили всех жителей. Двигались с факелами, как похоронная процессия. Пришли к каким-то запасным путям, на которых стоял железнодорожный состав скотских вагонов, приспособленный для перевозки заключенных. Все вагоны открыты, и в них были видны приспособленные для лежания двухъярусные нары. В дверях сделаны ровики, которые служили уборными за большим и за малым. Между вагонами поставлены вышки для часовых и установлены пулеметы и прожектора, проведен телефон. На каждой остановке на 5 или 10 вагонов ходил еще часовой, который большим деревянным молотком бил по стенкам вагона. На каждой остановке выпускали собак. Все это делалось против побега одного полит-заключеного. Кроме того, существует еще опергруппа, на обязанности которой было наблюдение и за конвоем, и за заключенными. Ей подчинен весь конвой.

В вагоны набивали столько людей, что было трудно свободно сидеть, а лежать приходилось по очереди на одном боку и по команде переворачиваться. Это трудно понять, а между тем это правда. В таких условиях мы были в дороге около двух месяцев. Я попал в вагон с моим другом полковником Женей Михайловым. Место досталось очень хорошее — около маленького окна, можно было дышать свежим воздухом. Вагоны были закрыты и завинчены проволокой. Никто из рядовых солдат не мог их открывать, кроме караульного начальника. В промежутке между

станциями поезд останавливался. По очереди открывали вагоны и приносили баланду (похлебку), хлеб и 2 кусочка сахару и воду с паровоза.

Первых три дня мы держались, а потом пошли заболевания, а через неделю началась смертность. Мертвецов и умирающих выносили на станциях.

В каждом вагоне умирало два-три человека ежедневно, и мы стали привыкать к этому. Спрашивали у конвойных, сколько осталось ехать, — они в ответ лишь смеялись. Весь конвой сменился около Екатеринбурга (Свердловска), а мы все ехали и ехали и потеряли надежду когда-нибудь приехать. Во время пути конвой издевался. Ежедневно производили обыск для грабежей. Входили в вагон и приказывали перейти всем на одну половину вагона и по очереди пропускали с вещами во вторую половину. Вещи осматривали и выбирали то, что нравится, — даже зубные щетки. Наш поездной состав состоял из 100 вагонов, — это мы сосчитали на поворотах. Точного маршрута не могу указать, но приблизительно: Румыния, Киев, Екатеринбург и Прокопьевск.

В Москве меня сильно поразила стая бездомных. Это не дети, а вид больших крыс, которые форменно облепили поезд и требовали папирос. Конвой был не в силах отогнать их от вагонов.

В Екатеринбурге (Свердловске) остановились и повели всех в баню. Невозможно было дальше ехать, — заедали вши. Их было так много, что все швы одежды были ими забиты. В Екатеринбурге вшей немного уничтожили прожаркой. На сибирских просторах воздух был лучше от лесов.

Настал конец нашего мучения. Мы приехали в маленький сибирский городок — Прокопьевск, где были уголовные шахты. Нас высадили в чистом поле и предложили устраиваться. Конвой сменился. Среди конвоя было много беременных женщин. Это не шутка, а сущая правда. Не хватало мужчин. Конвойные женщины были более строги, чем мужчины. Стали рыть котлованы под землянки. Через месяц в пустынном месте стоял маленький полотняный городок. Подготовили 100 могил на зиму. Зимой приготовленных могил не хватило. Мы думали, что на этом кончится наше мучение, но нет, оказалось, что это только начало более сурового испытания, продолжавшегося 10 лет. Это было лишь предварительное заключение.

Через две недели прибыли эшелоны с женщинами и детьми, которых, как и нас, англичане передали советам. Их разместили поблизости в заброшенном помещении кирпичного завода. Тут начались просьбы мужей соединиться с женами и детьми. Этими просьбами воспользовалось лагерное начальство для разных

своих целей. Для них все было позволительно.

Нам дали недельный отдых и никуда на работы не посылали. За это время ноги в коленях отдохнули, и шум в голове прекратился. Через неделю стали приходить наниматели: председатели колхозов, начальники шахт и строительных контор для постройки домов. Рабочих требовалось много. Требовалось пройти следствие и суд, после чего отпускали на работу под конвоем. Исключение делали для шахтеров, которых пускали без формальностей, т. к. требовался срочно уголь.

8 января 1946 года нового стиля (второй день русского Рождества) пришли два конвоира с револьверами и предъявили ордер на мой арест. К этому времени со всех концов России (Союза) вызвали военных следователей для производства следствия среди казачьих офицеров.

Меня вызвали из барака на проходную, где в то время сидел дежурный офицер по лагерю — молодой лейтенант. Тут произошел запомнившийся на всю жизнь случай. Лейтенант сидел среди солдат. Он протянул руку и сказал: «Это все-таки русский полковник, нужно попрощаться.

Господин полковник, желаю счастья!» — и пожал мне руку. Принимая это прощание, я не верил сам себе.

С маленькой сумкой с кусочком хлеба я вышел за двери. Конвойные следовали за мной и сказали: «Иди вперед и не оглядывайся». При этих словах вынули револьвер из кобуры. Минута была жуткая.

Дорога в Прокопьевск шла через сугробы по безлюдной местности. Было 6 часов вечера. Мысль, что пристрелят меня по дороге и скажут, что попытался бежать, преследовала меня на протяжении четырех километров. Наконец, пришли в Прокопьевск в караульное помещение «Смерша». Старший конвойный отдал ордер караульному начальнику. Тот показал на угол и сказал: «Садись».

В углу уже сидело на полу 3 казака. Мы начали тихонько разговаривать. Никто не предполагал, что нас привели на следствие, думали, спросят и отпустят «домой» — в лагерь. Через полчаса меня окликнули по фамилии. Открыв железную дверь с шумом, начальник караула сказал: «Заходи!» Я зашел в маленькую темную камеру, в ней уже сидело шесть человек. Свет проходил только через маленькое оконце в дверях, забитое железной решеткой.

Оглянувшись в камере, я по голосам и при свете узнал своих казаков, привезенных из других лагерей. Первым делом они спросили, не голоден ли я? Предложили кусочек хлеба и начались расспросы про юнкеров. Много пожилых казаков имело

среди юнкеров своих сыновей. Они отозвались с большой похвалой, как действовали без офицеров юнкера, защищая своих родителей. Разговоры и расспросы продолжались всю ночь. Где-то под утро запел петух, и мы немного вздремнули, сидя.

Послышался звон ключей. Открылась дверь, и раздался голос: «Выходи на оправку». Мы вышли гуськом из камеры. Слышим голос: «Быстро. Заходи!» Опять зашли и ждем, не зная чего.

В 9 часов утра слышу — вызывают меня с вещами. Вхожу. Предо мною стоит представительный майор Савельев.

Спрашивает мою фамилию, год рождения, чин и какую должность занимал. Обращаясь к стоящему рядом надзирателю, говорит: «Обыскать!»

Надзиратель здесь же на месте приказал раздеться догола, вооружившись перочинным ножом, обрезал все до одной пуговицы, забрал пояс. Перетряс все тряпки. Подобрал я брюки рукавами и полуодетый пошел за надзирателем. Меня бросили в камеру подследственных, которым нельзя было видеть знакомых. Должен при встрече отворачиваться. Это правило. Камеры подследственных большие и сравнительно чистые. В каждой камере 15–20 человек. В коридоре лежал ковер, чтобы не слышно, было шума от хождения заключенных. Вызывают на допрос шепотом. Допросы производились по ночам.

Первый раз меня вызвали на 12 часов ночи и повели на второй этаж в угловой кабинет № 21. Здесь, за письменным столом, на котором лежал пистолет, сидел майор Савельев. На метр от стола стоял стул, винтами прикрепленный к полу. Следователь сказал вежливо: «Садитесь» и начал непринужденный разговор о русской литературе, искусстве и музыке, чтобы определить степень моего развития. Разговор продолжался до утра. В 7 часов утра следователь позвонил и вызвал конвой, который должен проводить меня обратно в камеру. Все надзиратели внутри были без оружия. В *самере дали позавтракать баландой и 200 гр. хлеба.

Уставши от допроса, я было расположился спать, но часовой через оконце сказал, что спать воспрещается. Таким образом, время бодрствования для меня продолжалось целые сутки. Делается это для того, чтобы подследственный потерял волю. Во время допросов применялись всякие хитрости с очными ставками: из боковых дверей неожиданно приводили различных людей и показывали их мне. Это ничуть не смущало меня. Так продолжалось 9 месяцев, до весны. Тогда после всех допросов составили обвинительный акт по 58 статье, пункт 3 и 13 (3 — измена родине и 13 — гражданская война). День суда 13 апреля 1946 года.

В этот день нас собрали 8 человек офицеров училища со мной во главе около небольшой комнаты, где заседал суд. Мы впервые встретились после лагеря в Прокопьевске. Мнение всех было, что мы последний раз видимся и что мне будет дана высшая мера наказания — смертная казнь. Нас ввели в комнату суда. Никого из посторонних не было. Сидели судьи — люди в офицерских погонах и кителях, а за одной спиной на стене висели красные тряпки и портреты «вождей». Построили нас в одну шеренгу. Правофланговым поставили меня, как самого главного обвиняемого.

У меня почему-то было полное спокойствие. Секретарь суда стал читать обвинительный акт, который продолжался 30 минут. После чтения обвинительного акта председатель суда стал спрашивать, правда ли то, что написано в обвинительном акте. Я ответил утвердительно, т. к. доказывать противное было бессмысленно. Суд продолжался 30 минут, после чего нам приказали выйти в коридор.

В коридоре мы разговаривали между собой, и ни у кого не было особенного уныния. Через 10 минут нас позвали в комнату суда, опять построили в одну шеренгу, и председатель стоя объявил именем Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик: ПРИЗНАЕМСЯ ВИНОВНЫМИ и по статье 58 пункт 3 и 13 приговариваемся к 10 годам И . Т. JI. (Исправительно-трудовых лагерей) и лишением прав на 5 лет. На этом закончился наш суд.

Нас развели по камерам, и надзиратель спросил меня, доволен ли я приговором. Я ответил, что доволен, т. к. ждал смертной казни. Тогда еще не было заключения больше 10 лет и не было спецлагеря. Мы разошлись по камерам и стали ждать отправку по лагерям.

Часть 3
Отправка в лагеря

Сразу после суда нас, осужденных, развели по своим камерам и на следующее утро собрали в одну камеру для отправки в И . Т. лагерь. Между нами оказались молодые казаки, которые держали себя очень задорно. Они сразу стали передавать новости по трубам парового отопления, которые проходили под окнами камер. По азбуке Морзе (точка, тире и т. д.) стучали по трубе, а в соседней камере все принимали. «Медынскому 10 лет». Это было понятно: «Раз Медынскому 10 лет, значит, мне будет только 5», утешали себя некоторые. Мы сутки прождали перед отправкой на «свободную» жизнь в И . Т. лагерь. К нам подбавили блатных,

которые вели себя нахально, обижали слабых, отбирали пищу и оставшиеся хорошие вещи. У меня хороших вещей не было — одни золотые часы, которые я прятал под мышкой на английской булавке. Надзиратель в лагере предварительного заключения по доносу стукача их забрал, а мне дал буханку хлеба. Наши молодые казаки объединились и стали на защиту стариков. В число стариков попал и я. Никто из блатных и пальцем не смел тронуть. Помещались мы всегда в одном углу, и подходить к нам не разрешалось. При пересылке нас всегда помещали вместе с ворами, жуликами и блатными в одном железном вагоне. Молодые казаки, аховый народ, не давали нас в обиду при раздаче пищи, защищали нас и оказывали почет и уважение.

Офицеров Юнкерского училища разослали по разным лагерям Кемеровской области. К моему счастью, я попал в Гурьевск с партией молодых казаков, которые поняли, что нельзя давать себя в обиду, а самим нужно нападать.

Конвой подвел нас, 30 человек, к воротам лагеря, и как только открыли ворота, на нас набросились, как стая волков, все жулики, воры и блатные. Хотели сразу нас «раскурочивать» (лагерное выражение), но лагерная охрана нас отстояла, и нас направили в свободную землянку для приема.

После проверки по списку нас направили в баню. В это время в бане мылись блатные, и когда мы вошли туда и стали раздеваться, они притаились и с быстротой молнии набросились на наших 30 человек, но получили должный отпор. Казаки ряжками и тазами забросали нападавших, и им пришлось голыми бежать на проходную под защиту надзирателей. За такую расправу с блатными начальник режима нас поблагодарил, но отказался держать такую боевую группу в одном лагере и постарался разослать по разным лагерям отделения.

Из числа моих защитников осталось 5 человек, в том числе А . А. Полушкин. Нас назначили в бригаду на хозяйственные работы. В это время производилась прополка овощей. Приведут бригаду на огород: овощей не видно, а трава выросла по пояс вышиной, овощи же только поднялись. К концу работы не чувствуешь рук. Бывали случаи, когда сердобольный председатель колхоза за спасение его огорода пришлет бочку молока и несколько караваев хлеба. Но это был редкий праздник. Осенью нас направляли рыть картофель, свеклу, срезать капусту, убирать сено. Зимой ходили на расчистку снега. Круглый год находились на работе. За нашу работу кто-то получал деньги, но мы их не видели. Нас, 58 статью, долго в одном лагере не держали, а перебрасывали из одного в другой. Мне пришлось побывать в шести лагерях Кемеровской области. В одном из них я

встретил бывших юнкеров.

К жизни в И . Т. лагере постепенно начал привыкать, не зная, что есть другие спецлагеря, где режим более суровый, и там происходят восстания. Все со страхом передавали друг другу, что нас туда направляют, и ждали того часа, когда будут назначены в дальний этап.

Со всех кондов необъятной России стали свозить казаков всех войск через Красноярск и Тайшет. Невидимое око имело всех на учете.

В И . Т. лагерях особенно охотно держали 58 статью — она приживалась хорошо на хозяйственных должностях. Но вот помимо начальника лагеря приехал начальник отделения, или оперуполномоченный, и приказал нас немедленно с хозяйственных работ снять.

Приближалась отправка в спецлагеря. В душе была надежда, что, может быть, меня пропустят, но она оказалась напрасной. В тот момент я был в Кемеровском лагпункте, в нем был построен новый большой театр, который должен был быть передан населению после упразднения лагерей. Помню, как мы укладывали под полом сцены битое стекло. Это хорошо отражает передачу звука. Здесь я имел приятеля — бухгалтера из заключенных, который меня поддерживал. Быть бухгалтером из заключенных должность выгодная: можно хорошо прожить и вернуться на волю с деньгами. Нужно немного покривить совестью. ЭТО ДЕЛО ВКУСА.

В один из дней 1949 года вызывает меня из барака мой приятель-бухгалтер и показывает телефонограмму на 4-х человек, которых нужно приготовить для дальнего следования. Продукты выдать на 7 дней. Бухгалтер переспросил по телефону, чье приказание? Ответ был короткий: «Распоряжение из Москвы».

Стал я готовиться к этапу. Телефонограмма была получена в субботу. Постирал белье. Помылся в бане. В воскресенье отдохнул и в понедельник в 12 часов дня был готов к отправке. Дали пообедать двойную порцию. Пришлось ждать до 4 часов дня. Мы, отправляемые, были изолированы от других в отдельном бараке. Снабдили еще одним мешком для продуктов: 3 буханки хлеба по 500 гр. На день. Пока доехали до пересыльной тюрьмы в Красноярске, то хлеб высох на сухари. Кроме хлеба дали две банки паштета 200 гр., сливочного масла, копченую рыбу и 14 кусков сахара (по куску на день), мешок с вещами, запасную обувь.

Куда направляют — не говорят. Строгая тайна. Это еще больше интересует.

В 4 часа дня пришел молодой лейтенант, вооруженный до

зубов (с автоматом и пистолетом), с ним 6 красноармейцев с ружьями и собаками, и спросил у коменданта список людей, отправляемых в этап. Проверил продукты. «Выходи, садись в грузовик!» Сесть в грузовик сразу не так легко. Послышалась новая строгая команда: «Садись, не копайся!» Собака начала лаять. Тут я сразу понял, что режим переменился. Нам приказали садиться на середину, головой не ворочать, на борта руки не класть и не разговаривать. Машина выехала из лагеря. Ворота закрылись. Мне случайно пришлось видеть ордер, выдаваемый конвою. В нем указывается конвой и спецконвой. Я понял, в какой я попал.

В тот день был судный вечер, но на душе было очень мрачно.

Привезли нас на пассажирский вокзал. Нам странно было видеть людей, свободно гуляющих по перрону. Прохожие останавливались, присматривались к нашим лицам и старались угадать, какие мы преступники: воры, разбойники или политические. Мы не имели права даже повернуть голову. Подвели нас к голове поезда, где за почтовым вагоном был подцеплен столыпинский вагон (арестантский). Внутри весь вагон из железных решеток толстого железа. Конвой, который нас привез, передал нас еще более специальному конвою — солдатам действительной службы войск МВД. На службу в эти войска берутся молодые люди, состоящие в комсомоле. Конвой МВД принимал нас по одному, заводил в камеры как кур, не считаясь с имеющимися местами. Толкнет в спину, лишь бы зашел, и захлопнет дверь. Выйти в уборную нужно молить, а не просить. Представляете, какой воздух в вагоне?

Все должны сидеть или стоять, обернувшись лицом к коридору, в котором за решеткой стоял часовой и непрерывно смотрел за каждым. Сидели друг у друга на коленях. Я удивлялся, как молодые солдаты могли спокойно смотреть на муки людей. Три четверти заключенных были с седыми волосами, ЭТАП — САМОЕ БОЛЬШОЕ МУЧЕНИЕ. Дорога от Кемерово до Красноярска, наверное, была красивой, но нам не пришлось ее видеть.

Привезли в Красноярск в пересылочную тюрьму. Она такая же, как все старые тюрьмы. В ней немного отдохнули от мучительного «столыпинского» вагона. У меня тогда был незаживший порез из Кемерово. Приходилось ходить на перевязку. Опять надежда, может быть, меня оставят в Красноярске? Но надежда пропала, и меня вызвали на отправку. Дали продукты на три дня. В дороге узнал, что везут в Тайшет. На четвертые сутки приехали в Тайшет. Вагон отцепили где-то на окраине, и нас повели пешком 6 километров до расположения

лагеря «ОЗЕРЛАГА». Удовольствие небольшое таскаться с мешками. Наконец, привели в долгожданный «Озерлаг».

Сразу же у ворот лагеря мы заметили разницу между лагерем «Озерлага» и «Сиблага». При нас выходила бригада на работу и стояла перед воротами. Надзиратель, производя обыск заключенных, нашел у одного зека (заключенного) в шапке запрятанные 5 рублей. Надзиратель отобрал деньги и со всей силой ударил заключенного по голове, отчего бедняга упал на колени.

Нас пришло 5 человек. Никто нас не встречает, только несколько человек выглядывают из барака. Наконец, нас привели в полуразрушенный барак и сказали: «Раздеться догола». Перед этим надзиратель сказал речь: «Вы прибыли сюда в «Озерлаг» (Особый закрытый режимный лагерь), и вы теперь не з/к, а спец. з/к. Денег иметь вам не разрешается. Переписки не получать и не посылать. Газет никаких. Деньги все сдать немедленно». Это распоряжение нас не удивило. Мы были уже подготовлены. На следующий день меня по фамилии вызвали в канцелярию начальника оперуполномоченного «Озерлага».

Начальник имел вид какого-то дегенерата в полковничьих погонах. Спросил мою фамилию. Достал большой лист бумаги с печатными вопросами на двух сторонах. На них нужно ответить, а на втором листе без вопросов написать свою автобиографию. На исполнение этого «задания» времени дается сколько угодно. Показал место, где сесть, и приказал писать.

После писания автобиографии отправили на этап в лагерь 03 в 30 километрах от распредпункта в товарных вагонах местного сообщения. В распреде был два дня.

Ехали поездом 30 минут и шли пешком до лагеря 30 минут.

Встреча в лагпункте была суровая, никто из старожилов не подходил. Потом стали подходить с осторожностью. Спустя час нашлись станичники из Казачьего Стана. К моему удивлению, меня узнали, несмотря на то что я был с бородой. Говорили, что на этой трассе в лагерях «Озерлага» много нашего брата. Здесь я встретил многих казаков из Конвойного дивизиона Походного Атамана. В одном из лагпунктов находился какой-то родственник генерала Врангеля. Его на работу не выводили, наверно боялись, чтобы не убежал.

В этих лагерях было много знаменитостей различных специальностей: врачей по всем специальностям, инженеров, музыкантов, писателей. Стали говорить о местных порядках. Работа тяжелая, ходить приходится на работу 10 километров. Лагерь окружен лесом (тайгой), а лесоповал далеко. Никаких механических пил не дают. Нужно пилить все вручную.

Выдали нам рабочую одежду и рабочие ботинки. Это был август месяц. Побеги почти никогда не удавались, в тайге не уйдешь. Убегая, всегда приходится держаться железной дороги, а вдоль линии ходила специальная бригада, которая задерживала всех проходящих. Если в задержанном узнавали бежавшего, то убивали и бросали под ворота лагеря на 3 дня. Бригады, идущие на работу и возвращающие с работы, должны были смотреть на убитого в назидание.

Стук по рельсе — это общепринятый сигнал на ужин. Пошли в столовую. Она оказалась большой и чистой. Сели за столик и ждем, когда подадут. Дали борщ и кашу с мясом. Хлеба 200 гр. Обед показался довольно вкусным, лучше, чем в И . Т. лагере. Сидеть в столовой требовалось в пристойном виде. Не петь, не кричать, не курить. Шапки сняты. Все эти требования выполнялись беспрекословно. После окончания обеда вставали все вместе и расходились по баракам. Около 8 часов приходил дежурный надзиратель и запирал барак на ключ. Эта новость не особенно понравилась, но пришлось подчиниться. Перед тем как ложиться спать, все выстраивались и дежурный пересчитывал. Такая же проверка повторялась утром, после чего можно было заниматься «туалетом» и готовиться к завтраку. Каждая минута была на учете. В 7 часов 30 минут утра все выстраиваются по бригадам на главной линейке к выходу. С внутренней стороны лагеря производ ят обыск комендант и дежурный надзиратель, а с другой стороны ворот стоит начальник конвоя с конвоирами — солдатами действительной службы с направленными на нас пулеметами. Все эти формальности строго выполнялись. В этих лагерях были особенно осторожны, т. к. спецзаключенные народ решительный, иногда набрасывались на конвой, обезоруживали его и убегали. Конвой состоял из девятнадцатилетних пацанов. Некоторые из них были противные садисты. Этому учили их сверхсрочные сержанты. За каждого убитого з/к они получали месячный отпуск и денежную награду. Начальник конвоя осматривал каждого, получал карточку с подробным описанием всех примет заключенного.

После приема заключенных он читал «молитву» и обязательно напоминал, что все заключенные данной бригады поступают в распоряжение начальника конвоя. После чего командует: «Руки назад, конвой к бою». Конвой заряжает винтовки 4-мя патронами. После окончания всех приготовлений командует: «Вперед». Некоторые начальники конвоя приказывают, чтобы з/к шли «в ногу» по-военному. По приходе на место работы начальник конвоя приказывает з/к садиться на место, где стоишь, даже в грязь, а сам осматривает место работы и устраивает

«запретки» (флажки, устанавливающие границу площади места работы). Вот на этих «запретках» зарабатывает себе отпуска и награды конвой. Один конвойный может приказать спать, а другой, не слыша его приказания, прицелится и убьет, иногда не убьет, а ранит. Тогда подбежит и в упор прикончит. Это делалось во всех лагерях, видно, приказ свыше.

Работой руководит бригадир з/к. Он получает задание, и он его выполняет с помощью заключенных. Сам он не работает, а заставляет работать. Нормально работа продолжалась 10 часов и 1 час на обед. Мы пробовали отказаться от перерыва на обед, чтобы раньше кончить, но начальство на это не соглашалось. Должны летом и зимой обедать в 12 часов.

Внутри лагеря нигде не должно быть никакой растительности — всю траву приказано было вырвать с корнем. Каждый спец. заключенный должен был носить нашитыми четыре номера: на шапке, на спине, на груди и на левой ноге. Мой номер был Ю-546. Конвой к нам обращался по номеру. В таких тяжелых условиях протекало заключение до смерти «отца народов».

В это время я заболел гипертонией, при которой давление доходило до 240–245 и даже до 250. Чтобы сбавить давление, спускали венозную кровь три раза по пол-литра. Она была темно-красная и густая. Перед третьим спуском крови со мной случился приступ — инсульт. К счастью, пускание крови было сделано своевременно. Давление спало, и я стал чувствовать себя лучше. Ноги пришли в действие. После месячного лежания в лагерной больнице я вернулся опять на работу.

Хочу сказать несколько слов о побегах. Побеги политических заключенных всегда производились группами и организованно. Конвой обезоруживали, убивали и предлагали остальным заключенным разбегаться. Примерно половина малодушных оставалась на месте до прихода подкрепления конвою. Вот почему начальники конвоя с места отправки старались терроризировать заключенных. Ближе трех шагов не разрешали подходить к себе. Группы рабочих з/к были по 100 человек и больше. Нужно рассчитать точное количество конвоиров, а их часто не хватало. Кроме того, нужно считаться с количеством решительных людей в данной группе. Побегов происходило немало. Это я знаю по приказам, рассылаемым по лагерям. Приказы о розыске и сопротивлении заключенных заставляли слушать на проверках. Преследование убежавших продолжалось до двух недель. Для ликвидации побега вызывались специальные части МВД. Конечно, всех пойманных расстреливали. Я помню ответ одного решительного заключенного: «ваше дело охранять, а наше бежать, а не сидеть по 10 и 25 лет в заключении».

Постепенно к порядкам спецлагерей мы стали привыкать. Заключенные 58 статьи выучились тактике блатных и не давали себя в обиду. Это было необходимо, т. к. советская власть стала сажать блатных каторжан в среду 58 статьи. Мы приводили их к порядку.

Как-то пронесся слух, что сегодня в наш лагерь прибывает группа блатных в 100 человек и очень решительных. Поразмыслили и решили позвать начальника лагеря, пожилого майора, и предупредили: мы блатных в лагерь не примем, а если они появятся, то мы их потопим в выгребных ямах.

Начальник лагеря сначала растерялся и стал нас уговаривать успокоиться, а потом предложил компромиссное решение. Этап блатных принять только на одну ночь, поместив их в отдельный барак без права выходить из него. Охранять его будут надзиратели и мы. На утро они должны быть отправлены на реку Ангару для постройки Братской электростанции.

Лагеря «ОЗЕРЛАГА» и «АНГАРЛАГА» расположены вдоль железной дороги, проходящей через тайгу от ст. Тайшет до реки Ангары. Все лагеря связаны между собой телефонами и железнодорожными поездами. Жизнь и работа почти одинаковы во всех лагпунктах. Питание немного лучше, чем в И . Т. лагерях, но работа во много раз тяжелее: лесоповал и подготовка бревен для постройки деревянных домов. Много заключенных не могли перенести тяжести работ и умирали, но хоронить в лагере не разрешалось, а требовалось делать вскрытие в больнице. На 5 или 6 лагерей (отделение) была одна больница, при которой было кладбище. Умершему привязывали бирку к большому пальцу ноги, клали в гроб и хоронили. Бывали случаи, когда бирку с номером одного умершего з/к ошибочно привязывали другому. В зимнее время приходилось выкапывать и класть труп в прожарку для снятия оттиска пальцев. Каждый заключенный обязан иметь оттиск своих пальцев в конторе лагеря.

Я перебывал почти во всех лагпунктах «Озерлага» и «Ангарлага», а в некоторых — по 2 раза.

В каждый лагпункт приезжал через 2–3 месяца следователь, вел со мной мирную беседу и сообщал новости о моих соратниках. Узнавал, насколько произошла во мне перемена в политическом отношении. Всякий раз старался оказать какую-нибудь любезность: оставить пачку папирос или дать карточки для писем для отправки через Красный Крест (Женева). Такая деланая любезность меня не располагала, т. к. знал, что все это делается с целью разведки.

Счастливый день моего освобождения приближался. Трудно было предполагать, где мне будет суждено провести последние

дни моей жизни. Наконец, настало первое января 1956 года. Вечером пришел дежурный надзиратель в барак, где я лежал на верхних нарах, на голых досках, т. к. все вещи нужно было сдать каптеру (каптенармусу), и предупредил меня быть готовым к 12 час. ночи для следования в свободный лагерь для освобождающихся. Поезд проходил мимо лагеря в 12 ч. 15 мин. Мы, конечно, точно выполнили последнее лагерное распоряжение. Пришли под окна караульного помещения-проходной и стали ждать 12 часов. Послышалась команда: «Заходи!». Мы с дрожью зашли в помещение. Нас принял любезно начальник караула и дал удостоверение на проезд до лагпункта № 22, расположенный в 2 км от Тайшета. Точно в 12 ч. 15 мин. подошел пассажирский поезд с классными вагонами, идущий на Тайшет в Комсомольск. Пользуясь свободой, мы трое, освобожденных в тот день, сели в три различные вагона. Конвоя с нами не было. Сопровождающий нас солдат без винтовки сел в 4-й вагон. Приехали на станцию железной дороги и пошли в свободный (не охраняемый) лагерь.

Это такой же лагерь, как и все остальные, только в запущенном состоянии. Торчат поломанные вышки для часовых, порванная проволока и полуразрушенные бараки. Мы зашли на огонек. Оказалось, что это комната охраняющего лагерь. Показали свои удостоверения, и он сказал, чтобы мы шли в любой барак и выбирали себе кровати. «Завтра утром получите постельное белье. Утренний завтрак от 8–10 часов, обед в 12 дня, ужин в 6 часов вечера. Днем и ночью вы совершенно свободны. Можете ходить куда угодно, даже ездить в Тайшет, только о своем отъезде нужно сообщить начальнику лагеря». Всякая поездка в Тайшет, где находилось управление «Озерлага», была сопряжена с расходом, а денег не было. Старались найти работу по хуторам у местных крестьян и в совхозах. Одинокие женщины принимали с большой охотой мужчин, т. к. в них был большой недостаток. Приходили в лагерь председатели недалеко расположенных колхозов, обещая золотые горы. Некоторые одинокие соглашались и переезжали в колхоз или совхоз. Получали дом со всеми удобствами, который отнимали у других. После перенесения тяжелых лет заключения, отсутствия хорошего отношения к людям многих побудило броситься на эти предложения. Жены некоторых бывших заключенных, узнав об освобождении их мужей из лагеря, приезжали за ними в свободный лагерь. По соседству со свободным лагерем мужчин находился свободный лагерь женщин. В свободных лагерях все ждали по 3 месяца до окончательного освобождения или ссылки в отдаленные края. Состав этих лагерей был очень интересный по

характеру мышления. Некоторым «умницам» не удалось перенести всех тягостей заключения, и они бросились из одной крайности в другую.

Я долгое время не мог привыкнуть, что за мной не идет конвой. Войти в нормальную жизнь не так легко, потому что «на воле» свободной жизни тоже не было: все боялись МГБ (Министерства государственной безопасности).

Жизнь в лагере для освобожденных становилась в тягость. Хотелось повидать своих друзей, родственников и знакомых. Собрав последние копейки, я поехал в Тайшет узнать, куда меня отправят на жительство. После вторичной поездки в управление я узнал, что меня направляют в ссылку на 5 лет в Карагандинскую область. Перед отправкой меня снова законвоировали и отправили в Тайшетский лагерь заключенным. Переход на положение заключенного меня очень огорчил. Я узнал, что это делается для того, чтобы по дороге в Караганду я не сбежал. Ничего не поделаешь, пришлось примириться и с этим и чистить уборные в течение недели.

По прошествии этого времени пришла грузовая машина и меня вместе с другими заключенными под конвоем повезли на вокзал. Здесь нас посадили на поезд Владивосток — Новосибирск (быв. Новониколаевск). Снова в арестантском вагоне в стесненном положении и без уборной пришлось ехать целую неделю, т. к. наш вагон не к каждому поезду прицепляли. Приехали мы в Новосибирск на вокзал. Сутки пришлось ожидать поезда на Петропавловск. Дорога от Новосибирска до Петропавловска была тоже в «столыпинском» вагоне, немного свободнее. Через окно вагона была видна бедная природа и саманные домики. Саман — это сушеный кирпич, сделанный из глины, смешанной с соломой. В районе Петропавловска леса нет, приходится пользоваться саманом. Приехали в Петропавловск опять в пересылочную тюрьму. Здесь пришлось ожидать пять суток. В Петропавловске питьевой воды мало и вся вода с сильным привкусом всякой дезинфекции. Этот привкус вас преследует во всем: супе, чае, во всяком соусе, в мясе и хлебе. На шестые сутки нас повезли в Караганду. Ехали от Петропавловска до Караганды 12 часов. Приехали на станцию в 10 часов утра. Был чудный солнечный день. Издали были видны дома Нового города Караганды. Караганда делится на Старый и Новый город, который весь от начала до конца построен заключенными. Нас отвезли в новую тюрьму. Здесь в последний раз я попал в компанию блатных. Они постарались меня освободить от лишнего багажа и продуктов.

Достали откуда-то самодельные игральные карты и

предложили с ними играть. Я понял, что это способ, чтобы выманить у меня новый бушлат и буханку хлеба, поэтому заранее отдал им все свое добро. Когда надзиратель вызвал меня в коридор с вещами, то вещей не оказалось.

Приехал из местной комендатуры на грузовике уполномоченный и повез меня в комендантское управление. В управлении меня спросили, зачем я сюда приехал. Я удивился этому вопросу. Оказывается, за время переезда из Тайшета до Караганды с меня была снята пятилетняя ссылка.

Нужно было решать куда ехать, а ехать было некуда и не к кому. Мне предложили остаться жить в инвалидном доме. На дальнейшее путешествие у меня не хватало сил, и я решился остаться в Караганде. Заведующий личным составом населения, состоящего на поселении или в ссылке, не взял меня на учет, а направил в Тихоновский инвалидный дом, предназначенный для передачи товарищу Данилову — директору дома.

Из комендатуры я вышел один и не знал куда идти, но добрые люди, а их здесь много (много быв. заключенных), провели до Тихоновского инвалидного дома, который расположен на краю Нового города Караганды и поселка Тихоновка.

Инвалидный дом представляет из себя отдельный городок, окруженный высокой каменной стеной (высотой в 3 метра). Четыре новых двухэтажных здания для жилья инвалидов. Каждое здание рассчитано на 100 человек. Отдельное большое здание под столовую и кухню. Столовая одновременно служит для собраний. Попасть в этот дом простому смертному невозможно. Он был назначен исключительно бывшим политическим заключенным, отбывшим свое наказание. Заселен был только один дом, остальные пустовали. В то время умер там старый генерал Ведаков (кубанский казак) и похоронен на местном кладбище. Там же находился полковник генерального штаба Фетисов (донской казак).

В инвалидном доме я прожил 6 месяцев. За это время я физически немного поправился. Работали в поле: сажали картофель и другие овощи, делали прополку, собирали урожай, косили и собирали сено. Работать заставляли ежедневно. Кормили очень плохо: суп и каша 2 раза в день. Один раз в неделю мясные котлеты. На покупку добавочного питания денег не было. Пришлось искать работу на стороне. Это было очень трудно, т. к. инвалидный дом стоял в отдалении от города. Подходящего транспорта не было. Эти неудобства и нравственное угнетение заставили меня окончательно уйти из дома в частную жизнь. Нигде на работу не принимали, т. к. я советского подданства не принимал и считался бесподданным гражданином

бывшего Российского государства.

Наконец, мне удалось устроиться через русского инженера на службу в шахту № 3 имени Кирова. С инвалидным домом я порвал окончательно и перешел под наблюдение спецкоменданта, который ведал всеми бывшими заключенными. На шахте меня назначили для начала сторожем при механической мастерской, делающей починки и установки угольных комбайнов.

На меня обратил внимание горный инженер (старого времени) и предложил пройти курсы электротехники, после чего я смог бы прилично зарабатывать. Я согласился и ежедневно после работы (без отрыва от производства) ходил на 2 часа учиться электротехнике. Диплом об окончании этих курсов храню до сих пор.

По окончании этих курсов получил должность на калорифер, который отапливает теплым воздухом зимой все маптины, находящиеся в шахте. Полная независимость. Заработная плата для одного была довольно приличной, но условия жизни меня тяготили. Все время приходилось быть под наблюдением «Невидимого Ока».

Я стал хлопотать через французское посольство визу на выезд в свободную Францию. Хлопоты мои продолжались 6 лет. Французский посол в Москве дал свое согласие на въезд во Францию, но советское правительство не соглашалось дать выездную визу. Все хлопоты французского посла оставались напрасны. Советские власти требовали от меня принять советское подданство, после чего возможен мой выезд. Настойчивость советов продолжалась 6 лет. Наконец 28 мая 1962 года советское правительство дало мне выездную визу (паспорт с визой хранится в Префектуре парижской полиции). Специальный заведующий паспортным отделом Караганды уведомил меня о выдаче выездной визы. В течение дня я собрался и на второй день на аэроплане вылетел в Москву. С Шереметьевского аэродрома на такси поехал во Французское посольство, которое находилось в одном из московских особняков с большим садом.

Шофер такси не хотел останавливаться перед главным входом, а остановил машину на ближайшем углу и показал дом, где находится посольство. Я набрался храбрости и с маленьким чемоданом пошел к главному входу. Неожиданно передо мной появился милиционер, преградил дорогу и спросил паспорт. Я показал визу, но он этим не удовлетворился и попросил подождать, пока он спросит начальство. Я отошел к воротам сада, которые были открыты. Мелькнула мысль вскочить в сад, что я и сделал. Из окна посольства мой маневр увидел чиновник, который вышел и попросил меня зайти. Это спасло меня от

лишних мытарств. В посольстве меня повели в консульский отдел, где просили подождать генерального консула.

Генеральный консул узнал меня по фамилии, т. к. у него хранились мои бумаги — прошение о визе. Предложил лететь на следующий день на французском аэроплане «Каравелла» в Париж. По железной дороге через Берлин не советовал, т. к. могут быть всякие неприятности. Я ответил согласием, но у меня не хватало денег на билет. Он обернулся назад, где стоял несгораемый шкаф. Вынул три билета по сто рублей и предложил их мне. От трехсот рублей я отказался, а взял только один билет. У меня оставались еще свои деньги. Консул взял телефонную трубку и попросил гостиницу «Метрополь» на следующий день оставить (резервировать) одно место для посольства. Предупредил меня, чтобы прибыть к 3 часам дня к гостинице «Метрополь», откуда автобусом меня доставят на Шереметьевский аэродром. Советовал никуда вечером не ходить, чтобы не быть задержанным. Обещал приехать на аэродром проводить меня. Я думал, что это обещание — простая вежливость.

Действительно, на следующий день за час до отлета аэроплана приехал генеральный консул с чиновниками консульства на двух автомобилях. Один из чиновников должен был лететь в Париж. Сесть в аэроплан была не простая вещь. Советская полиция придиралась ко всему, и только помощь генерального консула помогла мне сесть в аэроплан.

Я был счастлив, когда уселся в кресло самолета. Консул ждал до самого отлета. После того как самолет оторвался от земли, меня окружили парижские журналисты, которые тоже возвращались во Францию. От беседы с ними я отказался.

Полет продолжался три с половиной часа.

Прилетели мы на аэродром «ОРЛИ». Здесь «СЮРТЕ НАТИОНАЛЬ» стало проверять документы и задавать вопросы. Сразу вмешался сопровождавший меня чиновник посольства, и я беспрепятственно прошел. Выйдя из аэропорта, я распрощался с чиновником, который дал мне свою карточку. Ее я сохранил до сих пор.

Ожидавший пассажиров аэроплана автобус повез на вокзал «Инвалид». На вокзал мы приехали в 9 часов вечера. Здесь уже было легко ориентироваться.

На следующий день я был в русской церкви на рю Дарю. Среди молящихся узнал много своих друзей и знакомых, у которых спросил старые адреса общественных и военных организаций.

Многие меня не узнавали, т. к. приехал я с бородой и блуждающими глазами. Рассказывали новости, пережитые

эмиграцией после окончания войны 1945 года. Рассказывали, как французский народ перенес коммунистическую болезнь и собственными силами наладил свою нормальную жизнь.

Коммунистическая зараза частично коснулась и русской эмиграции. Некоторые с гордостью рассказывали, что митрополит Евлогий был первым принявшим советское гражданство. Наши общественные деятели ходили на поклон к советскому послу (Маклаков и К°). Какой позор и какое легкомыслие: **наши** братья и сестры мучились в это время в советских тюрьмах и лагерях (кому много дано, с того и много спрашивается!).

Стали выходить книги, чернящие русскую эмиграцию: К. Любимова (быв. сотрудника газеты «Возрождение»), Унковского — «Наши дни».

На площади Иена в Париже показывали пропагандные советские фильмы о постройке Братской электростанции (ГЭС). В фильме показывалось, с каким энтузиазмом русский народ строит эту станцию. Был показан русский рабочий, краснощекий, хорошо упитанный и обутый в резиновые сапоги, совершенно новые, как он ворочает камки на реке Ангаре. Фильм был цветной. В действительности строили ее голодные и полураздетые политзаключенные. Вот «правда» этой пропаганды!

Это говорит свидетель этой стройки, заключенный «Ангарлага».

Стали появляться «господа», которые для своего спокойствия получили советские паспорта «на всякий случай». Образовалось общество «Советских патриотов», которое французское правительство прикрыло, а членов его выслало в Советскую Россию. В числе высланных был и К. Любимов.

До настоящих дней есть еще русские люди, которые «молятся двум Богам». Гуляют по Парижским бульварам, пользуются благами французского народа с советскими паспортами и не хотят ехать в СССР. Некоторые сотрудники возвращенцев (Казим-Бек) стали общественными деятелями русской эмиграции. Какая цена им?

Надо сказать, что, к счастью, эта зараза не коснулась военных организаций Парижа, которые мне дали возможность стать на ноги.

В настоящее время я живу в Инвалидном доме в Мон-Моренси и не желаю ничего лучшего, как перемены советского режима и возвращения живым на свою прекрасную Родину.

Примечание

После вывоза всего офицерского состава училища

англичанами юнкера не захотели расходиться, а продолжали вести прежнюю нормальную жизнь, ожидая возвращения своих офицеров. Юнкерское начальство (вахмистры, портупей-юнкера) выбрало из своей среды достойных на должность начальника училища, командиров сотен. Начальник училища — взводный портупей-юнкер Михал Юськин — ежедневно назначал дежурного по училищу. Производились утренняя и вечерняя поверки с пением молитвы и гимнов — Донского и Кубанского, как делалось раньше. Была налажена связь со станциями, где оставались родители и родственники юнкеров.

Во время выдачи семей казаков и гражданских беженцев в лагере Пеггец возле г. Лиенц юнкера оцепили кольцом собравшуюся толпу, взявшись за руки, и противодействовали английским солдатам насильно бросать в грузовики стариков, женщин и детей. Очень правдиво написана картина С. Г. Королькова, на которой изображено избиение безоружных юнкеров, казаков, казачек и детей. Как происходила выдача в Лиенце, уже не раз было описано, и я к этому возвращаться не буду.

Владыка Нафанаил [37]
Воспоминания о борьбе с насильственной репатриацией в Гамбурге в 1945 г

В самом начале мая 1945 г., за несколько дней до сдачи Гамбурга англичанам, мы: архимандрит Нафанаил и иеромонах Виталий, пришли из Берлина в Гамбург частью пешком, частью подвозимые попутными автомобилями.

На богослужение, организованное нами в предоставленной нам англичанами немецкой церкви св. Иоанна Богослова, хлынуло множество народа, главным образом русских и сербов из многочисленных лагерей «остарбайтеров». Вскоре англичане отдали нам для богослужения и жительства бывшую штаб-квартиру гитлеровской организации СА.

После Пасхи англичане начали увозить русских в советскую зону. Это не была в полном смысле слова насильственная репатриация. Этих людей не заковывали в кандалы, не отправляли как арестованных. Они ехали, иногда даже распевая бравурные песни. Но подавляющее большинство ехало неохотно, только потому, что другого выхода не было. Англичане упорно твердили: «Все русские должны ехать домой».

Из самого большого в Гамбурге, т. н. «рыбного», лагеря, где было сосредоточено около 20 тысяч «остарбайтеров», главным образом русских, были в этот первый период репатриации вывезены все до единого обитателя. Среди увезенных было несколько священнослужителей. Уезжая, они плакали горькими слезами, и многие прибегали к нам, прося «похлопотать, чтобы можно было остаться».

Но мы с о. Виталием к этому времени только с трудом начали находить ходы к английским офицерам, от которых зависело осуществление репатриации. Разговоры с ними были приблизительно одинаковы:

— Неужели вы будете проводить насильственную репатриацию?

— Насильственную? Нет, конечно.

— Значит, те, кто не хочет возвращаться домой, могут остаться?

— Нет, остаться нельзя, все русские должны ехать домой.

— А если они не хотят?

— Ну почему же они не хотят. Вы повлияйте на них. Ведь в России все так прекрасно. Им будет очень хорошо.

— Да как же я им буду рассказывать о том, что делается в

России, когда они это все знают гораздо лучше меня?

Такие разговоры не приводили ни к чему. Со слезами и отчаянием люди каждый день продолжали уезжать на восток. Оттуда стали доходить вести, все более мрачные. Нескольким увезенным удалось бежать и вернуться. Они рассказывали об ужасах. Среди увозимых начались самоубийства. Доходили слухи, что в американской зоне самоубийства принимают массовый характер.

Наконец, в конце мая в одном лагере в Гамбурге, предназначенном к вывозу (Кверкамп, или Функтурмс), 600 русских насельников выкинули черный флаг и составили прошение по-русски и по-английски (английский текст писал В. Геккер), в котором решительно просил английские власти расстрелять их на месте, но не отправлять на Родину. Под прошением было поставлено 68 подписей, так как не все 600 человек в том лагере решились подписать такое категорическое заявление.

С этим документом я пошел к начальнику репатриационного отдела, полковнику Джеймсу. Приняв от меня указанное прошение, полковник обещал снестись по этому делу с Главным Военным управлением и через несколько дней дать ответ.

Ответ был получен в самом начале июня. Его я помню точно наизусть:

«Никго, кто не является военным преступником или не был советским гражданином к 1 сентября 1939 г., не должен быть репатриированным против своей воли».

Это значило, что советские граждане, бывшие таковыми с 1 сентября 1939 г., подлежали репатриации и против своей воли.

Помню, в какое негодование пришел молодой английский священник из числа Cawly Fathers, который на короткое время приехал тогда в Германию, чтобы работать с ди-пи, как стали зваться «остарбайтеры». Убедившись, что он ничем помочь не может, он скоро уехал. К сожалению, не помню его имени.

Но вскоре с о. Виталием стали вырисовываться возможности обойти бесчеловечные правила и добиться спасения наших людей от насильственной репатриации.

На следующий день после получения официального ответа из Главной Квартиры мы снова были у полковника Джеймса.

— А как польские граждане, могут ли они остаться в Германии при желании?

— Они пользуются привилегией выбирать ехать им или нет, — не без мрачной иронии ответил полковник, я тоже наизусть запомнил эти слова.

— Так эти жители лагеря Кверкамп, подписавшие решения о

расстреле, и все живущие вместе с ними, являются все без исключения польскими гражданами. Как известно, в Польше до войны было 8 миллионов русских, украинцев и белорусов. Удовлетворить их принадлежность к польскому гражданству документами мы не можем, так как немцы у всех работников с востока, и у русских и у поляков, отбирали документы. Следовательно, мы должны положиться на показания самих людей. Что вы на это скажете?

— Прекрасно. Составьте список жителей Кверкампа, желающих возвратиться на родину, принесите его офицеру связи, состоящему при нашем военном управлении, и если он этот список примет, я ничего не буду иметь против того, чтобы люди были приведены в польский лагерь и остались в Германии.

Мы составили этот список. На этот раз записавшихся было 618 человек, все поголовно жители Кверкампа. Этот список мы отнесли к польскому офицеру связи, майору армии Андерса, убежденному антикоммунисту. Он подписал список, как соответствующий действительности, поставив на него свою печать, и вместе с нами, т. е. со мной и с о. Виталием, отнес его к полковнику Джеймсу, который принял его и сказал, что во вторник, S июня, начальники Кверкамп будут переведены в польский лагерь.

Это была суббота 2 июня (20 мая по церковному календарю).

Заехав на минуту домой, мы радостно отправились в лагерь Кверкамп. Там наше известие было принято с восторгом. Женщины из двух кусков белой и красной материи сшили польский флаг, который был поднят над лагерем, мужчины наскоро стали заучивать основные польские фразы, коверкая их на русский лад, вроде: «И по польски вшитко разумью».

В одном пустовавшем бараке мы кнопками прикрепили к пустым шкафам захваченные нами иконы. Получился иконостас. И мы начали служение всенощной, а после всенощной исповедовали всех желающих на другой день причастия. Исповедовалось и на другой день причащалось около 400 человек, больше половины жителей лагеря. Среди детей в лагере оказалось много некрещеных. Рано утром на следующий день, до Литургии, мы крестили более 30 детей. После Литургии с массовым Причащением мы совершили несколько бракосочетаний пар, живших дотоль в гражданском сожитии, из-за опасности церковных браков при советской власти, не допускавших эмигрантского духовенства к «остарбайтерам».

После Литургии и венчания сразу 12-ти пар был торжественный обед. Настроение у всех было радостное, праздничное.

Утомленные всем пережитым, мы лишь к 5 часам вернулись домой и легли отдыхать. Но в 7 часов к нам ворвались двое присланных от лагеря. Они примчались на велосипедах и взволнованно сообщили, что в лагерь приехало 30 английских грузовиков, чтобы куда-то отвозить их. Я поспешил их успокоить, что отвозить их будут наверное в польский лагерь, как обещал полковник Джеймс.

— Да ведь он говорил — во вторник, а сейчас только воскресенье, и шоферы не говорят, куда они нас везут. Нам очень страшно. Пожалуйста, поезжайте с нами, поговорите с англичанами, куда они нас везут?

Ехать нам крайне не хотелось. Устали мы отчаянно. Главное, никакого сознания необходимости ехать у нас не было. Тем не менее, уступая настойчивым мольбам, мы сели в трамвай и поехали.

В лагере мы застали до сотни английских полицейских, оцепивших лагерь и не выпускавших никого из него. На дворе стояло 30 грузовиков, на которые английские полисмены складывали пожитки жителей Кверкампа и куда принуждали садиться самих жителей. Некоторые из жителей, бросив свои пожитки, бежали из лагеря.

Мы подошли к шоферам и стали спрашивать их, куда намереваются они везти наших людей?» Мы не знаем», — сухо отвечали они. Это нам не понравилось. Поговорив с о. Виталием, мы решили, что он останется тут, в канцелярии лагеря, у телефона, а я пойду с людьми, и если все будет благополучно, то через час я позвоню ему. А если будет неблагополучно, то о. Виталий бросится к англичанам, чтобы попробовать спасти нас.

— Можно ли мне ехать с нашими людьми? — спросил я шоферов.

— Пожалуйста.

Мы влезли в грузовики. Я поместился в кабинке с шофером. Все тридцать машин помчались, сразу взяв предельно скорый ход.

Мы быстро промчались через Гамбург, выехали на его окраину и подъехали к лагерю, затянутому тремя рядами колючей проволоки. Ворота лагеря широко распахнулись, и наши грузовики на полном ходу влетели в ворота один за другим.

Ворота захлопнулись. Над главной конторой лагеря мы увидели большое полотно красного флага с серпом и молотом. С крыльца конторы спускался советский офицер с огромными погонами, с красным бантом на груди. Подойдя к нам, он аффектированным голосом произнес:

— А, батя, очень приятно, будем вместе работать.

Я вышел из шоферской будки.

— А скажите, тут есть английский офицер? — подавляя волнение, спросил я у советского офицера.

— Английских офицеров тут нет, — тем же искусственным аффектированным тоном отвечал тот. — Здесь советский транзитный лагерь с советскими гражданами. Здесь находимся мы — советские офицеры, и к нашим услугам есть немецкая полиция.

— Скажите, а как отсюда можно выйти? — спросил я, стремясь найти английского офицера, чтобы с его помощью вырвать людей из ловушки.

— Зайдите ко мне в контору, я напишу вам пропуск, с которым вас выпустят. Но завтра к утру все должны быть на месте, так как в 9 часов утра отсюда отправляется транспорт в советскую зону, и все находящиеся в этом лагере будут отправлены с завтрашним транспортом…

С этими словами советский офицер отошел от нас.

С грузовиков стали спускаться люди, слышавшие наш разговор. У них были страшные, посеревшие, перекошенные нечеловеческим испугом лица.

— Отец священник, это куда же попали?

Я уже и сам почти не справлялся со своим испугом и волнением и ничего не мог им ответить.

— Подождите, ребята, сейчас узнаю, — наконец сказал я, оглядываясь и ища, кого можно расспросить подробнее.

Мимо нас проходили какие-то две девицы.

— Маруся, смотри: поп. Я такого еще не видела.

Я подошел к ним.

— Девчата, не знаете ли, нет ли где-нибудь здесь поблизости английского офицера?

— Есть, вон там за лагерем. Только к нему, чтобы войти, нужен пропуск. У него часовой стоит.

Я бросился туда. Так как я говорю по-английски и так как я был одет в рясу с наперсным крестом, то часовые легко пропустили меня к офицеру — майору Андерсону.

— Это недоразумение, — закричал я, входя к нему в контору. — Мои люди — польские граждане, а вы привезли их в советский транзитный лагерь!

— Ах, это вечная путаница. Русские, поляки, их так трудно отличить друг от друга. Соберите документы от ваших людей, принесите их мне, и я сейчас же дам распоряжение перевезти их в польский лагерь.

— У них нет документов, как вам известно, немцы отобрали у всех рабочих с востока, у русских и поляков, все их документы (спасибо им сердечное за это, при этом подумал я).

— А, так подождите минутку, присядьте, я сейчас позову польского офицера.

Он позвонил по телефону, и через 15 минут к конторе подъехал на мотоцикле польский офицер, говоривший по-английски.

— Там привезли польских граждан, — сказал англичанин поляку. — Проверьте их и переведите в свой лагерь.

Поляк вышел. Через несколько минут он вернулся и заявил:

— Ни один из них не польский гражданин, ни один из них даже не говорит по-польски. Это все советские граждане.

В это время я с ужасом заметил у него над левым карманом на груди маленькую красную звездочку. Это, оказывается, был красный поляк, или присланный от Люблинского правительства, или перешедший на сторону коммунистов тут. Англичане этой разницы почти и не понимали, а для нас это был вопрос жизни или смерти.

Майор Андерсон посмотрел на меня холодным враждебным взглядом.

— Что это значит? — спросил он.

— Я знаю, что я говорю, — настаивал я. — Это польские граждане. Полковник Джеймс знает этот случай.

— Я расследую это, — сказал Андерсон, переставая разговаривать.

Я вышел от него в черном мраке отчаяния. Ко мне подошли некоторые из приехавших со мной людей.

— Отец священник, они не признают нас тут поляками и записывают нас советскими. Что нам делать?

Меня охватил ужас. Это новый удар. Единственным шансом для спасения мне представлялось — завтра утром как-нибудь отбиться от отправки в советскую зону. Следующий транспорт пойдет лишь через три дня. За эти три дня мы свяжемся с полковником Джеймсом и добьемся перемещения наших людей в польский лагерь, основываясь на официальном списке, в котором они помечены польскими гражданами. А теперь, если будет приготовлен новый официальный список тех же людей, уже как советских граждан, то придется разбирать, какой официальный список более соответствуют действительности, и мы окажемся в тяжелом безвыходном положении.

На слова же майора Андерсона о том, что он расследует этот случай, я не полагался, так как было уже 10 часов вечера и полковника Джеймса разыскать было невозможно.

К нам подошел советский офицер и, прислушавшись, закричал, меняя прежний аффективно-дружеский тон на грубо-враждебный:

— Вы здесь, батька, агитацию не разводите, убирайтесь вон из лагеря, пока я вас выпускаю.

Я тоже переменил тон и закричал:

— Я вас не спрашиваю, что мне делать. Я сам знаю, что я буду делать.

Советский офицер ушел.

Нам на ночлег отвели самый скверный, грязный, пропахший гнилью барак с засаленными вонючими нарами. Никто не входил в это помещение. Безумно уставший, я задремал под деревом.

Был уже двенадцатый час, когда ко мне подошел английский солдат:

— Майор просит вас к себе.

Я прошел к майору Андерсону. Он сидел за столом. Рядом с ним стоял польский офицер, поодаль, у входа стоял советский офицер.

Высокомерным, холодным, недружелюбным тоном Андерсон обратился ко мне:

— На каком основании вы нарушаете правила этого лагеря?

У меня уже тоже не было желания говорить с ним дружественно.

— Какие это правила вашего лагеря?

— Вы препятствуете вашим людям регистрироваться.

— Потому что вы регистрируете их советскими гражданами, а они — польские граждане.

— Они — не польские граждане, они даже не говорят по-польски, — перебивает меня польский офицер.

— Раз я говорю, что они — польские граждане, значит, они — польские граждане, — в свою очередь перебиваю я польского офицера. Потом, обращаясь к английскому, кричу на него: — Как вам не стыдно, вы играете человеческими жизнями, вы знаете, что значит для моих людей, польских граждан, попасть в советский лагерь и быть вывезенными на советскую территорию.

— Никто из них не будет вывезен в советскую зону, — тем же холодным высокомерным тоном сказал Андерсон. — Полковник Джеймс подтвердил ваше показание, и завтра в семь часов утра все наши люди будут перевезены в польский лагерь.

— Что?! — закричал я. — Правда?

— Я вам сказал это, — прежним надменным тоном сказал майор. — Но вы должны извиниться перед польским офицером и перед советским офицером, потому что вы были грубы с ними.

— Пожалуйста, с удовольствием, хоть сто раз! — воскликнул я. И обращаясь к польскому офицеру, сказал по-английски: — Простите меня, пожалуйста, дорогой сэр.

— Я удовлетворен, — ответил поляк.

Потом, обернувшись к советскому офицеру, уже по-русски говорю ему:

— Простите меня, ради Бога, дорогой гражданин офицер!

Тот что-то пробурчал в ответ, чего я не расслышал. Я выскочил из комнаты английского офицера, стремясь как можно скорее сообщить радостную новость нашим людям.

Подбежав к ним, я закричал:

— Ребята, завтра мы не поедем на советскую зону, нас повезут в семь часов утра в польский лагерь!

Но люди уже потеряли доверие ко мне. Ведь это в конце концов я уверял их, что они могут ехать сюда без опасения.

— Никуда нас не повезут. Мы сами знаем, что делать, — раздались голоса.

Я почувствовал, что вот-вот начнется страшная сцена массового взаимного убийства и самоубийства. Сведения о подобных явлениях в американской зоне к нам уже доходили. Под влиянием явного недоверия наших людей к принесенной им радостной новости поблекла и моя радужная уверенность. А вдруг английский майор соврал, чтобы успокоить людей, приходила в голову мысль. К счастью, я не знал тогда, как обманул английский маршал казаков в Тироле. У меня все-таки было доверие к слову английского офицера.

— Ребята, — сказал я своим людям, — пожалуйста, не делайте ничего сегодня. Подождите до утра. Если нас повезут в советскую зону, то я сам благословлю вас резать друг друга и себя самих, так как лучше смерть, чем оказаться в советских руках. Но я не думаю, чтобы этот английский майор так просто нагло врал. Подождите до семи часов утра.

Если недоверие и заразило меня, то и моя надежда отчасти передалась им. Никто ничего не предпринимал. Но настроение у нас стало еще более напряженным, нестерпимым.

Две девицы, которых я встретил при въезде в лагерь, подошли ко мне.

— Гражданин священник, вам здесь неудобно, это плохой барак. Пойдемте лучше к нам, в административный барак. Мы приготовили там для вас ужин и постель.

Сидеть всю ночь с моими людьми при их растущем недоверии в тяжелой напряженности было невыносимо. Я пошел с девицами в административный барак. В одной из комнат, где помещался низший персонал лагеря, собралось шесть человек молодежи: три девицы и три юноши, служащие лагеря. Слух о том, что мне удалось добиться отправки наших людей в польский лагерь, и следовательно, возможности для них остаться и не ехать в СССР, уже разнесся по лагерю и вызвал интерес даже у этих,

сравнительно привилегированных советских служащих.

— Гражданин священник, почему же эти граждане, которые с вами, не хотят ехать на Родину. Ведь товарищ Сталин сказал: родина вас ждет, пора включаться в стройку.

Я колебался, как мне отвечать. Раскрывать свои карты перед ними, служащими советского транзитного лагеря, было, конечно, нельзя. Но и замкнуться в отчужденной скрытности тоже не хотелось: они так дружески отнеслись ко мне в эту тяжелую минуту и оказали мне такую услугу в самом начале, показав, где находится английский офицер. Кроме того, я понимал, что, приоткрываясь, я мог дать им драгоценное указание, как и им избежать страшной участи отправки в советские руки.

Поэтому я стал излагать им ситуацию с официальной точки зрения:

— Слова Сталина не относятся к моим людям, так как они не советские граждане, а польские.

— Ну, какие же они польские граждане, если они по польскому и не говорят.

— В Польше до войны, в ее восточных частях, было до восьми миллионов русских украинцев и белорусов, из которых многие не говорили по-польски.

— А как же тогда отличить, кто польский, а кто советский гражданин? — задали они самый главный, самый существенный вопрос.

И я в официальных терминах приоткрыл им картину:

— К сожалению, установить документально, кто является польским, а кто советским гражданином, не представляется возможным, так как немцы и у тех и у других отобрали все документы. Поэтому приходится довольствоваться словесными показаниями: если вы заявляете, что вы — советский гражданин, и советский офицер вас признает таковым, то вы считаетесь советским гражданином; а если вы заявляете, что вы — польский гражданин, и польский офицер вас признает своим, то вы считаетесь польским гражданином.

Отрадно отметить, что мой совет пригодился. Всех шестерых я встретил позднее в одном из наших лагерей, в «Колорадо» около Ганновера.

Спать в эту ночь было, несмотря на жуткую усталость, невозможно. Ведь эти юноши и девицы могли свободно зарезать меня и утром уехать в советскую зону, где за это получат только награду. В душе поднималась молитва, да не та спокойная молитва, которую совершаешь в обычное время, а та, которую все мы испытали незадолго до того, когда бомбы падали рядом: «Господи, спаси, Господи, помилуй, Господи, пощади!» — рвалось

из таких глубин души, которых даже не знаешь в себе в обычное время.

В 5 часов, еще до конца запретного времени, ко мне пришел отец Виталий, приехавший в лагерь на английском автомобиле. Это ему мы были обязаны своим спасением. Не дождавшись накануне моего условного телефонного звонка, он почуял что-то неладное и добился свидания с полковником Джеймсом, который установил, где мы находимся, и дал распоряжение майору Андерсону перевезти нас в польский лагерь.

В 7 часов утра подали нам грузовики. Мы с о. Виталием обошли шоферов, спрашивая, куда нас повезут. «В Венторф» (польский лагерь), — отвечали они, успокаивая нас, уменьшая тревогу, но все же не уничтожая ее.

Английский сержант, дежуривший в комнате майора Андерсона, позволил отцу Виталию остаться у телефона. Мы снова условились, что если я не позвоню через час-полтора, то чтобы он поднимал шум для нашего спасения. Мы влезли со своими вещами на грузовики. На этот раз я поместился не с шофером в будке, а на площадке со своими людьми. Они были мрачны, не разговаривали, не отвечали на улыбки, видимо, совсем мне не доверяли. Рядом со мной село двое дюжих широкоплечих парня, смотревших враждебно. Я крикнул о. Виталию по-французски:

— Ну, если нас все-таки отвезут на советскую зону, то обо мне можешь не беспокоиться, я живым туда не доеду, эти ребята прикончат меня раньше.

Мы тронулись. Машины снова сразу взяли предельную скорость. Путь на советскую зону — в Любек, и в польский лагерь Венторф лежал в том же направлении. Издалека увидели мы тот придорожный столб, который обозначал разветвление: если мы поедем прямо, значит, на советскую зону, если направо, то в польский лагерь.

Наш грузовик мчится бешено, вот и заветный придорожный столб. Ц>узовик подлетел и повернул направо. Души захлебнулись радостью, я перекрестился. Лица у всех просветлели. Мои мрачные соседи расплылись радостной улыбкой и посмотрели на меня. «Кажись, в Польшу», — сказали они немного смущенно.

Вот и Венторф. Высокие здания, широкая площадка. Большой польский флаг над центральным домом. Я соскакиваю с грузовика. Ко мне подъезжает автомобиль с громкоговорителем, и я, не помня себя от радости, в восторге от обретенной заново жизни и свободы, крещусь и кричу:

— Слава Богу, ребята, поздравляю, мы в польском лагере.

Стройтесь у окна направо для регистрации.

Через несколько недель в Венторфе уже было две тысячи обитателей. Их добрым ангелом-хранителем стал английский капитан Рэмедж, шотландец, говоривший по-русски. Он защищал и подбадривал наших людей при неизменно страшных для них посещений лагеря советскими комиссиями, уговаривавшими их уезжать в Россию. Благодаря его стараниям к осени русские обитатели польского лагеря Венторф получили свой чисто русский лагерь Фишбек, в котором была создана большая просторная церковь из двух соединенных бараков. При церкви возникли две школы — русская и украинская, возникла гимназия, Высшие Пастырско-Богословские курсы, в которых учились нынешние епископ Павел, архимандрит Феодор, священники, находящиеся в Америке, Канаде и Австралии. Тут же были основаны живописная и иконописная школы и мастерские. Лагерь этот процветал в течение нескольких лет и для всех своих насельников остался незабываемым светлым воспоминанием.[38]

В . Д. Поремский [39]
ВУСТРАУ

В лагере Вустрау длительное время были полковник артиллерийских войск Прохоров и генерал Трухин. С Прохоровым у нас сложились хорошие, чисто личные отношения. Находясь в лагере, он не включался ни в какие рассуждения, размышления; не помню, чтобы он принимал участие в собраниях или в докладах, которые там организовывались. Он, скорее всего, был одиночкой. Может быть, он с кем-то и подружился, не знаю, но он был приятным человеком, отзывчивым. У меня остались о нем очень теплые воспоминания.

Трухин принимал более активное участие в жизни лагеря. Он присутствовал на собраниях, организовывал их сам. Принимал участие и в Союзных собраниях. Он уже знал, что такое НТС. Мы с ним подружились, вместе ходили собирать грибы, варили из них бурду — грибной суп. Он быстро сошелся с Бевадом, Трегубовым, которые работали в преподавательской группе лагеря. Однако Трухина вскоре забрали в Дабендорф. За ним приехал полковник. Вместе с ним отобрали еще 10 человек. Среди них: Николай Александрович Артемов, Алексей Алексеевич (?), он недавно умер, и Трухин. В Дабендорфе Трухин сразу же занял высокий пост. После этого я с ним встречался редко. Бывал в Дабендорфе, общался с его помощником, сам же Федор Иванович был сильно занят, и виделись мы эпизодически. Но когда его приняли в НТС, он приезжал на собрание в Совет.

Это, пожалуй, было единственное собрание Союза на высшем уровне за все время войны. На собрание приехали Овчинников, Роман Редлих и др. На Исполнительном бюро НТС главным образом стоял вопрос о Каминском. Трухин привез просьбу Власова ликвидировать Каминского. Это единственный эпизод в истории НТС, когда было принято такое решение. Оно было связано с тем, что поведение частей Каминского компрометировало власовское движение. «Каминцы» учиняли безобразия, уже была видна настроенность этой группы. Это было начало 1944 г., когда у Каминского еще работали Овчинников и Роман. Они приехали на 2–3 дня для встречи и вернулись обратно. Однако осуществить акцию не удалось, помешали какие-то обстоятельства.

Трухин уехал в Дабендорф, а у нас появился Лукин. Почему, не знаю. Как известно, генералу Лукину было первому предложено возглавить антибольшевистское движение. Он

отказался. С таким предложением обращались и к Карбышеву, который сидел не в лагере, а при каком-то заводе. Тот тоже не принял его.

После окончательного отказа Лукина его привезли в Вустрау. Мы с ним несколько раз беседовали, и он говорил, что не верит в победу Германии, что она обречена на поражение. Поэтому участвовать в обреченном деле он не желает. Не потому, что он боится себя скомпрометировать, а просто не хочет трагического конца тем людям, которые будут вовлечены в борьбу его именем. Таковы были его убеждения. Отношение же к сталинскому режиму у него было такое же, как и у Власова — отрицательное. Он видел, что бороться надо, знал настроения фронтовиков, но не верил немцам. Считал, что такого рода борьба не даст результата. В личных беседах мы хорошо понимали друг друга и говорили на одном языке. Очень хороший был человек, светлого ума, мужественный и достаточно разбиравшийся в политике. Государственного масштаба мышления.

Наше общение продолжалось недолго. Вскоре за Лукиным и Прохоровым приехали и куда-то увезли. Прощались мы тепло. После войны даже посылали ему посылки. Его оставили в чинах. Конечно, отправили на отдых, тем более что после ранения он был инвалидом. Во время послевоенных чисток «изменников Родины» его не расстреляли. Не знаю, но думаю, что этот вопрос даже не обсуждался. Он не сдался в плен добровольно, а был захвачен раненым на поле боя. Почему его привезли в Вустрау, не знаю, но сам он туда не просился.

Лагерь Вустрау был подчинен Министерству Восточных земель и являлся своего рода сборным пунктом. Туда собирали людей, которых можно было бы использовать в борьбе с большевиками. Отбор в Вустрау осуществлялся из пересылочных лагерей, например, лагеря в Кельцах, располагавшегося в Польском губернаторстве. Я принимал участие в этой работе. Руководил ею барон Дельвиг, служивший помимо Министерства Восточных земель еще в двух.

В Вустрау отбирались люди в основном образованные — с высшим или незаконченным высшим образованием, старшие офицеры Красной армии. Отбор состоял из нескольких категорий — от 0 до 5. Люди с интеллектуальным уровнем ниже 3-х не представляли интереса. Отбирали в основном по оценкам от 3 до 4,5. Человека, получавшего 5, талантливого и который способен был сделать многое, — тоже не брали. Это было опасно. Дельвиг характеризовал таких: «хитрый, умный и может быть агентом». С такими людьми не рисковали, в списках их переводили на «О».

Дельвиг был человеком умным, элитным. Много и многих

знал. У него была своеобразная манера опроса. Он расспрашивал отбираемого для Вустрау человека так: где, когда и у кого учился, работал. Интересовался в деталях. Потом, если ему попадался кто-нибудь из этого же или смежного института, он задавал, например, вопрос: «А как вы относились к Дмитрию Павловичу, вашему директору института?» Люди поражались его информированности и боялись, считая, что он все видит насквозь. Дельвиг постоянно пользовался такой комбинацией и играл свою роль потрясающе. Были и другие проверки, например, испытания водкой в Кельцах. Группу отобранных гестаповцы приглашали на ужин и старались так напоить, чтобы человек терял над собой контроль и выбалтывал то, что у него на уме. Мы знали о таких проверках, использовали различные уловки, например, ели перед этим масло, но все равно приходилось туго. Это называется — пьянство поневоле.

Прошедших испытания забирали в Вустрау. Они получали штатскую одежду и относительно свободно жили. Через некоторое время им разрешали свободно съездить в Берлин, походить по ресторанам, посмотреть город и т. п., то есть создавали условия, чтобы человек чувствовал себя свободным, полноправным жителем, как говорили нацисты, будущего пространства, руководимого Адольфом Гитлером. В таком же плане их и переучивали.

Следует сказать несколько слов о преподавании в Вустрау. Среди преподавателей были Бевад, Трегубов, я и другие. Трегубов, например, преподавал национал-социализм. Но как? Николай Александрович Артемов позже говорил, что у слушателей после его объяснений и трактовки национал-социализма постоянно возникала мысль — донести или не донести. В изложении Трегубова национал-социализм представлял собой что-то странное.

Аналогично читал лекции Бевад и др. Я преподавал в Вустрау пропаганду, ездил даже в Берлин, чтобы дополнить свои знания по этому вопросу.

Напомню, название «пропаганда» происходит от латинского propago — «распространяю». Это степень влияния идеи на человека. Наиболее доходчивая форма проникновения мысли — беседа с глазу на глаз. Следующая — разговор нескольких человек. В этом случае степень доходчивости уменьшается. Не все при постороннем скажут все, что думают — привычка к осторожности дает о себе знать. Приходится вводить коррективы. Еще сложнее дело обстоит при выступлении перед аудиторией. Оратор уже обращается не к отдельному человеку, а рассчитывает на всех сидящих в зале. В этом случае слушатели могут принять

или не принять поступающую информацию. И так дальше, степень восприятия все уменьшается и уменьшается. Самый неэффективный способ пропаганды — выступление по радио. Здесь уже беседа ведется со всем земным шаром. Слушатель даже не видит, кто говорит. По телевизору ты хоть можешь «попытаться» взглянуть говорящему в глаза, а по радио… черт его знает, может быть, кукла какая-нибудь говорит.

Существуют разные подходы к убеждению человека, различные приемы воздействия на его сознание.

Приведу лишь один пример высочайшего достижения пропагандного искусства.

Представьте картину. На склоне горы, леса, на берегу озера стоит странное сооружение, ни на что не похожее. Странная архитектура: необычные окна, зеленые колпаки странной формы. Наверху какие-то позолоченные или серябряные палочки: одна — вертикальная, другая — горизонтальная. Входим внутрь. И там все необычное. Продолговатые окна на странной высоте, через которые пробиваются лучи света. В здании не светло и не темно — полумрак. Везде развешены портреты, почти одинаковые — корчеватые, изможденные лица старцев. Рядом изображение женщины, держащей на руках мальчика. Через некоторое время в сооружении собираются люди. Они ходят, делают странные движения руками, даже опускаются на колени и пытаются разбить себе головы о пол. Выходит мужчина, весь в черном, с бородой, на груди все те же палочки: одна вертикальная, другая — горизонтальная, — и начинает громко говорить на языке напоминающем русский. Его поддерживает хор. Песнопение тоже странное. Это ни опера, ни джаз. В общем, все странное и необычное.

Узнаете этот образ? — храм, церковь.

Все здесь: архитектура, иконы, освящение, одеяния — направлены на усиление человеческого восприятия. Нет авторов всему этому. Это симфония, с привлечением всех средств, предназначенных для убеждения в чем-либо. Эта симфония существует сотни лет, ее чувствовали ваши отцы, деды, которые ходили в церковь, и это посещение давало им что-то.

Поэтому, говоря о пропаганде, я рекомендую посмотреть на нее с этой точки зрения. На таких примерах я и преподавал в лагере.

Как я попал в Вустрау

До Вустрау служил в Министерстве иностранных дел в

Берлине переводчиком, а еще ранее, до войны, жил и работал во Франции. В Германию был отправлен фактически насильно. Еще в оккупированном Париже мне посоветовали, не дожидаясь ареста, явиться в гестапо и заявить о себе. В августе 1941 г. меня направили в Берлин. Немцы пытались таким образом собрать всех русских антикоммунистов в одном месте — под «стеклышко», чтобы удобнее было наблюдать за ними. С одной стороны, мы были антикоммунисты, а с другой — русские патриоты. Поэтому немцы старались за нами присматривать, чтобы не упустить момент, когда что перевесит.

Из берлинского гестапо меня направили к Деспотули — редактору русской газеты «Новое время». Поскольку я знал языки, меня определили в отдел иностранных дел, ведающий радиопропагандой на Россию. Это был своего рода сборный пункт информации. Там собирался различный материал и передавался по телефону, через Белград, по назначению. Интересно, что мой руководитель по министерству как-то сказал: «Работайте, это как раз то, что вам нужно. Наше министерство раньше других окажется в Москве, у нас уже имеется там помещение, куда мы переедем». Поэтому я и работал там охотно, до тех пор, пока не стало ясно, что это маловероятно. Тогда-то и приехал ко мне Кнюпфер — немецкий руководитель лагеря. Это был, что называется, русский немец. Он понимал наше дело и сочувствовал ему. Поэтому и мы в Вустрау старались работать так, чтобы не подвести его.

Встретившись со мною, Кнюпфер сказал: «Владимир Дмитриевич, я очень хотел, чтобы вы приехали ко мне работать». Инициатива собрать людей и дать им работать вместе принадлежала Кнюпферу и Лейббрандту[40] (1). С последним я познакомился еще в Париже, в марте 1941 г. Мы встретились в гостинице. Лейббрандт был в коричневой форме партийца с погонами капитана, и первые его слова были: «Владимир Дмитриевич, мысленно снимите с меня эту форму, и будем говорить на равных». Мы довольно долго беседовали. Это было прощупывание со стороны Министерства Восточных земель. Таким образом, в марте 1942 г. я поступил на службу в Министерство Восточных земель, прибыл в Вустрау и проработал там до мая 1944 г.

Как-то в один из майских дней меня вызвал Кнюпфер и сказал, что, по его данным, я буду в ближайшее время арестован. «Мы делали общее дело, — добавил он, — и если вас арестуют, это будет ощутимый удар по нашему делу. Советую вам подать в отставку». Что я и сделал. Это было время, когда уже начали сажать верхушку НТС.

Я благодарен Кнюпферу за все, что он сделал для нас.

Спустя некоторое время я все же попал в тюрьму. Правда, отчасти по своей инициативе. А дело было так. Когда начались аресты руководителей НТС, я решил, что надо попробовать объяснить немцам, что это ошибка. Фактически я ничего не терял, т. к ждал ареста со дня на день. И я поехал в Шитц, в Центральное управление государственной безопасности. Присел у входа на скамейку и через дежурного вызвал знакомого мне сотрудника Управления — Дедио. С ним я познакомился еще до войны — во Франции. Это был следователь, который допрашивал меня в Париже. В отличие от других членов НТС, которые были в то время арестованы и допрашивались в тюрьме, например, Редлих — в Праге, мой допрос проходил в гостинице. Дедио угощал меня кофе, коньячком, мы мирно беседовали. Позже я узнал, что у него была прямая связь с Прагой. Все, что я говорил, оперативно проверялось с показаниями пражских арестованных. На помощь этого Дедио я и рассчитывал в этот раз. Я попросил его походатайствовать о моей встрече с каким-нибудь чином Управления, чтобы объяснить, что аресты руководства НТС ошибка. Он привел меня к начальнику 4-го отдела службы, ведающей иностранцами, — генералу Вольфу. В кабинете, кроме меня и генерала, находился еще полковник. Я говорю генералу, что аресты наших людей — недоразумение. Дело в том, что цель у нас одинаковая — мы боремся против существующего в России режима. Работа ведется в основном на ту сторону. А так как каждый русский человек чувствует себя русским человеком и чтобы он не идентифицировал нас с вами, мы действуем так, чтобы он чувствовал, что мы действуем не по вашему приказу. Именно поэтому мы добиваемся значительных результатов.

Вольф выслушал меня и, бросив реплику: «Оригинальная идея», спросил: «Если у нас общие цели, то как же понять, что в ваших листовках говорится, что нужно бороться не только против Сталина, но и против Гитлера?». «А как же иначе? — отвечаю я. — Если против Сталина — значит против любой диктатуры. Должна же быть какая-то логика и последовательность действий». «Тоже оригинальная идея, — отвечает генерал, — но дело даже не в листовках и не в том, что вы призываете к борьбе против Штлера. Ваше преступление в том, что вы налаживаете связь с нашими министерствами, проникаете туда, пытаетесь организовать и повести наших людей за собой. Вы используете их не против нас, но и не для нас. Тем самым вы отлучаете их от нас. А сейчас ни один человек не имеет права быть не с нами. А что касается вашего преследования, то как раз это помогает вам отмежеваться от нас. И я сейчас предоставлю вам такую возможность —

отмежеваться от нас». Он встал, пожал мне руку и передал приказ полковнику арестовать меня.

Конечно, это была безумная попытка, но я чувствовал, что иначе не могу поступить.[41]

Ф . П. Богатырчук

Часть I

Первые вести о Власове

В конце 1942 года в Киеве появились первые экземпляры русской газеты с упоминанием Власова. Хотя большая часть этих газет была заполнена обычной нацистской пропагандой, которой уже никто не верил, измученные колониальной политикой немецких оккупантов люди с жадностью читали те скупые извещения, в которых говорилось о бывшем советском генерале, бросившем вызов советским олигархам и начавшем организацию сил для борьбы с большевизмом. Как всегда бывает, слухи немедленно начали дополнять фантазией те незначительные факты, которые сообщались. Уже появились «очевидцы», которые видели целые дивизии Власова, борющиеся с большевиками, и утверждали, что Власов чуть ли не поставил ультиматум немцам с требованием немедленно изменить их оккупационную политику и предоставить власть местному населению и т. п.

Каждая группа населения по-своему воспринимала эти волнующие новости: русские принимали их на веру безоговорочно, украинцы, всегда и во всем видевшие козни Москвы, верили мало или относились враждебно к самой возможности возникновения подобной антибольшевистской силы. На время были забыты обычные темы разговоров о лишениях, жестокостях немцев, расправах большевиков с оставшимся у немцев населением, и их заменили горячие споры о возможности нового освободительного движения. Однако время шло и никакого изменения оккупационной политики не наблюдалось. Немцы продолжали, как и ранее, бесцеремонно обращаться с населением. Как следствие возникновения партизанского движения немцы стали в каждом жителе видеть потенциального партизана и при наличии минимального подозрения расправлялись беспощадно.

Особенно много унижений приходилось испытывать интеллигенции. Недаром среди малоустойчивой части последней антинемецкие настроения заслонили их антибольшевистские убеждения, и они уже начали говорить о том, что большевики ангелы по сравнению с немцами! Действительно, уже нередки были случаи, когда сыновья интеллигентных родителей убегали в

лес к партизанам. Словом, уже слепому было ясно, что глупая колониальная политика немцев принесла свои плоды — в партизанском движении они жали то, что посеяли. Большое значение во всех проболыпевистских настроениях играла неизвестно от кого исходившая пропаганда, что англичане и американцы после войны заменят большевистскую власть новой народной властью, а также и та очередная иллюзия, что большевики уже не те, что они переродились и т. д.

Успехи Красной армии под Сталинградом усилили патриотические настроения, Красная армия в глазах населения снова становится символом величия России. Мне в это время в Киеве часто приходилось встречать бывших убежденных противников большевизма, которые теперь с пеной у рта поносили немцев, что было, конечно, справедливо, но они все забыли в своей страстной вражде, что на место немцев придут такие же чуждые народу диктаторы. Многие из этих квазипатриотов пострадали в первые же дни возвращения большевиков, которые сразу же обнаружили свое истинное лицо. В начале 1943 года уже было ясно, что ни о какой местной противо-большевистской акции не может быть и речи. Немцам уже никто не верил, и все только мечтали о том времени, когда они уберутся восвояси.

Первая встреча с Власовым и Малышкиным

В марте месяце мне представилась возможность поехать в Берлин. Я занимал в то время место руководителя Института экспериментальной медицины — вернее, тех остатков института, которые нам удалось сколотить вместе. Ввиду того, что у нас не было животных с экспериментальными раковыми опухолями, которые нам были необходимы, то и было решено попытаться достать их в Берлине. С большими трудностями мне удалось достать разрешение, так как после моего ареста в феврале 1942 года я все время состоял под негласным надзором гестапо.

В Берлине я был поражен весьма открытыми проявлениями антигитлеровских настроений, которые было немыслимо себе представить на Украине. У нас все немцы держались вместе, ходили в магазины и рестораны «nur für Deutsche», а в театры через «Eintritte nur für Deutsche», жили в специальных домах и районах — словом, держали себя так, как надлежит держаться superman'am по отношению к Untermensch'am. В Берлине же я впервые столкнулся с определенной оппозицией к господствующей идеологии.

В день приезда мне пришлось обедать в ресторане на Kurfurstendamm. Я услышал разговор за соседним столиком (не услышать было невозможно, так как разговор велся в весьма громких тонах): все четыре немца, по виду скорее всего коммерсанты, наперебой ругали нацистов, вовлекших народ в предприятие, из которого только один выход — гибель и расчленение Германии. Я ушам своим не поверил, услыхав открытые обвинения нацистских главарей в том, что они успели запастись ценностями, обеспечив себе тем самым пути отступления, а далее — «aprez nous le deluge». Внезапно в ресторане зазвучали фанфары «Sonder Meldung», сообщающего об очередной победе. Я к своему удивлению увидел, что при первых звуках фанфар много публики демонстративно встало и начало покидать зал, по дороге роняя иронические реплики. И это было за два года до окончания войны!

Через несколько дней мне пришлось обедать с видными инженерами из концерна Сименса. Как приехавший с востока, я, естественно, был в центре внимания. Посыпались вопросы о том, каковы настроения населения по отношению к большевикам и немцам, как себя ведут немцы и т. д. Я как мог более точно постарался нарисовать им подлинную картину. Хотя о многом они догадывались, но все же они были поражены той непроходимой глупостью, с которой проводилась политика «освобождения от большевизма» на Украине. Они здесь в центре не все еще знали, что идеологическая борьба против коммунизма была только той дымовой завесой, за которой колонизаторы XX века беспощадно грабили и уничтожали население. Они не понимали, какую ужасную трагедию переживало население Украины, которое было обмануто нацистской пропагандой, вещавшей им о том, что идут их освободители от большевистского ига, а взамен получившее кнут, петлю и полное подавление всех национальных стремлений! И в то время как более эластичные большевики перестроились и сумели свою идеологию одеть в одежды национализма, умело используя патриотизм, пробудившийся в народе в результате убийств и насилий иноземных захватчиков, немцы с непостижимой тупостью продолжали свой «Drang nach Osten», не считаясь ни с кем и ни с чем.

Интересно подчеркнуть, что в это время у моих собеседников не было никакой боязни поражения от англо-американцев, но явный страх перед русскими. Все они великолепно понимали, что туг идут не только русские, но и враждебная идеология, которая может уничтожить все основы европейской культуры. Все были культурные, интеллигентные люди — но увы… не эти люди

делали политику Германии, а полусумасшедший маньяк, который еще до сих пор верил в окончательную победу немецкого оружия, когда уже легенда о непобедимости Wehrmacht'а развеялась у всего мыслящего человечества. И эта, и многие другие беседы, которые мне пришлось вести, заканчивались неизменно самыми пессимистическими ауспициями на будущее Европы.

Спустя несколько дней мне пришлось быть вечером в гостях у одной старой знакомой по Киеву. Она мне с таинственным видом сообщила, что сегодня у нее будут в гостях два видных советских генерала, с которыми мне следует познакомиться. Я к своей радости узнал, что этими двумя генералами будут А. Власов и В. Малышкин, о которых я слыхал еще в Киеве. Оба явились очень поздно. Андрей Андреевич Власов, высокий представительный мужчина, производил впечатление своей серьезностью.[42] Он смеялся очень редко, как бы урывками, все время напряженно думая о чем-то. Говорил мало. Когда говорил кто-либо, на первый взгляд могло показаться, что он где-то витает в облаках, однако удачная реплика либо неожиданное возражение показывали, что он все время напряженно слушал. Ел для такого большого мужчины чрезвычайно мало, пил весьма умеренно, я никогда и в дальнейшем пьяным его не видел, хотя навеселе он и бывал. Большое впечатление производил его голос, мощный, с большими модуляциями, но в то же время приятный. Однако он умел и гаркнуть так, что начинали дрожать окна. Грохотал он своим голосом и во время редких приступов смеха. Он был в защитном френче, его принадлежность к генеральскому сословию обнаруживали лишь брюки с генеральскими лампасами.

Все его манеры, несмотря на кажущуюся солдатскую грубость, все же располагали к себе. Чувствовался большой человек, который мыслит, не задерживаясь на мелочах, каким-то непостижимым инстинктом умеющий находить правильную линию. Я подчеркиваю — инстинктом, потому что я ни во время первой нашей беседы, ни во время дальнейших встреч и обменов мнениями не мог констатировать наличия у Власова особенно большой начитанности и учености в области политики, гуманитарных и социальных наук, искусства и т. д. Военные мне потом говорили, что его эрудиция в области военных наук огромна, и он в этом отношении стоит очень высоко в ряду международных военных авторитетов. В Советской армии он дослужился до чина генерал-лейтенанта, будучи сравнительно молодым — в начале своих 40 лет, состоял в коммунистической партии, был орденоносцем, пользовался большим авторитетом даже у Сталина, у которого неоднократно бывал на личных докладах. Очевидно, советский Генеральный штаб учитывал, что

в лице Власова имеет не только военного специалиста, но и способного политика, и поэтому направил его советником к Чан-Кайши, где он и провел около двух лет незадолго до войны.[43]

Рядом с ним Василий Федорович Малышкин действительно казался оправдывающим свою фамилию. Он ничем внешне не выделялся, но после нескольких минут разговора становилось ясно, что по своей культуре он стоит значительно выше Власова. Незаурядного ума человек, он быстро схватывал любую тему разговора и вел ее очень уверенно, будучи очень начитанным и разносторонне развитым. Если не ошибаюсь, в Советской армии он имел чин генерал-майора, командовал дивизией, был так же, как и Власов, членом партии.

Как только оба появились на вечере, Власов сразу же завладел вниманием всех присутствующих. Это внимание его нисколько не тяготило, он, очевидно, сам считал, что имеет на него право, и поэтому держал себя вполне уверенно. Естественно, разговор прежде всего коснулся наболевшей темы — перспектив борьбы с большевизмом на фоне той всеобщей ненависти, которую вызывала политика немцев. Меня поразил неожиданный оптимизм Власова. «Эх, дали б мне несколько дивизий, я бы сразу всему свету показал, на какой гнилой основе Сталин строит свои успехи, — сказал он. — Наш русский, украинский, белорусский селянин хорошо понимает, что Сталин его обманывает, обещая всяческие блага после войны, но он дерется, не имея выхода из того тупика, в который его загнала судьба; в начале войны ведь сдавались тысячами, никто не хотел воевать. Поверили немецкому слову — и в результате немцы устроили массовое уничтожение всех этих людей, добровольно бросивших свое оружие».

Я, бывший недавно председателем украинского Красного Креста, рассказал о тех ужасах, которые происходили в лагерях военнопленных, и о той бессмысленной жестокости, с которой культуртрегеры расправлялись с военнопленными и беззащитным населением. Когда меня в начале 1942 года арестовало гестапо, следователь нашел у меня в столе большое количество донесений наших агентов из лагерей, рассказов и клятвенных заверений очевидцев и опросов самих потерпевших, чудом вырвавшихся из лагерей, — и обвинил меня в тенденциозном отборе этих фактов! Однако я был далек от всякой тенденциозности. У меня еще в памяти было свежо ужасное происшествие с одни киевским старым врачом. После продолжительных поисков ему посчастливилось найти своего единственного сына в лагере военнопленных в г. Хороле. Это был один из самых ужасных лагерей, в нем свирепствовал сыпной тиф, и несчастные пленные

гибли там сотнями ежедневно. Несчастный отец ходил повсюду с просьбами освободить сына, который был слабого здоровья. Его водили за нос обещаниями, и в конце концов, когда он получил это освобождение на руки и поехал в лагерь, он узнал, что его сын заболел сыпным тифом и накануне умер. Несчастные родители покончили жизнь самоубийством. И таких случаев было немало. Были и такие, когда сыновья и отцы погибали от голода в лагере, не имея возможности известить своих родных крестьян, живущих неподалеку, которые могли бы поддержать их.

Эти и подобные им примеры, которые я сообщил Власову и Малышкину, были причиной того пессимистического настроения, в котором я находился. Поэтому я высказал свое сомнение в том, что Власову удалось бы при наличии нескольких дивизий коренным образом изменить положение на Восточном фронте. Однако Власов настаивал на своем. Он считал еще возможным повалить Сталина — в том случае если немцы изменят свою политику по отношению к восточникам. Если немцы до сего времени вели политику уничтожения по отношению к своим врагам, то Сталин с не меньшей жестокостью уничтожал своих. «Ведь вам известно, какой расправе подвергается население после того, как большевики вновь занимают местность», — сказал он. И действительно, нам тоже было известно, что возвращение Красной армии несет с собой бесчеловечные расправы с теми, которым не посчастливилось унести ноги. «Наш народ находится сейчас в тупике, одинаково ненавидя и своих, и иноземных поработителей. Он ждет только сигнала, чтобы восстать».

Власов и Малышкин, видимо, искренне верили в то, что не всё еще потеряно, и свои надежды строили на том, что сейчас немцы организовали в Дабендорфе около Берлина школу пропагандистов, освободили много командного состава и сейчас ведут переговоры о более широкой легализации антибольшевистского фронта. Эта Дабердорфская школа послужила исходным пунктом в организации т. н. «РОА» — Российской Освободительной Армии. Все члены этой армии носили на рукаве буквы «РОА».[44]

Я в Берлине уже видел таких солдат. Я спросил Власова, какое он имеет отношение к этим частям. Он ответил уклончиво, хотя из ответа было ясно, что командуют этими частями немцы и что они в виде отдельных мелких соединений вкраплены среди немецких частей. В дальнейшем Власов выразил надежду, что все эти части ему удастся объединить под своей командой. Он уклонился также от прямого ответа, когда я ему поставил вопрос о его отношении к борьбе англо-американцев против Гитлера, но, когда мы возвращались втроем домой и уже никого с нами не

было, Власов обронил фразу, что он считает настоящую борьбу Германии против союзников только прелюдией к окончательной схватке между Сталиным и остальным миром. «Я ведь пленный генерал с ограниченным кругозором и ограниченными возможностями, — добавил он, — и поэтому я не могу отвечать за русский народ, но мне кажется, что он не имеет оснований питать вражду к англо-американцам».

В конце нашей беседы я затронул вопрос о том, как они мыслят себе национальное самоопределение многочисленных народностей, населяющих пространство Советского Союза, и в первую очередь народа украинского. Ответил на этот раз Малышкин: «Принцип Ленина — самоопределение вплоть до отделения должен быть положен в основу будущего союза государств. Мы верим в то, что совместная борьба народов России с общим врагом спаяет их настолько, что они в дальнейшем заключат демократический союз свободных государств. Ведь Ленин самым гнусным образом обманул народы России и вместо самоопределения дал им ГПУ и централизованную по сути Советскую власть. Только Сталин в своей конституции постарался этот обман затушевать красивыми фразами о праве каждой республики в любое время выйти из состава Советского Союза. Мы же с Власовым знаем, сколько правды в этой фальшивой декларации, — засмеялся он. — Если нашим надеждам удастся осуществиться и мы организуем антибольшевистский фронт народов России, то мы его себе мыслим как союз всех на паритетных началах, как союз равных с равными. Глубоко ошибаются те, которые в нас видят носителей идеи единой-неделимой, равно как ошибутся в нашей поддержке и те, которые узкие национальные интересы будут ставить выше интересов борьбы с большевизмом», — закончил он.

Власов только изредка вставлял одобрительные реплики во время этого заявления Малышкина. «Пусть никто не забывает, — добавил он, — что мы советскую идею не считаем самое по себе плохой, мы против обмана и насилия, против преследований политических противников, но не против того хорошего, что дала народам России Советская система. Поэтому со всякими реакционерами и единонеделимщиками нам не по дороге».

Со смешанными чувствами возвращался я домой с этой беседы. Оптимизм Власова и Малышкина плохо вязался с оккупационной политикой немцев, рабовладельческой их политикой в отношении остарбайтеров, исконным недоверием их к славянам, зверствами по отношению к военнопленным и т. д.[45] Однако я помнил последние слова Власова о том, что предстоит борьба между Сталиным и всем остальным миром. Мне казалось,

что новой эмиграции выпало на долю очутиться по другую сторону баррикады. Необходимо было организовать массы для этой предстоящей борьбы, необходимо было сделать всё, чтобы эти массы, очутившиеся сейчас за границами Советов, приняли участие в будущей борьбе против Сталина на стороне демократического мира. Кроме того, необходимо было положить начало какому-то новому центру антибольшевистского движения всех поневоленных народов бывшей России. И с этой точки зрения предстоящему освободительному движению должен был пожелать успеха каждый честный и непредубежденный человек.

Период с марта 1943-го по октябрь 1944-го

Приехав в Киев и привезя с собой животных с экспериментальным раком, я с головой окунулся в научную работу и постарался хотя бы на время забыть политику. Однако это, к сожалению, сделать не удавалось. Всякому уже было ясно, что на Восточном фронте наступил перелом и нам снова предстоит встреча со старыми «друзьями». Об этой возможности и неприятно, и страшно было даже подумать. Я уже упоминал о том, что до нас доходили известия о тех страшных расправах с населением, которые устраивали красные войска и НКВД в «освобожденных» местностях. Не было ни у кого сомнений, что большевики остались теми же, кем и были, — исступленными фанатиками, не останавливающимися перед любой подлостью для достижения своей цели. И все же, как я уже говорил, немцы до того успели насолить всему населению, что большинство его ждало большевиков как своих избавителей. Эти настроения усиливались тем набором рабочей силы, который проводили оккупанты. Мне, как руководителю научного учреждения, приходилось каждый день обивать пороги немецких учреждений, чтобы спасти своих сотрудников от мобилизации. В июле месяце уже появились беженцы из-за Днепра, рассказавшие о том, что немцы отступают быстрым темпом. Началась эвакуация Киева.

За время с марта по август в Киев, как и раньше, просачивалась весьма скудная информация относительно Власова. Однако то, что приходилось слышать, не всегда говорило в пользу солдат его частей. Указывалось, что солдат РОА немцы широко используют для борьбы против партизан в балканских странах. В газетах можно было встретить сообщения о борьбе солдат РОА на Западном фронте. Эти слухи и газетные известия совершенно не вязались с тем, что я слыхал от Власова и Малышкина, и поэтому я им не особенно доверял.

В сентябре месяце я получил официальный приказ об эвакуации. Я решил уезжать. Остаться — это значило снова влачить полурабское существование марионетки в руках партийных функционеров. К тому же далеко не было известно, как посмотрят большевики на мою общественную деятельность во время немецкой оккупации. Мое решение уехать ускорили сами немцы, издавшие приказ об обязательной эвакуации Киева от гражданского населения. В городе все равно оставаться было нельзя, поэтому погрузились в поезд и поехали.

После продолжительного и весьма богатого приключениями путешествия, которое заслуживает того, чтобы быть отдельно описанным, мы прибыли в Краков вместе с теми научными работниками, которые не захотели, подобно мне, остаться на милость победителей, и той аппаратурой, которая была необходима для продолжения натпих научных работ. В Кракове мы застали население, еще более враждебное, чем на Украине, и террор немцев, принявший еще более жестокие формы. Ежедневно афиши возвещали о расстрелах заложников, иногда даже эти расстрелы производились на глазах у населения, на улицах города. Немудрено, что атмосфера здесь была еще более насыщена активным и пассивным сопротивлением всех жителей. Вначале к нам, беженцам с Востока, относились недоверчиво, иногда с враждебностью, но в конечном счете поляки народ неплохой, с большевиками уже успели познакомиться и поэтому в глубине души нам сочувствовали. С помощью некоего д-ра Питча (теперь профессора и директора Гмелинского института) и его помощника д-ра Гирша нам удалось пристроиться при филиале их института и организовать вновь работу в наших лабораториях.

В Кракове нам удавалось доставать уже русские и украинские газеты. В русских газетах всё чаще и чаще упоминалось имя Власова в связи с организацией воинских частей среди военнопленных для борьбы с большевиками.

На улицах Кракова уже не редкость было встретить солдат РОА. Офицеров РОА было мало, зато много было казачьих командиров. Однако те сведения, которые нам удавалось собирать среди очевидцев, а иной раз и газетные сообщения не говорили в пользу этих казачьих войск. Прежде всего было определенно известно, что немцы бросали их на борьбу исключительно против партизан, на Восточном фронте их было совершенно ничтожное количество. Поэтому вполне понятна та ненависть, которую открыто высказывало польское население к этим «наемникам немцев» (под такой кличкой они были известны). Конечно, было бы несправедливо на основании тех незначительных сведений, зачастую неточных и необъективных,

обвинять эмиграционное казачество в «предательстве», коллаборационизме и проч. Несомненно, это не так, что показывает хотя бы тот факт, что когда возник Комитет Освобождения Народов России, то казачьи войска во главе со своими командирами заявили о своей верности идеям манифеста и просили наперебой послать их на борьбу с большевиками. Однако нельзя закрывать глаза и на тот факт, что нашлось немало проходимцев, которые бесчестили славное имя казачества, в чем им деятельно помогали немцы. Поэтому, я думаю, правильнее будет отложить решение о роли эмиграционного казачества во Второй мировой войне до более спокойного времени, когда объективный историк соберет все материалы и сделает нелицеприятные выводы.

Исходя из этого, я никак не могу сочувствовать той массовой выдаче большевикам казачества и его командиров, которая была произведена союзниками в первый послевоенный год. Всем известно, что генералы Краснов, Шкуро и др. были преданы т. н. большевистскому суду и убиты палачами в Москве. Эти генералы были еще задолго до Второй мировой войны известны своей враждебностью к большевизму, поэтому суд большевиков над ними является очередным издевательством над правосудием, к которому так привычны Вышинский и компания. Если трагедия этих генералов стала достоянием гласности, то можно не сомневаться в том, что все выданные союзниками казаки и командиры погибли либо в застенках НКВД, либо в концентрационных лагерях. Только с той разницей, что все эти несчастные были замучены за той стеной молчания, за которой гибнут в тоталитарной стране тысячи безвестных борцов за свободу. Да будет легка им земля!

В Кракове мне удалось наладить контакт с одним офицером РОА, неким Р., который работал в школе пропагандистов в Дабендорфе, и от него я был в постоянном курсе событий, происходящих в Берлине. Немцы упорно не хотели развязать руки Власову, используя его только в качестве пропагандной приманки для набора в свои части. Все время шли разговоры о том, что всем восточникам будет дана возможность объединиться, что будет организован комитет представителей и т. д., но пока далее разговоров дело не шло.

Пропаганда немцев принимала всё более вульгарный и фантастический характер, ясно, что немцы рассчитывали только на наивных простачков. Особенно меня возмутила грубая фальшивка, опубликованная в печати, кажется, в начале лета 1944 года: в телеграмме сообщалось о сбитом советском самолете, на котором летел какой-то агент НКВД. На трупе этого

агента будто бы были обнаружены списки всех тех бывших граждан, которых предлагалось расстреливать без суда в случае если они попадут в руки советских частей. Один, два «наудачу» приведенные списки заключали большое количество фамилий граждан самых разнообразных общественных слоев и профессий. Тут был и какой-то Мурза-Хан из Туркестана, и профессор N-ский, и военнопленный А…. . ский, и т. д. Конечно, полного списка никогда не было опубликовано, ибо его никогда не существовало в природе. Ясно, что эта фальшивка опубликована была с целью устрашить восточников и побудить их записываться в части РОА.

В толе 1944 года произошло покушение на Гитлера, впервые все, даже самые твердокаменные Гитлерманы почувствовали, что почва колеблется у них под ногами. Однако закулисная борьба, о которой я еще не знал, но только мог догадываться, препятствовала им признать наше право на свою организацию.

В щрле месяце я написал письмо Власову, в котором вспоминал о нашем кратковременном знакомстве и указывал ему на то, что немцы спекулируют на его популярности среди восточников и обманом завлекают людей в свои войска, используя их затем не для борьбы против Сталина, а как им заблагорассудится. Власов, какя узнал потом, письмо мое получил, но не успел мне ответить. Уже в Берлине он мне говорил, что в то время он получал сотни подобных писем. В августе месяце (как я потом узнал) он решился наконец остро поставить вопрос о дальнейшей своей работе, требуя своего заключения в лагерь военнопленных и отказываясь от всех своих привилегий в том случае, если ему и антибольшевистским силам ре будет дана возможность самостоятельной организации. Это подействовало, и, по словам Р., Власову были предоставлены некие помещения в Далеме (пригородная часть Берлина) и даны заверения, что в ближайшее время получит признание антибольшевистская организация.

Однако улита ехала весьма медленно, и ко времени моего дриезда в Берлин (октябрь 1944 г.) положение, по сути говоря, изменилось весьма мало: по-прежнему Власов никакой власти не имел и всеми частями РОА бесцеремонно распоряжались немцы. В Берлине я узнал несколько глубже подоплеку это топтания на месте: Власов и его чдсти находились почти исключительно в ведении министерств военного и пропаганды, которые использовали и* в своих интересах, не особенно считаясь с теми антибольшевистскими настроениями, которые побудили рекрутированных записаться в части РОА. Однако такая надувательская политика не могла продолжаться бесконечно: с одной стороны, количество вербуемых резко упало, с другой

стороны, и завербованные выражали всё более и более открыто свое возмущение. К этому же времени подоспел и энергичный протест Власова.

Необходимо было рамки антибольшевистского движения расширить. Об этом расширении уже давно говорили в министерстве иностранных дел и Остминистериуме. Как передавали, Риббентроп был сторонником предоставления самых широких прав Власову и тем кругам, которые его поддерживали, в то время как глава Остминистериума Розенберг (один из творцов расовой теории) был яростным противником этого проекта. Между ними происходила закулисная борьба в ставке Гитлера. К осени 44-го года военное министерство и Геббельс выступили в защиту расширения прав, и таким образом Розенберг очутился в меньшинстве. Для того чтобы придать больше авторитета своему решению, Гитлер поручил организацию антибольшевистских сил и всё наблюдение за ними Гиммлеру, который, видимо, серьезно продвинул дело. Такова была версия упомянутого Р., которую я только передаю здесь, не высказывая своего мнения.

Приехав в октябре в Берлин, я был удивлен той популярностью, которая была в настоящее время у Власова. Не ошибусь, если скажу, что имя Власова, как нового вождя освободительного движения, было буквально у всех на устах. Всюду в эмигрантских кругах только и было разговоров, что об изменившейся политике немцев в отношении антибольшевистских сил востока, об организации многих Власовских дивизий и проч. Все эти слухи находили свое подтверждение в многочисленных газетных сообщениях. Было также известно, что в последнее время Власов собирал у себя на квартире эмигрантскую молодежь, группы специалистов и научных работников, представителей казачьих частей и другие группы эмигрантов и на этих собраниях говорил о том, что в скором времени получит официальное признание «Комитет Освобождения Народов России», которому будет разрешена даже организация антибольшевистских воинских частей и т. д. Все эти сообщения были встречены с энтузиазмом всей эмиграцией, все с нетерпением ждали момента, когда можно будет работать в деле освобождения родины от антибольшевистской кабалы.

Вскоре по приезде в Берлин я решил лично повидать Власова и узнать от него подробности об организации. По телефону мне удалось договориться о дне и часе свидания, и я поехал в Далем.

Вторая беседа с Власовым

В распоряжение Власова была предоставлена вилла на Ribitzweg 9. У ворот часовой РОА с автоматом. По моей просьбе он вызывает адъютанта, который, узнав мою фамилию, без дальнейших формальностей допускает меня в приемную, которая одновременно служит рабочей комнатой для адъютантов. Обстановка необычайно скромна, нет даже мягких стульев. На маленьком столике лежат газеты и журналы на русском языке. Нигде в комнате нет ни одной немецкой надписи либо немецкой газеты. Как я потом узнал, Власов не говорил почти ни слова по-немецки и без переводчика шагу не мог ступить.

Мне пришлось ждать очень недолго, и я был впущен в кабинет к Власову. Это была большая комната, в которой в дальнейшем происходили заседания президиума; так же как и приемная, она была обставлена необычайно скромно, хотя в ней уже было несколько мягких стульев и диван. На стене репродукция с картины, не знаю какого художника, «Москва» и две маленьких картинки каких-то второстепенных немецких художников. Власов встречает меня добродушным: «Сколько лет, сколько зим». За истекший год он немного похудел, но в общем почти не изменился; как и ранее, только генеральские лампасы обнаруживают его генеральский чин, никаких погон либо нашивок нет. Френч цвета хаки.

«А мы тут вас без вас уже женили и решили ввести в состав Комитета Освобождения народов России», — продолжает гудеть он своим протодьяконским басом. Я осторожно замечаю ему, что я всего несколько дней в Берлине и совершенно не в курсе дел, поэтому прошу меня информировать о том, что происходит. «Помните нашу беседу в Берлине? — говорит Власов. — Так немцы наконец одумались и изменили свою политику. Я уже имею устное разрешение на организацию Комитета, на днях последует официальное признание. Надо, не ожидая его, приступать к делу. Прежде всего, мы выработали декларацию Комитета и назвали ее Манифестом, в котором содержатся все основные пункты нашей программы». Я спросил, не могу ли я познакомиться с ним. «Конечно. А…. . ов!» — крикнул он своим громовым голосом, который был слышен не только во всех закоулках его виллы, но, вероятно, и на улице. И, не дожидаясь, пока А…. . ов появится на горизонте, потребовал от него принести его портфель и папку. Когда последние были принесены, он извлек из них отпечатанный проект Манифеста.

«Я вам, конечно, не буду читать его дословно. Вы получите экземпляр и будете иметь время прочитать его внимательно. Вернее, его надо не столько читать, сколько изучать, так как по каждому пункту программы можно писать целые тома. Это уже

ваше дело, дело ученых людей, — с улыбкой добавил он. — Мы думали, что основными пунктами в программе, которые должны быть отмечены, есть: 1) отношение наше к большевикам и народам России, 2) отношение к союзникам, 3) отношение к немцам, 4) национальный вопрос и 5) социальный вопрос. Мы уже с вами говорили о том, как мы смотрим на большевиков. Это незаконная власть, которая держится на терроре и обмане, и поэтому у нас не может быть двух мнений на ее счет: мы своей целью должны ставить борьбу с большевизмом, какими бы личинами, национальными либо социальными, он ни прикрывался. Народы России — наши друзья, а не враги. То, что мы сейчас выступаем как бы против них, — это только кажущееся противоречие, так как при борьбе двух тиранов во все времена страдали невинные граждане, которые силой были вынуждены их защищать. По договору с немцами, нам предоставляется полнота власти на освобожденных территориях, немцы обязуются поддерживать с нами только добрососедские отношения, не больше. (Мне казалось, что Власов искренне в то время верил в порядочность немцев и непреложность их обещаний.) Так что они безоговорочно отказываются от своей прежней колонизаторской политики, — продолжал он. — По отношению к союзникам мы занимаем сейчас нейтральную позицию, и, что указывает на честность немцев, они нас не принуждают объявлять их своими врагами. (Довольно малое утешение, невольно подумал я.) То, что мы в Манифесте нападаем на союзных плутократов, никак не определяет еще полностью нашего отношения к мировой войне. Происходящая война является только началом борьбы против большевизма, если ему суждено победить. Мы с вами знаем, что для большевиков Черчилль и Рузвельт такие же злейшие враги, как и Гитлер; мы знаем, что, даже победив Гитлера, они будут считать сделанным только половину дела, хотя сейчас они с союзниками такие друзья, что их водой не разольешь. У будущей свободной России не должно быть вражды ни к немцам, ни к союзникам.

В национальном вопросе, как вы уже знаете, мы стоим на платформе полного национального самоопределения. Каждый народ сам должен решить (но по-настоящему, по-честному, а не по-большевистскому), останется ли он в составе будущей свободной России, либо образует самостоятельное государство. В особенности это касается украинцев, — добавил он, зная, что я украинец и люблю свой народ и свою культуру. — В отношении будущего государственного и социального устройства мы не стоим на позициях полного отрицания всего того, что сделали большевики для народов России. Несомненно, есть немало

позитивных достижений, которые следует и в будущем государстве поощрять и развивать, но есть и много таких сторон их деятельности, которые нельзя терпеть, — например, полицейский тип государства, террор, отсутствие даже элементарных свобод, колхозная система и проч. Мы вполне определенно высказываемся в отношении частной собственности, которая нами безоговорочно признаётся, и в отношении религии, признавая полную свободу вероисповеданий».

После этих кратких объяснений Власов прочитал мне соответственные пункты Манифеста, указав, что все они должны подвергнуться детальному обсуждению на первом заседании Комитета, на котором могут быть внесены поправки. «Вы можете познакомиться со списком всех тех лиц, которые уже дали согласие работать в Комитете. Среди них вы найдете представителей всех национальностей и профессий. Думаю, что вы не откажитесь поддержать компанию», — шутливо добавил он.

«Авы уверены в том, что немцы теперь серьезно и честно решили изменить свою политику и что они перестанут использовать вас и части РОА только как метод пропаганды, посылая РОА вовсе не для борьбы против большевизма, а для полицейски-жандармских усмирений тыла?» — спросил я. «Конечно, уверен, — ответил Власов. — Да и, кроме того, мы ведь можем в любой момент разорвать наше соглашение, увидев, что они нас обманывают». — «А как вы представляете себе разрешение вопроса с рабочими с востока? — спросил я. — Неужели же они и впредь, при наличии Комитета, будут продолжать влачить рабское существование и носить отличительные значки?» — «Я уже ставил этот вопрос немцам, и они обещали его урегулировать в самом ближайшем времени», — ответил Власов. (Увы… Как он ошибался, полагаясь в этом да и во многих других вопросах на честность нацистов, покажут мои последующие воспоминания.)

Затем я задал Власову вопрос о том, как он мыслит себе работу Комитета: будет ли и у нас пресловутый нацистский «fuhrersprinzip», либо в основе работы будет лежать самая широкая демократия? Власов уверил меня, что он иначе как демократическим себе будущее руководство и не представляет. «Сейчас нашей задачей является подготовить почву для будущего освобождения и затем уйти, передав всю власть настоящим избранникам народа», — сказал он. Я поблагодарил Власова за его внимание и столь долгую беседу, пообещал ему хорошо всё обдумать и через два-три дня дать ему окончательный ответ о своем вступлении в Комитет. «Вот и хорошо, — прогудел он. — Кстати, тогда снова увидитесь с Малышкиным, так как меня

может и не быть». На этом мы с ним попрощались и расстались.

Беседа эта произвела на меня очень большое впечатление. Конечно, одна беседа не могла исчерпать всех вопросов, которые я хотел поставить Власову; в частности, я совершенно не затронул вопроса об отношении к евреям. Однако и того, что я услыхал, было достаточно, чтобы понять, что Власов дерзает положить начало антибольшевистской акции, рамки которой значительно шире, чем настоящая борьба фашизма с большевизмом, в которой по иронии судьбы демократии выступают в союзе с тоталитаризмом. Как уже указывалось, мало кто уже в Германии был настолько наивен, чтобы верить пропаганде Геббельса о неизбежности победы Германии. Я не принадлежал к числу этих оптимистов и не сомневался в ее поражении. Однако вполне естественно, я не поставил этого вопроса Власову, так как понимал всю трудность и ответственность его положения («ведь я пленный генерал», — любил говаривать он).

Позже, когда я познакомился ближе с Власовым, я узнал, что уроки китайской дипломатии не прошли для него даром: он часто рассказывал о том, как ему однажды пришлось увидеть двух китайцев, которые оказывали друг другу максимальные знаки уважения и почета. «Что это, закадычные друзья?» — спросил он. «Нет, это самые злейшие враги, — последовал неожиданный ответ. «Вам не следует никогда забывать этой истории, особенно теперь, и всегда иметь ее в виду при нашей дипломатии», — всегда прибавлял Власов. Таким образом, я не рискнул сейчас поставить вопрос ребром и обошел его молчанием. Все же для меня было ясно, что Власов делает ставку не на победу немцев, а на те антибольшевистские силы новой и старой эмиграции, которые находились в Германии.

Я сам не сомневался в том и не сомневаюсь и теперь, что большевизм — это зло не местное, российское, а интернациональное, и поэтому борьбу с ним нужно вести путем объединения всех антибольшевистских сил. Большевизм есть злейший враг и для заядлого монархиста-единонеделимовца, и для социалиста-националиста, и для интеллигента кадетского толка. Поэтому все эти даже непримиримые между собой течения должны найти общий язык в борьбе против тоталитаризма. Необходимо понять, что большевизм совершенно исключает существование каких-либо политических оппонентов и просто физически уничтожает их, в то время как любое ранее упомянутое направление не исключает легальной борьбы с ним (конечно, мы не допускаем даже возможности абсолютной монархии в стиле крайних приверженцев первого течения, потому что она мало чем отличалась бы от тоталитаризма большевиков). Пока эта простая

истина не будет усвоена, большевики всегда будут разлагать своих противников, играя на их социальных и национальных противоречиях.

Поэтому я приветствовал в душе стратегическую идею Власова и находил ее единственно правильной. Я считал также, что, организуя антибольшевистские силы, мы подготавливаем почву для будущей борьбы с большевизмом, которая совершенно неизбежно у демократий, так как обе системы несовместимы. Кроме того, работа в Комитете представляла единственную легальную возможность активной помощи остарбайтерам и военнопленным в том случае, если упомянутое выше обещание о немедленном уравнении их в правах с немцами будет замедлено выполнением. В особенности меня, как врача, соблазняла возможность активной медицинской помощи нашим соотечественникам, которые имели несчастье носить значок «OST». Однако были и сомнения, не верилось немцам, поэтому я хотел прежде всего посоветоваться с друзьями, и в первую очередь с украинскими кругами.

Несколько слов о себе

Я считаю необходимым в нескольких словах изложить свое политическое кредо и отношение к украинскому национальному движению, так как иначе будет не вполне понятна моя позиция в Комитете Освобождения народов России. Я принадлежу к тем украинцам, которые любят и уважают свою род ную украинскую культуру, но в то же время с не меньшим уважением и любовью относятся и к культуре русской. Я принадлежу к тем украинцам, которые всё свое образование получили на русском языке, которые воспитались на идеалах русских писателей, переросших узконациональные рамки и ставших достоянием общечеловеческой культуры. Я принадлежу к тем украинцам, которые не относятся с враждой ко всему, что имеет хотя бы малейшее отношение к русскому; я не принадлежу к тем зоологическим националистам, которые готовы во всех своих несчастьях винить русский народ, а не тот проклятый советский режим, под бременем которого страдают сейчас народы России. Разве Соловки, Беломорский канал, Колыма и прочие голгофы усеяны костьми и политы кровью узников только одного украинского народа, а не всех народов и больше всего русского? Нет, советско-большевистская диктатура одинаково гнетет все народы.

Гнусной ложью являются пропагандистские утверждения, что

русский народ и, в частности, русская интеллигенция примирились в своей массе с большевистской диктатурой и в большинстве поддерживают ее. Я не имею ни права, ни смелости бросить камнем даже в тех интеллигентов, которые из страха репрессий замкнулись в свою скорлупу и прячут свое «я» за трескучим шаблоном советской фразеологии. Я знаю, что такое террор НКВД, ибо я жил под ним 25 лет.

Наряду с этим я считаю совершенно неоспоримым существование украинского народа, имеющего право на свой язык и свою культуру. К сожалению, последние три четверти века усиленной русификации, проводившейся тоталитарной царской властью (хотя по сравнению с кровожадным большевизмом царский режим является сейчас невинным голубком), значительно подорвали украинскую культуру, но, несомненно, эта культура расцветет пышным цветом в условиях демократического государства. Я признаю также неоспоримое право украинцев на свое самостоятельное государство в том случае, если народ этого захочет. Я лично не считаю таким уж смертным грехом и сосуществование с Россией на федеративных началах — конечно, только в том случае, если будет обеспечено демократическое государство. Честно говоря, я вообще не представляю себе самостоятельной Украины в том случае, если в России будет тоталитарный режим. Для меня ясно, что такой режим в самое короткое время поглотит Украину и прочие государства, которые могли бы, подобно Украине, возникнуть на окраинах бывшей России. Таким образом, на мой взгляд, путь к демократической Украине лежит только через демократическую Россию.

Я знаю, что ревниво оберегающие свои домены политические деятели выразят свое возмущение по поводу того, что какой-то малоизвестный доктор, к тому же не занимавшийся специально политикой, осмелился выразить свое малокомпетентное мнение по столь важному вопросу. Пусть себе возмущаются, я не претендую на титул вождя, но право высказать свое мнение я имею, тем более потому, что, как я уверен, подавляющее большинство т. н. восточных украинцев подпишутся под ним.

Когда немцы заняли Киев, на следующий день на улицах появились призывы на украинском языке за подписью Ст. Бендеры с призывом уничтожать «жидів, поляків и москалів, бо вони суть твоїми віковічними ворогами». Эти, с позволения сказать, «демократические» лозунги были встречены населением весьма враждебно, и их пришлось вскоре убрать. Однако в Киев приехало значительное количество западных украинцев и старых эмигрантов, которые привезли с собой шовинизм, неизвестный

местным украинцам. Дело от этой нетерпимости ко всему, что не имело штампа «украинский», только страдало, потому что под давлением всех этих элементов приходилось брать на ответственные места малокультурных и малоспособных людей только потому, что они были украинцами.

Я хорошо узнал эту нетерпимость в бытность мою председателем Украинского Червонного Креста. Украинцы с Запада принесли с собой кроме указанного шовинизма к другим национальностям также и нетерпимость по отношению к инакомыслящим, своим же украинцам. Бендеровцы враждовали с мельниковцами, те и другие не переваривали «унровцев» (партия Украинской Народной Республики) и т. д. Ту же атмосферу узкого национализма мне пришлось встретить и во время эмиграции сначала в Кракове, а затем в Берлине. Для того чтобы заслужить титул «доброго украинца», необходимо было говорить только на украинском языке, носить только украинские сорочки, поносить всё русское и ходить только на украинские спектакли. Теперь передовые украинские писатели уже поднимают свой голос против этого примитивизма, однако он еще далеко не изжит, и его все время приходится чувствовать весьма больно.

Мне нечего было и пытаться говорить с указанными «добрыми украинцами» в отношении моего вступления в Комитет — можно было не сомневаться, что я встретил бы только отрицательное отношение и был бы проклят за то, что осмелился даже подумать о возможности совместной работы с русскими. Поэтому я решил поговорить с несколькими украинскими интеллигентами, которые, как я знал, способны мыслить объективно. Профессор М., инженер К. и другие согласились со мной в том, что борьба с большевизмом возможна только при условии единения всех порабощенных им народов. Один видный украинский деятель, занимавший весьма ответственный пост в Остминистерстве, сказал даже мне, что он считает объединение всех антибольшевистских сил в Комитете Освобождения народов России единственно возможным способом борьбы. Однако все они высказывали опасение, что Комитет будет носить ярко выраженный единонеделимовский характер. Я возразил, что от нас самих будет зависеть направление его деятельности, ибо чем нас будет больше, тем больше будет наше влияние. И наоборот, если нас там не будет, то один из важнейших участков национальной работы — украинский останется без руководства либо попадет в нежелательные руки. Все они согласились со мной, однако колебались дать окончательное согласие и просили меня также задержать свое вступление в Комитет. Каких-нибудь других возражений общеполитического порядка мне не пришлось

услыхать.

В результате всех этих разговоров у меня создалось впечатление о том, что все одобряют стратегическую идею образования Комитета, но все боятся русского засилья и русской диктатуры. Так как я никогда не боялся этого жупела, во многом обязанного своим происхождением пронемецкой ориентации некоторых украинских кругов, то я, наполовину решившись уже войти в состав Комитета, решил все же еще поговорить предварительно с Малышкиным.

Беседы с Малышкиным и Закутным

Дня через два после свидания с Власовым я связался телефоном с генералом Малышкиным и условился с ним о свидании. Здесь я застал обстановку еще более скромную, чем у Власова. Всё напоминало фронтовую полосу, только в канцелярии работали две-три скромно одетых машинистки совершенно не типичного секретарского вида. Малышкин меня встретил очень приветливо и познакомил с находившимся здесь генералом Закутным. Оба генерала только своей выправкой обличали в себе военных людей, одеты были же весьма просто в штатское. Малышкин сразу же отметил, что Закутный является одним из самых близких Власову людей и поэтому в его присутствии я могу говорить совершенно откровенно.

Я сразу же перешел к делу. Прежде всего я указал на те же сомнения, которые имеются в украинских кругах в отношении русского засилья. «Кто же мешает украинцам вступить к нам и сделать соотношение сил обратным? Между тем с украинцами мы имеем наибольшую мороку — то они согласятся участвовать, то затем по телефону берут свое согласие обратно. (Малышкин имел в виду, очевидно, редактора украинской газеты в Берлине г-на К.… . а, видного украинского деятеля, а также одного известного украинского профессора, которые отказались, дав предварительно свое согласие.) Интересно, что ни с одним другим националом такой эквилибристики не было, все, как достаточно взрослые люди, однажды согласившись, уже не позволяют себя переубеждать. Ведь каждый волен в любой момент выйти из Комитета, увидев, что его работа носит нежелательный характер. Однако, я думаю, правильнее войти в Комитет, чтобы работать здесь, а не заниматься болтовней и своей работой создать желательное направление», — закончил он.

Должен сказать, что Малышкин обладал удивительно ясным и логичным умом и если выступал на заседаниях, то умел всегда

найти правильную линию, наиболее приемлемую для большинства. Так и сейчас, видно было, что его слова тщательно продуманы, а не созданы экспромтом настроения.

В нашу беседу вмешался Закутный. «Мы, — сказал он, — категорически против вступления в Комитет представителей каких-либо партий либо течений, Комитет должен быть свободным от партийной борьбы. Поэтому мы приглашаем для работы в Комитете людей не потому, что их рекомендует какая-либо организация, а потому, что они по своим личным достоинствам нам кажутся подходящими для работы. Поэтому мы не хотим стать на скользкий путь составления Комитета из представителей национальностей и бесчисленных группировок, которые в каждой из них имеются. Комитет, составленный по принципу партийного и национального представительства, неизбежно превратится в место бесконечных споров и взаимных упреков, которыми его члены будут заниматься вместо работы». «Это, конечно, не противоречит тому, — добавил Малышкин, — что мы в Комитете предполагаем организовать национальные сектора. Однако эти сектора должны состоять из непартийных, независимых людей, которые были бы связаны в своих решениях интересами дела, а не партийной либо национальной программой. Нельзя забывать ни на мгновение нашу основную цель — борьбу с большевизмом».

Затем я спросил Малышкина о том, доверяет ли он нацистам. Малышкин был откровеннее Власова. «Я не особенно большой оптимист в этом отношении, — сказал он. — Но ведь у нас нет выхода. Весь вопрос, представим ли мы сколько-либо значительную силу, с которой надо будет считаться при попытках использовать освободительное движение только как пропагандный материал. В этом отношении я оптимист и уверен в том, что нам удастся организоваться».

Закугный был еще откровеннее: «Я нисколько не сомневаюсь в том, что немцы войну уже проиграли. Я считаю, что они не продержатся более, чем один год. (Он ошибся на шесть месяцев.) Это время мы имеем в нашем распоряжении, чтобы организовать антибольшевистский фронт. Я убежден, что в России вскоре вспыхнет противокоммунистическое восстание и тогда понадобятся те кадры, которые мы здесь должны будем вырастить». И Малышкин, и я не верили в возможность восстания, хотя мы были убеждены, что сильное недовольство советским режимом несомненно имеет место. «Если бы не помощь союзников, не за страх, а за совесть, то, конечно, большевики не выдержали бы, теперь же неизвестно, — сказал Малышкин. И добавил: — Хорошую змею они отогреют на своей груди».

Ввиду того, что в проекте Манифеста я не встретил упоминания об отношении к евреям, я спросил Малышкина, как он себе представляет еврейский вопрос в будущей свободной России. «По понятным причинам мы не могли в Манифесте подчеркнуть наше отрицательное отношение к расистской теории, — сказал он. — Однако оно само собой разумеется из тех гуманитарных тезисов, которые лежат в его основе. Мы не можем ни проповедовать, ни поощрять антисемитизм, как не можем представить себе подавление одной национальности другой в будущем свободном союзе свободных государств, который, как я глубоко убежден, возникнет на территории нынешнего Советского Союза», — сказал Малышкин.

«А отношение к союзникам?» — спросил я. «Я глубоко убежден, что народы России не имеют никакой вражды к союзникам. Однако я считаю, что союзники делают глубочайшую ошибку, помогая своему потенциальному врагу, за которую им дорого придется заплатить в будущем. Своей помощью Сталину они хотят ускорить момент победы над немцами и тем самым предотвратить пролитие большого количества крови своих граждан. Однако им рано или поздно придется схватиться с большевиками в единоборстве, и тогда потекут реки крови». Эти пророческие слова Малышкина произвели на меня большое впечатление, и я их тогда же записал в своем дневнике.

Беседа с Малышкиным и Закутным, которая велась в весьма откровенных тонах, убедила меня, что войти в Комитет необходимо. Я попросил перед уходом у Малышкина список членов Комитета и увидел среди них много знакомых разных профессий и социального положения. Пообещавши на следующий день дать окончательный ответ, я откланялся. (В скобках более поздняя приписка: «Подробнее относительно принципа организации Комитета».)

На следующее утро я отправился поговорить с одним пастырем, отцом Адрианом, которого я знал еще по Киеву и мнением которого очень дорожил. Я рассказал о предложении, которое мне сделано, и о тех сомнениях, которые обуревали меня и не позволяли мне с легким сердцем согласиться на такой ответственный шаг. У меня не могли изгладиться из памяти те ужасы, которые мне пришлось пережить и видеть во время ареста в гестапо; еще свежи были воспоминания об обмане нацистов, которые уже раз обещали населению освобождение от одного террора, с тем чтобы дать взамен свой. И согласно Козьме Пруткову: «Единожды солгавши — кто тебе поверит». Кроме того, вступая в Комитет, я прямо или непрямо связывал себя с военной противоболыпевистской акцией, следовательно, одобрял

формирование частей РОА, предназначенных, как некоторые говорили, для братоубийственной войны. И, наконец, вступая в Комитет, я как бы вступал в союз с нацистами, кривя сердцем, так как их расистскую, разбойничью «культуртрегерскую» политику я глубоко ненавидел и презирал. Всё это рассказал батюшке и просил его совета и благословения.

«Тяжкое испытание послал Всемогущий Бог народам России, — сказал отец Адриан. — Тяжки те жертвы, которые они понесли, и одному Богу известно, сколько еще страданий им предстоит на этом крестном пути. Кремлевские атеисты, руководимые гордыней ложного превосходства разума над духом, поработили наши народы, отняв у них право распоряжаться своей судьбой. Сотнями тысяч гибнут лучшие люди народов России в ссылках, концентрационных лагерях, на плахе, гибнут за то только, что осмелились в той или иной степени поднять свой голос протеста против безбожного режима. Поэтому всякий христианин обязан бороться против этого мирового зла, бороться даже с мечом в руках, ибо если победят большевики во всем мире, то наступит царство антихриста. Я благословляю тебя, сын мой, войти в Комитет и приложить все силы к тому, чтобы облегчить страдания наших народов и здесь на чужбине, и в будущем — на освобожденной родине. Посмотри, с какой надеждой и радостью встретили весть об образовании Комитета наши «остарбайтеры», независимо от национальностей, несмотря на то, что кому как не им не любить немцев, а ведь голос народа — голос Божий. Вступая в Комитет, ты заключаешь союз с немцами не ради их дела, а ради своего святого дела — борьбы со Сталиным и его заплечных дел мастерами. Разве большевики оставили нам какую-нибудь иную возможность легальной борьбы, кто же нас осмелится осудить, если мы сейчас поднимаем свой голос протеста?»

Долго еще говорили мы с батюшкой, и в конце концов я ушел с окончательным решением вступить в Комитет. Отец Адриан благословил меня, я приложился к раке с мощами Великомученицы Варвары, с которыми он никогда не расставался, и ушел, решив вечером позвонить Малышкину.

В тот же день мне пришлось еще иметь разговор с упомянутым К. — украинцем, работавшим в Остминистериуме. Он сразу на меня набросился: «Здесь все возмущены вашим намерением вступить в авантюру Власова, ведь вы же принимали участие в Украинском движении, бывши председателем Украинского Червонного Креста! Ваша работа у Власова может быть истолкована как примирение украинцев с неделимовцами» и т. д. в том же стиле. Я слушал буквально ошарашенный, ведь этот

самый К. только два дня тому назад говорил мне совершенно другие вещи. Я спросил, чем объяснить его перемену взглядов за такое короткое время, быть может, что-либо произошло мне неизвестное? Оказывается, ничего нового не произошло. Между тем как К. продолжал без устали отпускать всякие эпитеты по адресу Власова и Комитета, я спокойно предложил ему прекратить столь малоубедительную аргументацию и попросил все же сказать, в чем дело, почему вдруг возникла такая горячность.

«Вы что, отрицаете самый принцип необходимости единения в антибольшевистской борьбе, что ли?» — спросил я. Оказывается, что нет, однако Власов и его компания — это простые авантюристы, с которыми честным украинцам не по дороге. «Может быть, вам известны какие-нибудь факты, говорящие о предательстве и авантюризме затеи Власова?» — спросил я. Нет, ему таких фактов неизвестно, однако украинская общественность не сомневается в том, что Власову доверять нельзя. «Простите, — сказал я, — ну хотя бы это было и правдой, и Власов с его ближайшими сотрудниками оказались авантюристами и жуликами (хотя, на мой взгляд, не делает большой чести обвинять в таких серьезных преступлениях, не имея никаких фактов), но все же какое это имеет отношение к стратегической идее Освободительного движения — объединению всех сил для антибольшевистского фронта? И вместо того чтобы заниматься политикой саботажа Комитета, не проще ли войти в Комитет и, работая здесь, изнутри проверить справедливость всех тех обвинений, которые распространяются вами и иже с вами?» — спросил я.

На оба своих вопроса я не получил сколько-либо убедительного ответа. К. старался отделаться общими фразами и приводил аргументы вроде таких, что Власову и его ближайшим сотрудникам нельзя доверять, потому что они являются коммунистами и советскими генералами, что они убежденные единонеделимовцы (почему — одному Богу известно) и проч. В конце своей филиппики К. дал мне понять, что, войдя в Комитет, я поставлю себя вне рядов Украинского движения.

Эта дикгаторски-партийная манера, которой мог бы позавидовать любой коммунист, меня окончательно взорвала. «Кто вам дал право ставить мне такие требования, ведь я не принадлежу ни к каким партиям и если вступаю в Комитет, то вступаю как профессор Богатырчук, украинец, но не как представитель какой-либо партийной группировки либо тем паче — украинского народа. Я вступаю в Комитет потому, что считаю: если мы не объединимся для борьбы против общего врага —

большевизма, то он всех нас скушает поодиночке, независимо от наших партийных взглядов! Что же касается необоснованных обвинений в авантюризме, то они с не меньшим основанием могут быть предъявлены и деятелям украинского комитета», — закончил я. На этом мы расстались весьма холодно, поняв, что нас теперь будет разделять пропасть…

В тот же день вечером я позвонил Малышкину и попросил его записать меня в состав членов Комитета.

Часть 2

Начало работы Комитета

В третьей декаде октября, когда я вступил в состав Комитета, я застал следующую схему работы: 1) Власов с подчиненной ему лично его канцелярией, которой заведовал полковник Кромиади, 2) намечающиеся организацией главное административное либо организационное управление во главе с В . Ф. Малышкиным, 3) главное управление пропаганды во главе с генералом Г. Жиленковым, 4) главное военное управление со штабом вооруженных сил РОА во главе с генералом Трухиным и 5) главное гражданское управление во главе с генералом Д . Е. Закутным. Эта схема организации, кстати сказать, весьма мало совершенная, возникла, как мне потом рассказывал Трухин, в результате длительных дискуссий между основоположниками РОА еще в бытность их в лагере для военнопленных. Впоследствии к ней привыкли Власов и другие генералы и считали нерациональным эту структуру изменять.

Власов любил повторять: «Главное — это работа, организационная же схема дело второстепенное». Однако, хотя в принципе он был и прав, на деле же не всегда всё шло гладко, так как некоторые управления дублировали работу других и часто возникали конфликты на этой почве. Так, например, Организация народной помощи, которую мы раньше предполагали в виде Красного Креста, организовывалась одновременно и при административном управлении, и при гражданском управлении. Последнее объявило сбор пожертвований, начали поступать деньги, вещи и продукты, когда вдруг выяснилось, что этой же организацией занимается и административное управление, которое и было в конце концов уполномочено Президиумом продолжать эту работу. Между тем пожертвования по почте до самого конца работы Комитета продолжали поступать на наше имя, и так как их было немало, нам приходилось чуть ли не

держать специального работника, чтобы их получать и передавать организации при другом управлении. Были и другие недоразумения. Правда, никаких серьезных конфликтов, и после нескольких телефонных разговоров либо личных свиданий между начальниками управлений эти недоразумения удавалось быстро ликвидировать, однако на их улаживание уходило дорогое время.

Малышкин предложил мне связаться с Закутным, вместе с которым я должен был работать. Генерал Д . Е. Закутный всегда был в штатском; он был чуть ниже среднего роста, коренастый, с тихим голосом. Смеялся очень редко, был строг и к себе, и к подчиненным. Он был очень образованный человек, особенно в отношении социальных наук, и с мнением его очень считался Власов. Умел довести дело до конца, когда мог, однако быстро охладевал, если встречал неожиданные препятствия. Характер у него был неровный, и с ним работать было трудновато. Как у всякого военного человека, у него было несколько пренебрежительное отношение к нашему брату — штатскому, поэтому он частенько вмешивался в те специальности, о которых имел самое отдаленное представление. Однако кто из нас без недостатков! Самое важное, он был человек честный и искренне переживал вместе с нами те трудности, которые нам приходилось встречать. После того как выяснилось, что немцы колеблются выполнить основное наше требование — снять значок остарбайтера с наших работников, он сразу охладел и в дальнейшем относился к своей работе весьма формально. По адресу немцев он стал выражаться весьма недвусмысленно, как будто можно было ожидать от них чего-либо большего и как будто только от немцев зависел успех нашей работы. Словом, он был человек военный, а не политик.

Закутный сразу же мне выделил участок работы по моей специальности — управление всей медицинской работой. Основной моей обязанностью была проверка медицинского обслуживания лагерей остарбайтеров и способствование улучшению этого обслуживания. Кроме того, как выяснилось, начинающаяся организация частей РОА требовала также медицинского обслуживания, которое пока совсем не было налажено. Так как не было ни штатов, ни средств, ни помещений, то пока что приходилось ограничиться беседами с заинтересованными управлениями.

Прежде всего я отправился знакомиться к Ф . И. Трухину. Высокий, красивый, очень воспитанный и культурный человек. Носил генеральскую форму немецкого покроя, но с нарукавным значком РОА. Произвел на меня очень большое впечатление своей серьезностью и продуманностью всех своих слов. Обстановка

работы очень скромная, никакой охраны. Я спросил его с места в карьер, какой армии он генерал и что собой сейчас представляет РОА. Он не сказал мне ничего нового — как я и предполагал, он пока что был генералом без армии. Рассеянными частями РОА заправляли немцы, использовавшие их главным образом для очистки тыла, в распоряжении же Трухина было ничтожно малое количество солдат караульной службы. Как он сказал, немцы обещают сразу же после оформления Комитета выделить в распоряжение Власова бригаду, которая послужит ядром будущих формирований. В стадии организации находится и школа командного состава. Так что с военной точки зрения Власов и подведомственные ему части представляли величину совершенно ничтожную, другое дело эти части с точки зрения антибольшевистской пропаганды! Как мы увидим далее, президиум главным образом только в этом отношении видел в них главную свою надежду на борьбу с сотнями Сталинских дивизий.

Я спросил Трухина, как в настоящее время проходит вербовка в части РОА и какое он имеет отношение к этому. Выяснилась довольно безотрадная картина: вербовкой добровольцев ведает немецкий генерал Кёстринг, и они пока что поступают исключительно в его распоряжение. Трухин не имеет никакого представления о количестве таких добровольцев в немецкой армии. Однако пропагандисты из Дабендорфа принимают деятельное участие в вербовке, они разъезжают по лагерям, агитируют, а иной раз им приказывают говорить, что добровольцы будут находиться под командованием Власова. Так как Власов пока что никакого отношения к командованию не имеет, то весьма вероятно, что этих добровольцев бессовестно обманывают. Трухин выразил надежду, что с организацией Комитета все эти безобразия прекратятся, так как Власов получит под свою команду все части РОА.

Я спросил также Трухина о других добровольческих антибольшевистских частях, а именно о т. н. «Русском добровольческом корпусе», казачьих войсках, украинских частях и пр. И по этому вопросу Трухин не мог дать сколько-либо исчерпывающей информации, он сказал, что эти соединения не имеют даже отдаленного отношения к частям РОА и всецело находятся в ведении генерала Кёстринга и главного штаба. После того как образуется на деле главный штаб РОА, эти части также будут, вероятно, подчинены ему.

Медицинская служба совершенно не была налажена; достаточно сказать, что во всей РОА тогда была только одна амбулатория, во главе которой стоял молодой врач с

фельдшером-помощником. Ввиду того что в то время и Трухин, и я верили в скорую передачу разрозненных частей РОА в общее ведение Власова, необходимо было сразу же подумать об организации медицинского обслуживания этих частей. Трухин мне предложил срочно заняться этим делом. Я ему указал на свой малый опыт в военномедицинском деле и на то, что я уже дал согласие работать по гражданской части. Однако я обещал ему приложить все свои силы к тому, чтобы положить начало военномедицинской службе и приискать подходящего человека для поста начальника.

В дальнейшей части нашей беседы, которая велась в очень откровенном и дружеском духе, я указал ему на то, что меня неприятно поразило присутствие немецкого орла на форме РОА «Ведь для того чтобы большевикам вести пропаганду против РОА и доказать ее немецкое происхождение — им достаточно только фотографировать эту форму и показать красноармейцам», — сказал я, искоса поглядывая на орла, вышитого на груди генерала. «Вы не представляете себе, сколько мы поломали копий из-за этого поганого орла! — сказал он мне. — Один момент немцы совсем уже было согласились снять его, теперь опять уперлись, как упрямые ослы. Думаю, что после организации Комитета вопрос о собственной форме РОА будет поставлен со всей серьезностью». (К сожалению, «упрямые ослы» дотянули это снятие до марта месяца!)

В последующем мы затронули общие наши задачи борьбы с большевизмом. Трухин выявил себя высокообразованным человеком (он единственный из генералов, кто владел иностранными языками), по-видимому, в молодости он был членом социал-демократической партии (меньшевиков). Он сказал мне, что не может сейчас принять большевизм, так как последний давно перестал быть социализмом и переродился в самый эксплуататорский государственный капитализм, который когда-нибудь знало человечество.

«Пока я был в СССР, я занимался своим военным делом и гнал от себя всякие мысли, зная, что за них весьма легко попасть в НКВД. Попав же в плен, я имел достаточно времени подумать обо всем, начать же самостоятельно думать — это значит понять ложь большевизма и то зло, какое он несет народам России. Мне, как военному человеку, особенно тяжело было решиться на выступление против Сталина, ведь этим я себя ставлю в ряды «изменников и предателей» родины, как нас не замедлят представить большевики. Однако как нам иначе бороться против большевизма? Чтобы бороться с этим дьявольским режимом, опутавшим нашу душу и тело тысячью уз, сковавшим нашу волю,

мы вынуждены сделаться предателями, ибо каждый противник большевиков, политический или военный, консерватор или социалист, есть предатель. Если большевики получают власть над своим противником, они его ликвидируют! Уже тот факт, что я попал в плен, достаточен для того, чтобы меня в лучшем случае держать под подозрением, в худшем же случае я буду предан военному суду. Не желая быть в положении кролика, который вечно находится в ожидании эксперимента над собой, я выбрал единственно возможный выход — борьбу против угнетателей и эксплуататоров народов России. Я уверен, что в будущем, как бы эта война ни закончилась, нас никто не осудит и, наоборот, помогут нам продолжать борьбу. (Увы, как жестоко ошибся бравый генерал, предвкушая одобрение власовской акции союзниками, показывают послевоенные события, когда все власовские генералы были выданы для «суда» и расправы своим заклятым врагам.)

В дальнейшем наша беседа коснулась национального вопроса. Здесь, как это, к сожалению, часто встречается, такой образованный и культурный человек, каким несомненно был Трухин, обнаружил либо полное равнодушие, либо мало совместимую с его интеллигентностью некомпетентность. У меня возникло подозрение, что в этом вопросе, которым он, очевидно, мало интересовался, он находился под чьим-то влиянием. Особенно удивительно мне было услышать его мнение, что национальные требования возникли большей частью искусственно под влиянием политиканствующих эмигрантов, так как, будучи в России, он об этих требованиях ничего не слыхал. В частности, он ничего не знал об украинском вопросе. Я возразил генералу, что он, очевидно, никогда не бывал на Украине, никогда не интересовался украинской культурой и, вероятно, никогда не был знаком ни с одним украинцем-интеллигентом. «Да, это так, я на Украине не жил, что же касается интеллигентов-украинцев, то я здесь с ними познакомился — они либо совершенно ополячены, либо русифицированы и Украины не признают». На основании этого наблюдения генерал делал вывод, что все украинские домогательства — это только плод фантазии политиканствующих эмигрантов. Я, как мог, старался убедить Трухина в некоторой поспешности этих его заключений.

В конце беседы Трухин обещал мне присматриваться к нашей национальной работе и во всяком случае, как подобает настоящему военному, держать дружественный нейтралитет в отношении нас. За короткое время нашей совместной работы Трухин честно выполнял данное им обещание и никогда на заседаниях президиума против националов не выступал. В

дальнейшем, когда он увидел, что национальная работа в Комитете значительно продвинулась, он не только дал согласие на формирование украинских частей, но и активно его поддерживал. Как ни странно, но некоторые военные украинцы и даже члены Украинского национального совета, как, например, генерал Боярский, гораздо более противились национальной политике нашего Совета, чем это делал такой «москаль», как Трухин.

За время до первого организационного заседания Комитета 10 ноября 1944 года мне приходилось работать «по-походному», пристроившись кое-как в углу комнаты упомянутой лаборатории, так что я большую часть времени тратил на ознакомление с тем, что пока есть налицо в Комитете.

Как я уже говорил, Малышкин начинал организовывать главное административное управление. В помощники себе он привлек профессора П . Н. Иванова, впоследствии избранного кандидатом в члены Президиума Комитета. Небольшого роста, с умным, энергичным лицом, профессор был одним из наиболее преданных идеям Манифеста людей. Бывший видный советский специалист, материально совершенно обеспеченный Советами, получивший за свои заслуги по увеличению производительности Донбасса орден Ленина, он не задумался все это бросить и бежать из этого рая рабочих и крестьян. Как только он услыхал о начинающейся организации Комитета освобождения народов России, он немедленно приехал в Берлин и явился к Власову. Он не имел ни комнаты, ни угла, кое-как ему устроили постель в той же комнате, где он и принимал. Работал он без устали и к февралю месяцу переутомился настолько, что был вынужден лечь в больницу. Однако его болезнь (гипертония) все время прогрессировала, и в начале апреля он умер в Карлсбаде. Вечная память этому энтузиасту делу освобождения, сгоревшему на работе!

Нужно отдать справедливость Малышкину, он умел выбирать людей — Иванов тому пример. Этот в политическом мире совершенно неизвестный человек показал себя недюжинным организатором и сумел форменным образом на голом месте, не имея ни средств, ни помещения, организовать главное административное управление с большим штатом и большим масштабом работы. В ведении управления находились штаты всего Комитета, юридическая помощь остарбайтерам, оформление документов и помощь всем вырвавшимся из лагерей остарбайтеров, и ответы на письма, которые ежедневно тысячами поступали на адрес Комитета. Кроме того, как я уже вкратце указывал, на главном административном управлении лежала

первоначальная организация Народной помощи. В последующем это же управление организовало и Ученый совет Комитета. В период до официального оформления Комитета на плечах Иванова лежала главным образом организация ответов на письма. Принимая во внимание громадное количество писем, это была нелегкая задача.

Вначале письма поступали на имя Власова. Если кто-либо сомневался в том стихийном народном характере, который носило Освободительное движение, то ему следовало бы познакомиться с этими письмами. Среди них можно было найти письма узбеков, украинцев, кавказцев, туркменов, русских и прочих национальностей, в том числе и не принадлежащих к народам России, как, например, сербов, хорватов и т. д. Писали рабочие и крестьяне, профессора и студенты, инженеры, бывшие военные, литераторы и духовенство. Все наперебой предлагали безвозмездно свои услуги для организации Освободительного движения, предлагали записать их в части Освободительной армии, соглашаясь на любую работу, лишь бы только приобщиться к общему делу. Трогательными простыми словами выражали простые люди свои симпатии к Власову, сплошь и рядом вкладывая деньги — те крохи, которые им удавалось сэкономить ценой лишений, но какими дорогими были эти крохи для всех нас, как ободряли они нас в служении освободительным идеалам!

«Отец наш родной, возьми всё, что я имею», «Дорогой, любимый Андрей Андреевич, мы с тобой, веди нас в бой против Сталина», «Рщний, любий т-щ Влас1в, ми з одшл невол1 попали тут до другоь Але ми тепер знаемо що недавно нам ще лишилося тертти, ми втр1мо, що вже недалекий той час, коли роз1бьються кайдати і фашистов і бшыповйав і ми будемо жити в вшьшй крашЬ и т. д. Тысячи и тысячи писем! Этот нескончаемый поток человеческого горя, святой ненависти к поработителям родины, тоски по свободной жизни ежедневно вливался в то море надежд и упований, которое возлагали народы России на Комитет Освобождения народов России. Ни одно из этих писем нельзя было оставить без ответа. Каждому надо было послать слово утешения и привета, ободрить и вселить надежду на скорое освобождение. Если мы вспомним, какое неопределенное положение в то время было у Комитета, то мы поймем, как трудна была задача отвечающих.

Тысячи остовцев и остовок явно переоценивали возможности Власова и думали, что достаточно только одного его слова, чтобы вырваться из лагеря и поступить в части РОА; необходимо было ответить и этим людям в деликатной форме, чтобы не обидеть их

простых сердец, указать, что необходимо еще терпеть, что всё сразу не делается, и т. д. Я не ошибусь, если скажу, что львиная доля успеха в распространении правильного понимания задач Освободительного движения в массах новой эмиграции и военнопленных зависела от сердечного и вдумчивого подхода к ответам. Главная заслуга в организации этих ответов принадлежит П . Н. Иванову и полковнику Кромиади, начальнику личной канцелярии Власова. Был подобран целый штат толковых и интеллигентных работников, единственная задача которых состояла в прочитывании писем и ответах на них. Наиболее оригинальные письма прочитывались лично Власовым, Малышкиным и другими ответственными членами, которые сами отвечали.

Несмотря на серьезный подход к этому делу, не обошлось, конечно, и без ошибок. Одним из основных недостатков ответов было то, что они все писались на русском языке, независимо от того, на каком языке был написан оригинал письма. Объяснялось это тем, что в берлинский период работы Комитета, когда поступала главная масса писем, национальная работа еще не была совсем налажена, поэтому в канцелярии сидели главным образом русские, которые большей частью не знали иных языков, кроме русского. Кроме того, в то время не все руководящие работники Комитета усвоили ту истину, что Освободительное движение есть не только русское, но и всех народов России, поэтому самым главным в нем является не русский патриотизм, а организация масс для борьбы с большевизмом. Только в карлсбадский период Комитета эта основная предпосылка работы дошла до сознания всех.

В том случае если письма касались отдельных управлений, они, как я указал, направлялись к ним. В частности, я отвечал на письма, касающиеся медицинской работы. Писали врачи, профессора, сестры, фельдшера, санитары. Все наперебой предлагали свои услуги. Были такие, которые повторяли свои просьбы каждые пять-семь дней, боясь, что о них забудут. Трудное было у меня положение! Я не имел ни штатов, ни помещений, ни средств. Когда я пробовал об этом откровенно писать, то мне отвечали, что готовы работать без вознаграждения, без квартиры — лишь бы работать на пользу общему делу! И действительно, приезжали массами, молили, требовали дать им работу. Приходилось упрашивать их возвратиться туда, откуда они приехали, и терпеливо ожидать вызова.

Между тем при организации Медицинского управления мне пришлось впервые встретиться с трудностями, которые ставили немцы на пути нашего развития. Они, видимо, не ожидали той

стихии, которая нахлынула при первой вести об организации Комитета, и несколько растерялись. Прежде всего они, конечно, испугались, чтобы их налаженная эксплуатация рабского труда остарбайтеров не дала трещин. Поэтому от нас прежде всего потребовали, чтобы в лагерях была официально от имени Комитета объявлена просьба без вызова Комитета не приезжать и продолжать работать, как прежде. Как известно, немцы не считались особенно со специальностями у остарбайтеров, и поэтому нередко можно было встретить врачей и даже профессоров на черной работе, не говоря уже о среднем медицинском персонале. Ясно, что все они хотели вырваться и работать там, где они думали принести наибольшую пользу. Требовалось мобилизовать все свои дипломатические способности, чтобы удержать людей на месте, так как приходилось бояться, что немцы вообще испугаются и не разрешат Комитета.

В начале ноября было официально объявлено о приеме Власова Гиммлером. Хотя большинству членов Комитета и не особенно было приятно, что принял Пшмлер, наиболее ненавистный гитлеровский министр и верховный руководитель СД, но в конце концов — ведь было безразлично, какой немец нас официально примет, важна была скорейшая организация антибольшевистского фронта. «Чем мы больше окрепнем организационно — тем меньше влияния немцы будут иметь», — любил говорить Власов.

Хотя Берлин в то время и не был особенно сильно разбомблен, однако сильно чувствовался недостаток помещений как для жилья, так и для служебных помещений. Достать даже маленькую комнату было необычайно трудно. Приходилось брать частично поврежденные комнаты и ремонтировать их. Так как не было ни материалов, ни рабочих рук, то всякий даже незначительный ремонт представлялся труднопреодолимой проблемой. Однако и тут помогал энтузиазм наших граждан. Нередки были случаи, когда жившие на частных квартирах предлагали свои квартиры под служебные помещения, лить бы быть принятыми на работу. Таким способом одним из первых получил служебное помещение и квартиру для жилья генерал Закутный. Так как к тому же он являлся моим непосредственным начальником, то я большую часть времени проводил у него.

7 ноября Закутный сообщил мне, что он только что был у Власова, что там же были его ближайшие сотрудники. Власов сообщил, что Комитет разрешен и что первое неофициальное заседание состоится 10 ноября. Кроме того, Закутный сказал, что на этом же совещании были намечены кандидаты в члены

президиума, в том числе и я, и спросил, согласен ли я. Я ответил, что поскольку я дал свое согласие на работу в Комитете только при условии, что я буду полностью au courant (в курсе) всей работы, то мое участие в президиуме как нельзя более отвечает моим желаниям.

Часть 3

Торжественное открытие работы Комитета

10 ноября состоялось первое неофициальное заседание Комитета, на котором подверглись обсуждению основные положения Манифеста. Власов сообщил, что над окончательной редакцией работала специальная комиссия юристов, которая предложила для выбора несколько вариантов некоторых положений и поправок. После обсуждения часть их была принята. Наибольшие дебаты вызвала фраза Манифеста: «Борются силы империализма во главе с плутократами Англии и США, величие которых строится на угнетении и эксплуатации других стран и народов». Были предложения выбросить эту фразу, равным образом как и пункт «б» целей Комитета («Прекращение войны и заключение почетного мира с Германией»), так как Комитет ставит своей целью только борьбу с большевизмом, но никак не с союзниками, вторая же фраза не имеет смысла, поскольку Комитет войны с Германией не ведет. Однако принятая редакция была оставлена после того, как Власов указал, что в Манифесте и так нет нигде указаний на то, что мы хотим бороться с союзниками. «И так нам пришлось немало побороться за принимаемый проект, — заявил он, — так как немцы вначале настаивали, чтобы особо подчеркнуть их заслуги в деле борьбы с большевизмом и чтобы указать, что мы являемся их союзниками в настоящей борьбе не только против большевиков, но и против Англии и Америки. Мы категорически возражали, и они в конце концов согласились. Опущение упомянутых фраз может быть истолковано как недружелюбие, что в настоящей стадии существования Комитета вряд ли является желательным. Кроме того, только особо предубежденный человек не увидит, что Манифест на 99,9 % говорит о борьбе против большевизма, не увидит, что только в этом его главная цель. Если же такие предубежденные люди найдутся, то их все равно не переубедишь никакими перефразировками». Комитет согласился с его словами, и Манифест был принят единогласно в следующей редакции: *(следует текст Манифеста)*.

На заседании я познакомился с рядом членов Комитета, будущих товарищей по общей работе, которые дали свои подписи под этим документом. Среди них было несколько рабочих остовцев-украинцев, которые сразу же предложили свое сотрудничество в случае образования Украинской национальной секции. Познакомился я также с Ю. Музыченко, отца которого знал по Киеву. Он также заявил о своей готовности работать для украинской секции.

(Выборы президиума и утверждение начальников главных управлений).

После зачтения и принятия текста Манифеста состоялась торжественная процедура подписания исторического документа. Видно было, как волновались люди, отдававшие свое имя, свою общественную репутацию — словом, то единственно ценное, что осталось у большинства из нас, общему делу борьбы с врагом всего человечества — сталинским большевизмом. И каждый из нас понимал ту громадную ответственность, какую он брал на себя перед родиной и перед своим народом, давая свою подпись. Но каждый имел также право гордиться тем, что он подписывает документ, в котором впервые за все время существования большевизма от лица представителей самых разнообразных национальностей, профессий и общественных положений была разоблачена террористическая сущность его потогонной системы.

Впервые изгнанники «первого в мире социалистического государства» разоблачали истинный смысл красивых фраз, которыми прикрывались кремлевские олигархи для того, чтобы обеспечить господство коммунизма во всем мире. Каждый подписывал с твердой верой в конечное торжество этой правды и справедливости, которой жаждал его измученный народ. Каждый знал, что предстоит долгая и продолжительная борьба, так как враг, которому бросался открытый вызов, чрезвычайно силен, не гнушается никакими средствами для достижения своей фанатической цели — коммунизации всего мира. Каждый переживал глубочайшую трагедию, заключая даже временный союз с такими врагами славянства, какими являются нацисты. Многие из подписывавших испытали ужасы гестаповских застенков, они не могли не видеть в нацистах только врагов — и, несмотря на это, они вынуждены были идти на союз с одним десперадо, чтобы иметь единственную возможность борьбы с другим десперадо.

Западные демократии не понимают этой трагедии даже и теперь, спустя два с половиной года после окончания войны, и склонны обвинять Комитет и Власова в коллаборатoрстве с немцами. Наивные политические деятели еще и сейчас

заключают соглашения с тоталитарными странами в отношении выдачи т. н. военных преступников, претендуя, что они не знают, что эти «военные преступники» есть только политические противники большевиков. Эти ненавистники тоталитарного рабства в силу независящих от них обстоятельств вынуждены были к т. н коллаборатоpству с немцами, чтобы бороться против общего врага всего человечества. Эти «военные преступники» виноваты не больше, чем Черчилль и Рузвельт, которые тоже вынуждены были заключить союз с одним заведомым врагом, чтобы бороться против другого врага — Гитлера. Мы все, подписывавшие Манифест, знали, что отныне мы превращаемся в открытых врагов большевизма, который будет искать все возможные способы, чтобы опорочить наше дело и нас. Мы знали, что не будет размышлений перед любой клеветой по нашему адресу, что будет использован каждый ошибочный шаг, каждая неосторожность, чтобы очернить всё дело и представить нас изменниками Родины. Но мы также знали и то, что будущее демократическое правительство Свободного Союза Народов России никогда не осудит нас и никогда не заклеймит титулом предателя, а назовет настоящими предателями узурпаторов и террористов из Кремля, которые сейчас выдают себя за представителей народов России. *(Зачеркнута фраза в скобках: Ни одно законное правительство не осудит нас за то, что мы подписали документ, в котором никому, честно признавшему свои ошибки, не угрожаете# местью и преследованиями.)*

После зачтения и принятия Манифеста состоялись выборы президиума Комитета и утверждение начальников главных управлений. Кандидатуры в члены президиума предложил Власов. Каждый из называемых должен был вкратце сообщить свою биографию и политическое кредо. Все кандидатуры были единогласны приняты. В отношении структуры Комитета Власов сообщил, что как временный рабочий аппарат он предлагает утвердить следующие четыре главных управления: военное — во главе с генералом Ф . И. Трухиным, организационное — во главе с генералом В . Ф. Малышкиным, гражданское — во главе с генералом Д . Е. Закутным и главное Управление пропаганды — во главе с генералом Г . Н. Жиленковым (впоследствии были утверждены еще на правах главных управлений — финансовый отдел, отдел внешних сношений и Народная помощь). Как кандидатуры начальников, так и структура управлений были утверждены единогласно. На заседании было объявлено, что 14 ноября в Праге состоится официальное открытие Комитета и официальное подписание Манифеста.

11 ноября Власов был принят Риббентропом. Несмотря на то

что Риббентроп, как уже указывалось ранее, был одним из сторонников организации Комитета и предоставления ему широких прав и полномочий в организации антибольшевистского фронта, он категорически возражал против учреждения нами Общества Красного Креста, основываясь на официальных мотивах: что не может быть Красного Креста без государства. Пока же Комитет еще не имеет права представлять государства и поэтому не может иметь права на интернациональные сношения, какие могут быть осуществлены через Красный Крест. Дипломат Риббентроп сразу раскусил основную подоплеку нашего желания основать Красный Крест — желание через него завязать сношения с заграницей и правильно информировать общественное мнение в отношении целей и задач Комитета. Это был первый афронт на скорбном пути деятельности Комитета. Пришлось примириться с организацией более мелкого масштаба, которой было дано название «Народная помощь».

13 ноября в специальном поезде члены Комитета отправились в Прагу на подписание Манифеста. Перед торжественным заседанием прием и обед у диктатора Чехии генерала Франка. На обеде присутствуют все члены президиума Комитета во главе с генералом Власовым, члены чешского кабинета министров во главе с премьером д-ром Крейчи и видные немецкие государственные деятели, среди них генерал Кёстринг, заместитель министра иностранных дел Лоренц и др. Никаких речей.

Во время обеда мне пришлось сидеть с д-ром Крейчи. Незабываемое впечатление! Исключительно умный, интеллигентный и культурный человек. Интересная деталь: мы всю беседу нашу вели на смешанном русско-украинско-польском языке, несмотря на то что оба знали немецкий язык достаточно хорошо. Д-р Крейчи, намеренно уклоняясь от немецкого языка, очевидно, этим хотел подчеркнуть свое отрицательное отношение к немецкой диктатуре. Во время обеда он заметил иронически: «Что-то уж очень торжественно открывают Комитет». — «Вы хотите, вероятно, сказать, что торжественностью хотят подменить дело?» — заметил я. Крейчи хитро улыбнулся, но промолчал. Он знал немцев лучше меня. После войны он разделил судьбу многих т. н. коллаборатoров и был присужден к пожизненному заключению. Будем надеяться, что он доживет до более справедливого правительства, которое не будет действовать по указке коммунистов и разберется в том, что сделал Крейчи для своего народа в тяжелое время немецкой диктатуры.

Во время последующего приема познакомился я и с генералом Кёстрингом. Исключительно хитрая лиса, бывший

атташе Германского посольства в Москве, прекрасно говорит по-русски, нацист до мозга костей. Ловко увиливает от ответа на прямо поставленный вопрос, когда же последует передача восточных добровольческих соединений под командование Власова. Выставляет себя только послушным исполнителем приказаний фюрера. По его мнению, такой переход следовало бы провести как можно скорее, однако он только может сейчас высказать свое мнение, приказ же последует от фюрера. В то же время брошенные им во время разговора отдельные фразы об организационных трудностях такой передачи показывают мне ясно, что он будет одним из основных противников этой передачи. Со мной вполне согласен Закутный, который принимал участие в беседе. Так в дальнейшем и оказалось: Кёстринг до самого конца был главным тормозом в этом важном деле.

В два часа дня торжественное заседание. Обставлено с большой помпой. Власов читает Манифест и говорит краткую речь. В ней подчеркивает историческое значение настоящего объявления беспощадной войны большевизму как на военном, так и на идеологическом фронте. Указывает, что в Праге в 1902 году Лениным было положено начало большевистской партии *(тут на полях знак вопроса),* выражает надежду, что образование Комитета явится первым надгробным камнем на будущую могилу большевизма. Немцы, по-видимому, не особенно довольны его речью, так как он уклоняется от шаблонных заявлений о неизбежной победе немецкого оружия. Весьма малосодержательные речи Лоренца и Франка, снова подписание Манифеста, и заседание окончено.

Ночью мы должны уезжать. Вечером мы приглашены на ужин в клуб журналистов. Характерный штрих: ввиду явной враждебности чешского населения нам не рекомендуется покидать отель и выходить одним на улицу. Я, правда, знал и раньше, что чехов охватил коммунистический психоз и они в простоте душевной отождествляли коммунистически-интернациональные силы СССР с русскими освободительными силами. Я думаю, что чехи уже сейчас, после двух с половиной лет, лучше разбираются в этой разнице, и недалек тот час, когда они поймут те мотивы, которые побудили нас выступить против «своего правительства». Тогда же они смотрели на нас, как на изменников и предателей.

Что делать: по-видимому, народ, охваченный безумием, способен сделать больше глупостей, чем это под силу одному сумасшедшему. Ненависть к немцам затмила всякий здравый смысл и притупила всякую критику. Тогда в Праге я думал, что этого не произойдет с народами Америки и Англии и они

сохранят разум в отношении большевиков, но, увы, и у них ненависть к немцам породила необычайную близорукость в отношении коммунистов. Очевидно, чувство ненависти и разум не могут существовать рядом.

Вечером мы отправились на ужин. Обычное времяпрепровождение в ночном клубе — сомнительном кабаре. Знакомлюсь с целым рядом общественных деятелей Праги. Поражает полное отсутствие украинцев, хотя мне сказали раньше, что пражские украинцы очень благожелательно относятся к идее антибольшевистского объединения. Подозреваю, что они побаивались чехов, с которыми им еще предстояло жить и работать. К концу вечера приехали Франк, Власов и другие. Затрудняюсь сказать, был ли это пропагандный трюк или тогда Франк еще думал серьезно и честно отнестись к Освободительному движению, но он долго тряс руки остовцев, членов Комитета, которые подошли к нему чокнуться, и выпил с ними за процветание Комитета. В то время я и другие члены Комитета еще окончательно не потеряли надежды на искреннее изменение немецкой политики в отношении остовцев, и поэтому на нас этот эпизод произвел большое впечатление.

Возвратясь в Берлин, мы принялись за работу.

Часть 4

Первые разочарования

Когда я в один из следующих дней пришел к Закутному, то он меня сразу огорошил сообщением, что он только что от Власова и от него узнал принятую — вернее сказать, навязываемую нам — схему рабочих взаимоотношений с немцами. Оказывается, все наши распоряжения и решения только тогда имеют законную силу, когда они одобрены соответствующими немецкими комиссарами (хотя такого наименования и не было de jure — de facto они выполняли их функции). Все управления и сколько-либо крупные учреждения имели своих эсэсовцев, которым мы должны были представлять наши планы. Комиссары связывались с соответствующими учреждениями и после консультации с ними говорили нам, приемлемо ли наше постановление или предложение либо нет.

Для моего медицинского управления был назначен д-р Ричардс — здоровенный верзила, к делам медицины имеющий весьма отдаленное отношение, по профессии агроном, сам являвшийся довольно крупным землевладельцем… «Вы хотите

узнать, как живут и работают остовцы? Приезжайте ко мне на ферму — они там как сыр в масле катаются». Эти приглашения так и остались платоническими, поэтому все высказывания остаются на совести г-на Ричардса. По тому, как он тормозил все наши предложения, я не могу поверить его горячей любви к нашему брату.

Система комиссарства, даже и без того чтобы намеренно вредить, сама по себе неэкономична, потому что требует минимум удвоенных усилий. Но она имеет и плюсы — сразу проводится граница между «нами» и «ими» с ясным следствием недоверия одних к другим. Первым камнем преткновения явились штаты. Конечно, не из-за денег, никто о них не думал, тем более что деньги все равно имели весьма ничтожную ценность, а потому, что принятие в штат означало право жить вне лагеря и продовольственную карточку — такие блага для восточника получить иным путем было почти невозможно. Естественным нашим желанием было запроектировать штаты как можно большие, чтобы вытянуть из лагерей возможно большее число людей; задачей г-д Ричардсов было наши штаты возможно больше урезать. В последующем, после того как было заключено финансовое соглашение и нам выделили собственные деньги в виде займа, мы получили большую возможность привлекать людей к нашей работе.

Кроме штатной заградиловки немцы еще предложили нам принимать на работу только тех остовцев из лагерей, которые имели разрешение коменданта лагеря, и потребовали от имени Комитета направить в лагеря обращение не приезжать без вызова. Несмотря на все эти рогатки, нам по всем учреждениям Комитета, провинциальным агентурам и проч. (не считая военных и военизированных учреждений) удалось освободить от остовской судьбы по всей Германии свыше 25 000 человек (по ориентировочным данным Финансового управления). Конечно, далеко не все эти люди имели фиксированные должности, но достаточно и того, что они не обязаны были жить в лагере и носить значок остовца!

Как я уже указал в свое время, мы были завалены письмами с предложениями своих услуг при условии вызволения из лагеря и вызова на работу. Ввиду того, что мы не в силах были удовлетворить и малой доли всех просьб и не могли каждому письменно разъяснять истинное положение дел, у многих остовцев создалось впечатление, что мы являемся чуть ли не главным тормозом в деле их освобождения. Уже в начале декабря мы начали изредка получать письма, в которых нас обвиняли в том, что мы сами устроились на теплые места и забыли о том,

чтобы помочь другим. Подобные письма были нам прочитаны на одном из заседаний президиума. Тяжелое и несправедливое обвинение, но что же делать, приходилось терпеть, ибо мы лишены были возможности сказать всю правду из боязни, что нам запретят и то небольшое доброе дело, которые мы в отношении освобождения остовцев делали.

Часть 5

Проблема остарбайтеров и крушение надежд на перерождение нацистов

Вся работа по улучшению положения и освобождению из рабства работников с Востока была возложена на главное гражданское управление и персонально на генерала Закутного. Ввиду того что я заведовал главным медицинским управлением, находившимся в подчинении у Закутного, я держал постоянную связь с ним и был все время в курсе дел. Первые шаги Закутного в упомянутом СС-управлении были с виду благоприятны. Наши предложения были необычайно скромны и сводились к следующим пунктам:

1) отмена значка «OST» для всех рабочих с Востока.

2) установление рабочего дня, одинакового с рабочим днем других национальностей.

3) приравнение в питании работников с Востока к рабочим европейских стран.

4) отмена всех ограничений для наших рабочих вне лагеря (как, например, запрещения посещать кино, театры, рестораны и т. д.).

5) улучшение медицинского обслуживания рабочих путем предоставления нам права организовывать собственные медицинские пункты.

6) разрешение нам иметь своих уполномоченных в центрах и агентов непосредственно в лагерях как для связи между остарбайтерами и немцами, так и для надзора за выполнением принятых постановлений.

7) разрешение нам проводить в лагерях курсы, собрания, лекции с различными культурно-просветительными целями.

8) разрешение браков как между самими рабочими с Востока, так и между рабочими других национальностей.

9) освобождение из лагерей рабочих, нужных для работы в Комитете.

Таковы были известные «9 пунктов Закутного», которые были

выдвинуты перед СС-комиссарами. Я на этом заседании не был, но хорошо помню, что Закутный, вообще-то большой пессимист, возвратился с него окрыленный надеждами и в приподнятом настроении. «Представьте себе, — говорил он мне, — немцы не только не представили никаких серьезных возражений против нашей программы, но даже, наоборот, обещали нам помочь в том, чтобы продвинуть и согласовать наши предложения в различных министерствах. Обещали уже через две недели добиться первых конкретных результатов. Некоторые из участников совещания пробовали поймать меня на удочку и выразили пожелание, чтобы немедленно, то есть не дожидаясь реформы, мы обратились к рабочим с Востока с воззванием от имени Комитета, предлагающим им увеличить производительность труда, свести на нет прогулы и т. д. Однако я им заявил, что проведение реформы явится агитационной мерой лучшей, чем тысяча воззваний, вместе взятых. Я им зачитал факты о возмутительных издевательствах над беззащитными людьми, пытках и даже убийствах, которые имели место в лагерях в самое недавнее время, и старался этим подчеркнуть необходимость спешного проведения реформы. В общем, результатами совещания я доволен и думаю, что немцы пойдут нам навстречу».

Конечно, если бы одними словами можно было поддерживать дух, то все прекрасные фразы, которые были сказаны немцами на всех банкетах, совещаниях и встречах, были бы достаточны для того, чтобы мы бодро работали — и сохранили бы веру в будущее в течение весьма долгого времени. Проходит неделя, другая. За это время появляются статьи в газете Комитета, в которых недвусмысленно подчеркивается важность и спешность скорейшего разрешения этого наболевшего вопроса. Непрерывным потоком льются к нам реки писем от рабочих, жалующихся на свою судьбу, сообщающих о новых фактах насилия и произвола и справедливо требующих коренного изменения их положения.

Через две недели Закутный был снова вызван в SS-Hauptamt. Ему очень любезно заявили о том, что, к сожалению, ввиду необычайной сложности мероприятий, связанных с проведением в жизнь всех пунктов наших требований, необходимые согласования невозможно провести в столь короткое время и поэтому необходимо ждать, пока дело «медленно, но верно» продвигается в различных министерствах. Закутному было вежливо вкратце рассказано о принципах т. н. Фюрер-системы немцев, согласно которой каждый министр являлся полновластным начальником по своей отрасли и ему никто, кроме Гитлера, приказать ничего не мог. Сложность согласований

заключалась в том, что некоторые пункты затрагивали интересы нескольких ведомств и поэтому требовали согласия всех соответственных министерств. Так, например, в вопросе отмены значка «OST» необходимо согласие министерства труда, военного министерства, гестапо и полиции. Министерство труда и гестапо соглашаются на это мероприятие, Остминистерство и полиция возражают — следовательно, теперь остается либо продолжать доказывать главам этих учреждений необходимость этих мероприятий, либо апеллировать к Гитлеру. «Сейчас же положение на фронте отвлекает все мысли фюрера от внутренних дел». Всё это весьма логично и убедительно, но проку от этой логики для нашего движения нет никакого. Из всех пунктов Закутного приемлемым для всех оказался пока один пункт о разрешении браков между остовцами, но и он требовал дополнительной проработки в комиссии юристов. Однако этот пункг принципиально принят.

В начале декабря (точной даты не помню) Закутный, посоветовавшись с нами, решил дать интервью в газету «Воля народа», чтобы в нем в форме ответов на вопросы осветить истинное положение дела. Интервью было опубликовано 8 декабря. Оно на немцев произвело ошеломляющее впечатление разорвавшейся бомбы. На Закутного посыпались со всех сторон обвинения чуть ли не в желании скомпрометировать Германию перед нейтральными странами. Дело в том, что немцы всюду, где могли, объявляли, что условия работы и жизни рабочих не оставляют желать ничего лучшего, из интервью же всякому могло быть ясным, что эти условия ниже всякой критики. Кроме того, интервью открывало глаза рабочим на истинное положение дел и выставляло напоказ истинных виновников проволочек. Естественно поэтому то отрицательное отношение, которое интервью вызвало к себе со стороны нацистов. Впоследствии Власов говорил, что ему стоило больших усилий не допустить до ареста Закутного либо до запрещения продолжать ему деятельность по защите остарбайтеров, настолько были обозлены SSовцы.

10 декабря состоялось заседание Комитета, на котором среди прочих вопросов стоял доклад Закутного. Он осветил истинное положение дел. Вопрос вызвал страстные выступления. Все единогласно поддержали Закутного, были предложения ультимативно поставить требование немцам о проведении в жизнь «9 пунктов» и в случае отказа объявить о самороспуске Комитета. Отмечалось, что, не выполняя этого основного требования наших остовцев, мы только компрометируем себя в их глазах и теряем всякий авторитет. В конце концов было решено

еще раз через Власова поставить требование немцам ускорить согласование и принятие «9 пунктов Закутного». До тех же пор пока пункты будут проведены в жизнь, было решено добиваться улучшения положения в каждом отдельном случае, посылая в лагеря своих агентов, не обращая внимания на запреты немцев. Посылаемые агенты должны снабжаться письменными полномочиями Комитета и при помощи их добиваться на местах улучшения положения остовцев, сообщая о всех случаях замеченных нарушений не только власти на местах, но и в Комитет для принятия соответственных мер.

Как ни странно, но это постановление имело наибольшие практические последствия. В ряде мест наши агенты, обладавшие энергией и знанием немецкого языка, добились значительного улучшения положения рабочих. Однако, к сожалению, мы могли найти буквально единицы для выполнения функций указанных агентов, так как свободных от работы, знающих язык и энергичных людей, к тому же обладавших дипломатическими способностями, было очень мало. Поэтому без постановления центра в большей части лагерей Германии положение остовцев в лучшем случае оставалось без перемен. Во второй половине декабря из ряда лагерей начали поступать сведения, что там положение даже ухудшилось: усилился контроль в лагерях, уменьшилось количество отпусков, ухудшилось количество пищи и т. д. Кое-кто из немцев объяснял это ухудшение тем, что некоторые начальники лагерей «были обижены несправедливыми обвинениями Закутного в его интервью». Вот уж, что называется, валить с больной головы на здоровую.

После декабрьского заседания президиума положение оставалось все время неопределенным: Закутный сначала почти каждую неделю ходил в SS-Hauptamt, там его успокаивали заверениями, что дело двигается медленно, но верно, однако воз оставался почти неподвижно на месте. Как курьез вспоминаю, что примерно в середине декабря нам сообщили, что с министерством продовольствия уже заключено соглашение в отношении питания остовцев — но какое! Согласно ему, не пайки остовцев должны быть подняты до норм других иностранных рабочих, а пайки этих рабочих уменьшены до размеров пайков остовцев! Других «достижений» не было.

17 декабря состоялось заседание Комитета, на котором также раздавались критические голоса по поводу status quo положения с остовцами. На заседании Власов заявил, что он сейчас требует повторного свидания с Гиммлером, на котором он ребром поставит вопрос об остовцах и о недопустимом замедлении проведения в жизнь наших требований. Однако начинались

Рождественские праздники, которые немцы любят праздновать особенно долго. После праздников Власов поехал на инспекцию вновь организуемых частей и вернулся только во второй декаде января — таким образом, было потеряно почти четыре недели дорогого времени, и воз оставался на прежнем месте. Как и ранее, все рабочие с Востока носили значок «OST», как и раньше, к нам продолжали поступать сведения о произволе нацистов в лагерях.

8 февраля состоялся переезд Комитета из Берлина в Карлсбад и, таким образом, закончился Берлинский период работы Комитета, а 10 февраля Власов получил наконец свидание у Гиммлера, на котором в отношении остовцев были достигнуты следующие «важные» решения:

1) начальникам лагерей категорически запрещалось применять телесные наказания по отношению к провинившимся восточникам под угрозой заключения в концентрационный лагерь.

2) подтверждалось уравнение норм иностранных рабочих до норм остовцев.

3) вводился институт доверенных как от Рабочего фронта, так и от Комитета.

4) 15 % заработка рабочих, которые шли раньше Рабочему фронту, отчислялись теперь в распоряжение Комитета.

Вот и всё! А значки, а другие ограничения — всё было обойдено красноречивым молчанием. Избиения в лагерях действительно прекратились, но изобретательные начальники нашли выход из положения — они посылали провинившихся в полицию и гестапо, и там их избивали уже без всяких ограничений!

Заканчивая на этом описание Берлинского периода нашей акции, в отношении остовцев я могу сказать, что, хотя нам в очень многих отдельных случаях и удавалось принести значительную пользу, основные задачи Комитета, нашедшие свое выражение в упомянутых «9 пунктах Закутного», так и остались невыполненными.

Перед отъездом в Карлсбад Закутный оставил в Берлине одного из своих работников, некоего г-на Майера, уполномоченным по связи с Рабочим фронтом и прочими учреждениями для продолжения остовской акции. Как и раньше, очень часто собирались совещания, выносились решения, все они согласовывались и пересогласовывались — и в результате мы толклись почти что на месте. Правда, как я уже указал, мы, не обращая внимания на немцев, высылали на места наших уполномоченных и снабжали их бумажками от Комитета, но они могли добиваться результатов только во второстепенных, но

отнюдь не в принципиальных вопросах.

16 февраля в Берлине состоялось заседание представителей различных ведомств под председательством заместителя министра труда Лея, г-на Менде, на котором присутствовал и я. Обсуждался вопрос о назначении уполномоченных. Решено было придерживаться национального принципа и назначать уполномоченных националов в зависимости от того, какой нации большинство есть в лагере. Вопрос о том, кому должны отчитываться эти уполномоченные, Комитету или Рабочему фронту, так и остался неразрешенным — предварительно было решено двоякое подчинение и тому, и другому, однако Менде не мог дать окончательного ответа. Я намеренно описываю подробно это совещание, чтобы показать, какими мелочами мы были вынуждены заниматься.

2 марта 1945 года Закутный получил за подписью некоего д-ра Штабенова следующее отношение, которое ввиду его интереса я привожу целиком.

Часть 6

Шандрук

У него статная, представительная [фигура], лицо внушает доверие. Неизвестно, каким путем появился титул «генерал», а сейчас уже «генерал-поручик», так как немцы его не производили, но, очевидно, его произвел тот же Левицкий. Форму он носит какую-то своеобразную — видимо, также изобретение Левицкого. Ввиду того, что Шандрук[46] являлся для немцев во всех отношениях подходящим председателем, они начали соответственную обработку всех украинских группировок как путем непосредственного вызова их представителей для переговоров, так и через многочисленных своих агентов. В результате в конце февраля 45 года выявилось, что за Шандрука выступает 11 «политических» украинских организаций. Теперь у немцев из Остминистериума появилась твердая почва под ногами, и они начали подготавливать почву для признания. В начале марта состоялся прием «генерала Шандрука» рейхсминистром Розенбергом, как представителя «украинских организаций». Конечно, скромно этот прием организован не был, в газетах это было возвещено как новая эра в украинской истории. В середине марта состоялось вручение Шандруку пресловутых пяти пунктов Розенберга. В этих пунктах отмечалось признание Шандрука представителем украинцев, сообщалось об

образовании комитета (Кубийович, Семененко, Терещенко), а также указывалось, что Шандрук должен работать в контакте с Власовым. Был также пункт о том, что Шандрук должен возглавить украинские военные части. Как обычно у немцев водится, за красивыми декларациями большого дела не последовало — воз и ныне там: комитет еще официально не признан, несмотря на весь шум в газетах. Шандрук еще до сих пор не получил разрешения формировать даже 1 роту. Между тем как недавно объявлялось, что «генерал» Шандрук отбыл на фронт принимать присягу украинцев. Что же происходит? Ясно — очередная ложь. Украинцы вербуются для немецких войск, для приличия разбавляются украинскими сторонниками и отправляются на фронт как пушечное мясо. Шандрук прикрывает это безобразие громкими фразами о формирования украинских частей. Пока такой бедняга украинец разберется в чем дело — уже поздно. Он начинает требовать перевода в настоящую украинскую часть, но на него никто внимания не обращает. Понятно, почему немцы так ценят этого пройдоху и прохвоста. По их словам, их желание сейчас добиться объединения комитета, сколачиваемого Шандруком с Украинской национальной Радой. В таком стиле ими написано письмо к д-ру Кубийновичу, в котором предлагается поделить сферы влияния — Шандруку с Кубийновичем взять под опеку только галичан, мне — остальных украинцев. Письмо это так и не попало по назначению, потому что Веймар был уже почти взят. Если бы оно и было вручено почтенному доктору, то его результат был бы такой самый, как и прошлых попыток добиться примирения непримиримого. Как можно рассчитывать на совместную и дружную работу людей, стоящих на диаметрально противоположных платформах: их, ориентирующихся только на «Западную Европу» — читай немцев, и нас, ориентирующихся на Украину и считающих союз с Россией естественным, а не противоестественным делом. Немцы прекрасно это понимают, но все же мышиную возню вокруг объединения продолжают, считая ее необходимым в пропагандистских целях. Однажды мне немцы заявили, что они считают Шандрука опирающимся на реальные силы, потому что его поддерживают украинские партизаны. Мое возражение, что это не так, что часть партизан, находящихся на великой Украине, связана с Власовым и работает по его директивам, отзвука не нашло — они, дескать, боятся «рассердить» Шандрука (интересно, что нас они рассердить не боятся). Словом, слепому ясно, что немцы ведут двойную игру и преследуют только свои интересы — навербовать как можно больше пушечного мяса для своей армии. Вся в конечном результате бесчестная политика завуалирована

разными красивыми фразами и проводится руками людей, которых можно купить за небольшую сумму денег. Не знаю, можно ли найти в истории примеры более гнусные, чем эта возня вокруг украинского вопроса.

У нас на украинском горизонте [в] полку немного прибыло — появился снова полковник Богун. Пан атаман очень приличный человек, но здорово вперта людина и думает с одной дивизией разбить Сталина. Настроен он оптимистически, здорово недисциплинирован, но Украину любит, украинец до мозга костей. Проводил с ним два совещания, у Кольфа и Кригера по поводу формирования воинских частей. На совещании у последнего я ставлю несколько принципиальных положений: 1) необходимо формировать дивизию, которая является цельной военной единицей, 2) нас не устраивают такие малые формирования, как батальон, полк и т. д., они растворятся в общей массе, и т. о. национальный характер части будет утерян, 3) отмечаю, что украинский командир должен быть патриотом своей Украины и прекрасно знать украинский язык и 4) указываю, что русский только тогда против нас, когда он не признает украинского народа, украинской культуры и отрицает наше право на самостоятельную государственность. В остальном мы глубоко уважаем и ценим русскую культуру, как и культуру других народов, в первую очередь немецкую. Кригер просит все эти соображения в письменной форме передать ему. Тут я чуть было не сделал политического ляпсуса и не дал ему просимого. В самый последний момент я решил, однако, воздержаться, зашел к Мальппкину. Он тоже предложил прежде всего подать А . А. [Власову]. Хорошо, что я не подал Кригеру! Можно без труда предвидеть, что бы вышло: Власов бы узнал, рассвирепел, стал бы меня обвинять в закулисной работе — словом, из-за чепухи испортились бы отношения. Пока они будут согласовывать и пересогласовывать, я решаю послать Богуна в Веймар и Берлин поагитировать. Ведь, в конце концов, украинцы даже не знают, что существует украинский национальный Совет. Полное же неведение обнаружил и Кольф, для которого, по его словам, тоже явилось неожиданностью наше существование. Конечно, не приходится сомневаться в том, что при горячем характере Богуна (уже члене комитета с последнего заседания) у него возникнет немало коллизий с украинцами. Но думаю, что поездка окажется полезной. Даю в его распоряжение 10 000 МК — пропаганда, подкрепленная монетой еще более действенна. Что плохо в Богуне — так это его малая культурность, хотя внешний цивилизационный лоск у него и есть. Приходится только опасаться, чтобы он чего не накуролесил. Дам ему подробные

инструкции, но все же со страхом буду ожидать его возвращения. Обязательно наш Совет надо усилить за счет надежных элементов, думаю, что таковых найдется немало.

Как и следовало ожидать, от поездки Богуна проку вышло очень мало. В Веймаре его встретили в штыки. Он пошел сразу же напролом — завел разговоры с солдатами галицкой дивизии. У наших украинцев он встретил сочувствие, у галичан — сплошную ненависть. Московский залроданец, агитатор москалей и т. д. В школе старшин, куда он сунулся, его вообще не пустили поговорить с солдатами. На этом Богун посчитал свою миссию законченной и отправился в Берлин. Получил я от него такую телеграмму: «Сделал, что мог, еду в Берлин». Вместо того, чтобы посидеть несколько дней, хорошенько осмотреться и только после этого начать осторожно действовать, он сразу бухнул в колокол, не посмотрев в святцы. В результате, конечно, кроме конфуза ничего не получилось. Берлинская его миссия закончилась так же, как Веймарская. В день его приезда в Карлсбад приехал и Форостивский, который привез массу новостей о положении в украинских кругах — признание Шандрука, объединение чуть ли не 11 украинских группировок под его командой и т. д. Когда я задал Богуну вопрос, что он слыхал о Шандруке, оказалось, что он ничего не слыхал. Вот и посылай такого дипломата. Попробую его использовать только на организационно-военной работе. Боюсь, что и тут будет мало толка. Вообще о старой эмиграции. У них есть 2 группы — либо полный нуль, либо ничему за 25 лет не научившийся политический враг. Когда разговариваешь с представителями 2-й группы, то выявляется весьма быстро его единонеделимовская физиономия. Все они до сих пор мечтают о малороссийской колбасе и таком же борще, совершенно не представляют себе, как можно говорить о каком-то праве народов России на самостоятельное решение своей судьбы, все это считают блажью Власова, от которой он вовремя откажется. Все эти помещики и капиталисты до мозга костей — действительно иногда подумаешь, что всю эту идеологию они всосали с молоком матери и перевоспитать их ничто не может. Быть может, правы большевики, видевшие в каждом отпрыске помещичьего, буржуазного, капиталистического и дворянского рода своего потенциального врага. Что из того, что этот враг в настоящее время ни в чем не виноват — если его не уничтожить, то он в будущем натворит очень много зла. Эту точку зрения ведь поддерживает также и опыт нынешней эмиграции. Говорят о терроре, насилии и т. п. — а ведь посмотрите, сколько врагов у советской власти, — неужели они еще мало уничтожали, сажали в концентрационные лагеря и т. д. Выходит как будто бы, что

террор был слишком мягкий. Нет, причина в том, что террором и насилием врагов нельзя уничтожить, если этот враг представляется большой массой людей, к тому же разных социальных ступеней, возрастов, политических убеждений и происхождений. На место одного убитого приходит несколько потенциальных врагов, мстителей за отца, брата и т. д. Любопытно, что эти ненавистники сталинского режима есть среди самых настоящих рабочих и крестьян. Об этом говорят многочисленные письма, которые мы получали от них.[47]

notes

Примечания

1

1 Данные воспоминания были переданы автору-составителю в 1990 г. одним из русских эмигрантов — участников гражданской войны в Испании. Они представляют собой отпечатанную на машинке рукопись, переплетенную в тетрадь. Автор воспоминаний указан не был. Однако анализ рукописи позволяет с уверенностью утверждать, что им является Антон Прокофьевич Яремчук 2-й.

Яремчук 2-й Антон Прокофьевич родился 16 апреля 1986 г. в Острове. В 1916 г. окончил Киевское Николаевское военное училище. Служил в 184-м Острожском и 321-м Окском полках (германский и австрийский фронт), а с 1 августа 1918 г. — в Корниловском ударном полку. Участник 1-го Кубанского похода. Штабс-капитан, Галлиполиец. В эмиграции проживал в Болгарии и Франции (осень 1925 г.). В 1932 г. — начальник группы Корниловского полка и РОВС в Клермон-Ферране. Во время испанской войны служил в Русском отряде терсио Донна Мария де Молина. Был неоднократно награжден за боевые отличия: Во Вторую мировую войну находился в России в рядах итальянской армии (1941–1943 гг.). Был награжден итальянским Военным крестом. Капитан испанской армии в отставке. После войны работал в русской секции на испанском радио. Проживал в Мадриде. Скончался? 14.03.1985 г. Автор книги «Русские добровольцы в Испании» (Сан-Франциско, 1983).

2

2 Болтин Николай Николаевич — полковник лейб- гвардии Конно-Гренадерского полка. В 1910 г. окончил Пажеский корпус. Во время Первой мировой войны был во 2-м лейб-драгунском Псковском полку. Во время гражданской войны в Испании являлся одним из организаторов Русского отряда в армии генерала Франко. Был награжден испанским Военным крестом, а после войны произведен в почетные полковники Национальной милиции. Умер в Мадриде 20 января 1954 г. в возрасте 72 лет.

З

З Трингам Александр Александрович — штабс-ротмистр Дроздовского конного дивизиона. Участник Первой мировой и Гражданской войн. Галлиполиец. Во время гражданской войны в Испании воевал в составе Русского отряда в армии Франко, затем служил в Мадриде в Обществе Электродов. В годы Второй мировой два года воевал в составе «Синей дивизии» в России. Скончался 5.02.1980 г. в деревне близ Мадрида в возрасте 85 лет.

4

4 Тоцкий Лев Георгиевич — юнкер. Во время гражданской войны в Испании служил в Русском отряде армии генерала Франко, а во Вторую мировую — в составе «Синей дивизии» в России. После войны проживал в Аргентине, где и скончался.

5

5 Кривошея Василий Евгеньевич — кадет Полтавского корпуса, унтер-офицер Марковского артиллерийского дивизиона. Галлиполиец. В эмиграции пять лет служил во Французском Иностранном легионе. В годы гражданской войны в Испании воевал в составе Русского отряда армии генерала Франко. В 1940 г. служил сержантом Испанского легиона в Мелильо (Африка), а затем — два года в составе «Синей дивизии» в России. После войны вернулся в Мелилью, где в сентябре 1964 г. погиб от несчастного случая.

6

6 Гурский Сергей Константинович — штабс-ротмистр 6-го Переяславского Драгунского полка. В годы гражданской войны в Испании короткое время воевал в составе Русского отряда армии генерала Франко, затем служил офицером Испанского легиона и в Высшей военной школе. Кавалер двух Лауреад — высших боевых наград. Во время Второй мировой войны был в «Синей дивизии». Умер в Мадриде.

7

7 Кривошея Николай Евгеньевич — капитан Марковского артиллерийского дивизиона. Окончил Полтавский кадетский корпус и в 1926 г. — Михайловское артиллерийское училище. Галлиполиец. Во время гражданской войны в Испании командовал Русским отрядом в терсио Наваррских рекете. В 1940 г. служил офицером в Испанском легионе в Цеуте. Прослужив в Легионе 30 лет, был переведен в Испанский Генеральный штаб. Умер в Мадриде 12 декабря 1971 г.

8

8 Гончаренко Константин Андреевич — подпоручик Марковского полка. В годы гражданской войны в Испании воевал в составе Русского отряда армии генерала Франко, служил офицером Испанского легиона. Во время Второй мировой войны был в «Синей дивизии» в России, где и погиб в 1942 г. на льду реки Волхов.

9

9 Артюхов Николай Сергеевич — подпоручик Марковского полка. В период гражданской войны в Испании воевал в Русском отряде армии генерала Франко. Был офицером Испанского легиона. В 1942 г. находился в составе «Синей дивизии» в России. После войны служил в Мадриде, где и скончался в 1981 г.

10

1 ˚Селиванов Николай Иванович — штабс-капитан. Окончил Владимирское военное училище (1916), служил в 171-м пехотном кобринском полку. В годы Гражданской войны воевал в составе Северо-Западной армии. Во время войны в Испании, с 1937 по 1939 г. воевал в Русском отряде армии генерала Франко. В 1940 г. работал в Национальной библиотеке в Мадриде. Во Вторую мировую — в итальянских войсках. После войны работал в испанском министерстве информации, являлся диктором русской секции «Радио Испания». Скончался 4 сентября 1970 г. в Мадриде от разрыва сердца.

11

11 Сладков Николай Константинович — подпоручик лейб-гвардии Петроградского полка. Участвовал в десанте на Кубани (из Крыма), был награжден Георгиевским крестом. Окончил военное училище в Галлиполи (топограф), а затем — Константиновское в Болгарии. Во время испанской войны находился в составе Русского отряда армии генерала Франко, был неоднократно награжден. В годы Второй мировой войны служил офицером в итальянской армии в России. После войны работал инженером-строителем в Испании. Умер в Пуэртоляно 1 января 1962 г. от лейкемии.

12

12 Пылаев Лев Никаноровнч — поручик Марковского Артиллерийского дивизиона. Окончил Нижегородский кадетский корпус и Михайловское артиллерийское училище. Галлиполиец. Во время гражданской войны в Испании воевал в составе Русского отряда армии генерала Франко. Умер в Барселоне 23 ноября 1970 г.

13

13 Голбан Дмитрий Корнильевич — штабс-капитан Марковского артиллерийского дивизиона. Кавалер Георгиевского креста 4-й и 3-й степеней, галлиполиец. Во время гражданской войны в Испании воевал в составе легиона армии генерала Франко. Был награжден Военным крестом и двумя орденами «За доблесть». После войны был прикомандирован к Высшей военной школе в Мадриде в качестве начальника солдатской команды. Умер в Мадриде 22 августа 1971 г. от кровоизлияния в мозг.

14

14 Белевский Николай Александрович — участник Гражданской войны. До эвакуации Русской армии из Крыма — юнкер в учебном кавалерийском дивизионе. Окончил Николаевское кавалерийское училище. Корнет 9-го Гусарского полка. В эмиграции, с 1924 по 1939 г. проживал в Албании. Служил в Албанской армии. Подполковник. В годы Второй мировой войны служил в италъянских войсках. После войны вернулся в Албанию, где был убит в середине 1940-х годов коммунистами.

15

15 Ларионов Борис Павлович — из семьи офицера. В 1911 г. окончил Нижегородский кадетский корпус, затем Николаевское инженерное училище. Галлиполиец. В эмиграции проживал в Югославии, числился в техническом батальоне Русской армии. Штабс-капитан. С 1929 по 1941 г. служил во Французском географическом обществе в Бейруте. В годы Второй мировой войны — переводчик в итальянских войсках в России. После войны с 1948 г. проживал в Аргентине, где и скончался 25 июня 1965 г.

16

16 Бриллиантов Сергей Петрович — штабс-капитан Марковского пехотного полка. В период гражданской войны в Испании воевал в Русском отряде армии генерала Франко. Умер в Мадриде 13 июля 1940 г. от разрыва сердца.

17

17 Фиалковский — выслужился в офицеры из солдат. Ротмистр. В эмиграции — член НТСМ. После расформирования Русского отряда, посадившего на албанский престол Ахмета-Бей-Зогу, остался в Албании. В годы Второй мировой воны находился в итальянских частях в России. Служил в управлении корпусной артиллерии в Клинцах, а затем переводчиком в артиллерийской части. После войны вернулся в Албанию, где за антикоммунистическую деятельность был приговорен к 101 году заключения. Спустя некоторое время, по некоторым сведениям, был освобожден.

18

18 Юренинский Михаил Николаевич — капитан Марковского пехотного полка. В годы гражданской войны в Испании воевал в Русском отряде армии генерала Франко. С 1940 г. служил в испанском государственном банке. Умер в Мадриде от кровоизлияния в мозг.

19

19 Белин Петр Васильевич — капитан Корниловского артиллерийского дивизиона. Окончил Михайловское артиллерийское училище. Участник 1-го кубанского похода. В годы гражданской войны в Испании служил офицером в армии Франко, а во время Второй мировой войны — в итальянских войсках в России. После войны жил в Испании, работал инженером в организациях по восстановлению опустошенных войной местностей, затем — на Испанском национальном радио. Умер в Мадриде 31 июля 1977 г. от рака легких.

20

20 По всей видимости, речь идет о майоре Вадиме Островском. В. Островский родился в 1906 г. в семье офицера Императорской армии, пропавшего без вести в Гражданскую войну. Вместе с матерью эмигрировал в Югославию. Учился в Крымском и 1-м Русском кадетских корпусах, а затем в Югославском юнкерском училище, откуда вышел в артиллерию. Служил в береговой артиллерии Югославской армии на Адриатическом море. Вторую мировую войну начал в чине капитана, исполняя должность командира батареи в Долмацио (Италия). В одном из боев попал в плен. Изъявил желание сражаться против большевиков. Служил в русских добровольческих формированиях в России. Был произведен в чин майора. В конце войны (с января 194S г.) — командир дивизиона кавалерийского полка, затем — командир полка. Был награжден Железными крестами 1-го и 2-го класса. После капитуляции Германии вместе с казаками находился в Лиенце. За смелые высказывания в адрес английских офицеров, руководящих выдачей казаков в СССР, был приговорен к расстрелу, но бежал. После войны вернулся в Италию, а спустя некоторое время переехал в Аргентину. Работал коком на пароходе, совершавшем рейсы в Европу, и охранником на бензоколонке. При налете на бензоколонку бандитов был сильно избит и скончался от нанесенных ран (1969–1970 гг.)

21

Ясинский Валерий Абросимович (Амвросиевич) — дворянин, штабс-капитан в Армии Колчака, коллаборационист, бургомистр города Тверь в 1941 г., кавалер Железного креста 2-го класса, подполковник вермахта, власовец, активный деятель РОА. В советское время был дважды судим «за подлог и снабжение бывших белых офицеров фальшивыми документами», в 1930 г. был арестован по подозрению в службе в колчаковской контрразведке и выслан из Ленинграда в Казахстан сроком на пять лет. После отбытия срока Ясинский в феврале 1941 г. приехал в Калинин. Будучи идеологическим врагом советской власти, после оккупации Калинина пошёл на сотрудничество с немцами, и был рекомендован на должность бургомистра Калинина. Позднее Ясинский работал руководителем районного самоуправления в городе Лепеле, затем в том же качестве в городе Гомель. Ясинский закончил школу пропагандистов РОА в Дабендорфе, и Власов лично напутствовал его при выпуске. В чине подполковника Ясинский стал начальником отдела кадров «Опеки русских граждан» (в филиале Восточного министерства в городе Петерсхаген). После захвата города в апреле 194S г. английскими войсками, Ясинский, имевший английский орден, предложил им свои услуги в формировании экспедиционного корпуса для борьбы сначала против Японии, а затем и против Красной армии. До 1958 г. Ясинский жил в Германии. Затем эмигрировал в Австралию, где после 1966 г. его следы были потеряны.

22

Туркул Антон Васильевич. Родился в 1892 г. Первую мировую войну начал вольноопределяющимся 75-го пехотного Севастопольского полка. Заслужил два солдатских Георгиевских креста и был произведен в офицеры. К концу войны — штабс-капитан. В 1919 г. — командир 1-го и 2-го офицерского генерала Дроздовского полка в Добровольческой армии и в ВСЮР. В Русской армии генерала Врангеля произведен в генерал-майоры и назначен командиром Дроздовской дивизии. После эвакуации Крыма был назначен генералом Врангелем командиром сводного Дроздовского полка. В эмиграции в 1935 г. основал и возглавил РНСУВ. В годы Второй мировой войны участвовал в формировании Русской Освободительной Армии (РОА). Автор книги «Дроздовцы в огне» (Мюнхен, 1948 г.). Скончался 20 августа 1957 г. в Мюнхене.

23

13 октября 1943 г. новое правительство Италии во главе с Бадолио объявило войну Третьему рейху.

24

Скородумов Михаил Федорович. Окончил 1-й кадетский корпус и Павловское военное училище. В 1912 г. произведен в подпоручики лейб-гвардии в Павловском полку. Участник Первой мировой войны. За выполнение боевого задания, позволившего провести успешное наступление, награжден орденом Св. Владимира 4-й ст.

27 августа 1914 г. тяжело ранен. После лечения признан негодным к строевой службе, но настоял на возвращении на фронт. 22 июля 1915 г. во время общего наступления, командуя батальоном, прикрывал отход 2-й Гвардейской пехотной дивизии. Во время боя вновь был тяжело ранен и попал в плен. Несмотря на пленение, награжден орденом Св. Георгия (единственный случай награждения попавшего в плен) за спасение дивизии. Пробыл в плену один год и семь месяцев. Трижды неудачно бежал. 25 февраля 1917 г. с партией инвалидов вернулся в Петроград — был обменен по ходатайству полка и лично великой кн. Марии Павловны, как выдающийся офицер. Несмотря на инвалидность, вступил в Добровольческую армию. Участвовал в Днестровском походе, был снова ранен (при взятии Киева в 1919 г.), воевал в Крыму на Перекопе. Полковник. После разгрома Белой армии прибыл в Болгарию, а позднее — в Югославию. В эмиграции был произведен в генерал-майоры. В 1941 г. после немецкой оккупации назначен шефом русской эмиграции в Югославии. Во время коммунистического восстания отдал приказ о формировании Отдельного Русского корпуса, который и был создан в основном из офицеров — чинов Русского Общевоинского Союза (РОВС) и Русского Народного Ополчения. В период формирования Корпуса был арестован немцами и посажен в тюрьму, где провел 21 день. После освобождения три года занимался сапожным ремеслом, а при вступлении Красной армии в Сербию, несмотря на предложение немцев вернуться на пост шефа эмиграции, вступил в Корпус рядовым борцом. В его составе проделал весь босанский поход от Белграда до Чачка и от Чачка до Слав. Брода.

25

Основой Русского корпуса стали чины Русского Народного Ополчения — монархической организации военного типа, созданной в апреле 1934 г. в Югославии генералом Скородумовым. Ополчение было основано на строгом подчинении и безусловном повиновении начальникам как единоличной власти и императорским российским законам. Во главе Ополчения стоял начальник, который имел двух помощников — по строевой и хозяйственной части. При РНО работала комиссия по проверке денежных сумм, отдел печати и пропаганды, суд чести, хозяйственная часть, приемная комиссия, санитарная часть и канцелярия. Структурно Ополчение было разбито на дружины: пехотную, кавалерийскую и т. п., которые имели свое обмундирование, выхлопотанное М . Ф. Скородумовым в Военном министерстве. В 1934 г. численность Ополчения составляла, не считая командного состава, около 500 строевых офицеров, солдат, казаков и калмыков, а к началу Второй мировой войны — более тысячи.

26

26 Штейфон Борис Александрович родился 6 декабря 1881 г. в Харькове. Окончил Харьковское реальное училище, Чугуевское пехотное училище и Николаевскую военную академию (1911). Участник Русско-японской и Первой мировой войн. Из училища выпущен в 124-й пехотный воронежский полк. В 1914 г. — капитан и и. д. помощника начальника разведывательного отделения Управления генерал-квартирмейстера штаба Кавказской армии. В 1915 г. — подполковник на прежней должности в полевом штабе генерала Юденича. Принимал активное участие в подготовке штурма Эрзерума и в январе 1916 г. участвовал в нем. В июле 1916 г. — штаб-офицер для поручений при штабе 1-го армейского корпуса. После Октябрьской революции вернулся из армии на место своего постоянного жительства — в Харьков. Здесь, еще при советской власти, а затем во время германской оккупации возглавлял подпольную группу офицеров Генерального штаба (в нее входили полковники фон Лампе, Ткачев и др.), занимавшуюся переброской офицеров в Добровольческую армию и добыванием для нее вооружения и боеприпасов. Этот «Добровольческий центр в Харькове», или «Центр полковника Штейфона», был признан штабом Добровольческой армии, и его члены числились в ее составе. В сентябре 1918 г. полковник Штейфон, уходя от агентов Петлюры, покинул Харьков и явился в штаб Добровольческой армии в Екатеринодаре, где вскоре был назначен командиром вновь сформированного Белозерского пехотного полка. В июле 1919 г. был назначен начальником штаба Полтавского отряда, ядром которого была 6-я дивизия генерала Бредова. Остался начальником штаба при генерале Бредове, когда последний возглавил группу войск, отходившую из района Одессы вверх по Днестру на соединение с Польской армией. В начале 1920 г., когда войска генерала Бредова были интернированы в Польше, полковник Штейфон помог генералу Бредову добиться переброски этих войск через Румынию в Крым. Будучи проездом в Константинополе в начале сентября 1920 г., полковник Штейфон узнал от представителя генерала Врангеля о своем производстве в генерал-майоры. После эвакуации армии генерала Врангеля из Крыма добровольно отправился в лагерь Галлиполи рядовым. Тем не менее вскоре после прибытия был назначен генералом Кутеповым на должность коменданта лагеря. Из Галлиполи прибыл с войсками 1-го армейского корпуса в Болгарию, в Тырново, где и. д. начальника штаба корпуса (1922). Был выслан

правительством Стамбулийского в Королевство СХС и поселился в Белграде. За заслуги и деятельность на посту коменданта в Галлиполи генерал Штейфон был произведен в генерал-лейтенанты. Активно участвовал в офицерском Союзе участников войны и был удален генералом Врангелем из РОВСа за попытку уйти из общего подчинения «легитимному Генеральному штабу». В конце 1920-х— начале 1930-х гг. опубликовал ряд работ по истории военного искусства и занимался преподавательской деятельностью. В 1941 г. во время формирования Русского Охранного корпуса в Сербии был приглашен генералом Скородумовым занять пост начальника штаба. После отрешения от должности и временного ареста генерала Скородумова немецким командованием за его заявление, что корпус будет стремиться к продолжению борьбы с советским режимом, командование корпусом принял генерал Штейфон. Тяжело переживая потери корпуса в Югославии, генерал Штейфон не выдержал напряжения и скоропостижно скончался 30 апреля 1945 г.

27

27 Медынский Александр Иванович. Родился в 1891 г. в г. Виннице Подольской губернии. В 1910 г. окончил киевский Владимирский кадетский корпус а затем — Константиновское артиллерийское училище в Петербурге. Участвовал в Первой мировой и Гражданской войнах. В 1920 г. в чине подполковника эвакуировался с Белой армией. Проживал в Париже. С 1943 г. принимал активное участие в формировании казачьих частей Казачьего Стана и 1-й казачьей дивизии (впоследствии — 15-й казачий кавалерийский корпус). С февраля 1945 г. являлся начальником 1-го Юнкерского казачьего училища. Полковник. После капитуляции Германии вместе с другими казачьими офицерами выдан советским властям. До 1956 г. находился в различных лагерях СССР. После освобождения выехал во Францию. Скончался в 1969 г.

28

28 Гельмут фон Паннвиц (нем. Helmuth von Pannwitz) родился в 1898 г. в деревне Боцановиц в Силезии (ныне Польша, воеводство Олесно) в семье прусских дворян. С началом Первой мировой войны из кадетского корпуса отправился добровольцем на Западный фронт. Служил в 1-м уланском Императора Александра III полку. В 1915 г. получил звание лейтенанта (в возрасте 16с половиной лет). Награждён Железными крестами 2-й и 1-й степеней. После окончания войны в 1920 г. из-за сокращения германских вооружённых сил по Версальскому договору вышел в отставку в звании обер-лейтенанта. В 1934 г. вернулся в армию. Участвовал (в звании майора, командира разведбатальона дивизии) во вторжении в Польшу (1939). Был награждён планками к Железным крестам обеих степеней (повторное награждение). Участвовал в боевых действиях во Франции (1940), с 1941 г. — на Восточном фронте (подполковник). Награжден Рыцарским крестом Железного креста. Успешно командовал войсками в ходе отражения советского наступления на Северном Кавказе зимой 1942–1943 г. В марте 1943 г, в местечке Милау (Млаве) возглавил 1-ю казачью кавалерийскую дивизию, сформированную из казачьих подразделений, преданных германским военным частям (казачьих полков фон Рентельна, фон Юнгшульца, фон Безелагера, Ярослава Котулинского, Ивана Кононова, 1-го Синегорского Атаманского и проч.). В июне 1943 г. получил звание генерал-майор, в апреле 1944 г. — генерал-лейтенант. Сформированная Паннвицем казачья дивизия с октября 1943 г. участвовала в боях в Хорватии против коммунистических партизан Тито. В связи с переподчинением корпуса командованию войск СС, И февраля 1945 г. получил чин группенфюрера СС и генерал-лейтенанта войск СС. Казачья дивизия под его командованием была развёрнута в 15-й казачий кавалерийский корпус СС. В 1945 г. был единогласно избран Всеказачьим Кругом в Вировитице Верховным походным атаманом Казачьего стана. К концу войны Корпус численностью более 2000 штыков и сабель занимал позиции на южном берегу р. Дравы. Чтобы не допустить пленения казаков советскими войсками, фон Паннвиц организует прорыв Корпуса в Карантию, входившую в британскую оккупационную зону. Позже вместе с другими германскими офицерами Корпуса был выдан СССР. В 1947 г. был повешен по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР на основании ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. «О

мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников Родины из числа советских граждан и для их пособников».

29

29 Павлов Сергей Васильевич родился 4 октября 1896 г. в ст. Екатерининской. Сын войскового старшины. Настоящее имя — Ерофей. Окончил Донской кадетский корпус и Николаевское кавалерийское училище, из которого в 1915 г. был выпущен хорунжим в 47-й донской казачий полк. В конце 1916 г. командирован в Винницкую школу военных летчиков и зачислен в состав русской авиации. После Октябрьской революции 1917 г. возвратился на Дон. Вступил в отряд донских партизан, был тяжело ранен и находился на излечении в ст. Константиновской. Во время общего восстания казаков оказался в их рядах; затем служил в броневых частях и авиации Донской армии. Дослужился до чина полковника. Не сумев в марте 1920 г. эвакуироваться из Новороссийска, перешел на нелегальное положение, пользовался фальшивыми документами, стал называться Сергеем, работал бухгалтером, чертежником, но постоянно жил под угрозой ареста. В 1936 г. был арестован, но не опознан и вскоре освобожден. К 1939 г. прошел заочный курс технической школы и получил аттестат инженера-конструктора. Перед войной работал инженером на паровозостроительном заводе «Локомотив» в Новочеркасске, где создал подпольную антибольшевистскую организацию. Летом 1942 г. после вступления немцев в Новочеркасск вместе с другими казачьими офицерами предложил германскому командованию помощь казаков в борьбе с Советами, добился разрешения на формирование Донского Войскового штаба и строевых казачьих частей. В конце 1942 г. сформировал пластунскую сотню и 1-й донской казачий полк, которые были почти полностью уничтожены в боях с Красной армией в феврале 1943 г. Как донской походный атаман возглавил казаков-беженцев, покинувших вместе с германской армией Дон и обосновавшихся с весны 1943 г. в Херсоне, а затем в Кировограде, где сформировал еще несколько казачьих полков. С декабря того же года — походный атаман Казачьего стана. С марта 1944 г. — член Главного управления казачьих войск (ГУКВ). 17 июня 1944 г. погиб в Белоруссии на лесной дороге у г. Новогрудка, где белорусская полицейская застава ночью приняла его отряд за партизан и открыла по казакам огонь. По другой версии Павлов был убит своим адъютантом сотником Д . В. Богачевым, который был разоблачен как советский агент и расстрелян 3 июля 1944 г.

30

30 Доманов Тимофей Николаевич родился в 1887 г. на хуторе Калиновском станицы Мигулинской Верхне-Донского округа области войска Донского. Участник Первой мировой войны, на 1917 год состоял в чине прапорщика, член Донского войскового круга. С февраля 1918 г. — в Рабоче-Крестьянской Красной армии. В сентябре 1918 г. был взят в плен германскими войсками и передан представителям Донской армии, куда перешел позже и в составе которой затем участвовал в боях с РККА. В 1919–1920 гг. командир сотни Гундоровского Георгиевского полка, сотник. После окончания Гражданской войны остался в РСФСР. С 1925 г. жил в городе Шахты, работал шахтёром. В 1934 г. арестован по обвинению в растратах. В заключении был завербован в секретные агенты-осведомители НКВД и выпущен на свободу. В 1936–1937 гг. — бухгалтер в Ессентуках. В 1938 г. переехал в город Пятигорск. Арестован за недостачу. Приговорён к 10 годам лишения свободы с поражением в правах на 5 лет. В 1942 г. освобождён и остался в городе, а в ноябре 1942 г., после вступления германской армии в Пятигорск, переехал в Шахты. В конце ноября 1942 г. явился в штаб походного атамана Войска Донского, представившись подъесаулом. С декабря 1942 г. — представитель походного атамана в Шахтах и командир казачьей сотни при комендатуре станицы Каменской. В 1942–1943 гг. — со своей казачьей сотней следил за порядком на советских территориях. С марта 1943 г. — представитель походного атамана в Орехове. В мае — августе 1943 г. — представитель походного атамана в Запорожье. Сформировал 2 казачьих полка (около 3 тысяч человек) для борьбы с партизанами. В августе 1943 г. эти полки были приданы частям вермахта и приняли участие в боях с регулярными частями Советской армии. С ноября 1943 г. — начальник штаба походного атамана. С 20 июня 1944 г. — походный атаман Казачьего стана и член Равного управления казачьих войск Имперского Министерства восточных оккупированных территорий Германии. В 1944 г. подчинённые ему части вели бои с партизанами в Белоруссии, за что Доманов был награждён орденом Военного креста 1-й степени. 2 июля 1944 г. его части впервые вступили в бой с регулярными частями Красной армии. В августе 1944 г. 5-й казачий полк участвовал в подавлении Варшавского восстания. С конца 1944 г. находился в Италии. Участвовал в боях с итальянскими бойцами движения Сопротивления. 7 мая 1945 г. перебрался с казаками в Австрию, где сдался англичанам. 29 мая 1945 г. выдан представителям

советского командования. 16 января 1947 г. Военной коллегией Верховного суда СССР походный атаман Казачьего стана Главного управления казачьих войск Министерства восточных территорий Германии генерал-майор вермахта Т . Н. Доманов был приговорён к смертной казни через повешение и конфискации всего лично ему принадлежащего имущества. В тот же день казнён в Москве.

31

31 Гирей-Султан Клыч родился в 1880 г. в ауле Ульском Майкопского отдела Кубанской области (ныне аул Уляп Красногвардейского района Республики Адыгея). Закончил кадетский корпус и военное училище. Участник подавления революции 1905 г. Первую мировую войну начал ротмистром, командовал 3-й сотней Черкесского конного полка. Окончил войну в чине полковника, командиром этого полка, получив все возможные в его положении награды, включая орден Св. Георгия и оружие. Летом 1917 г. участвовал в корниловском выступлении.

25 марта 1918 г. по представлению командующего войсками Кубанского края за боевые отличия произведен в генерал-майоры. В Добровольческой армии — командир 2-й бригады 1-й Конной дивизии, а затем — начальник Черкесской конной дивизии («Дикой дивизии»), которая активно боролась с большевиками и отличилась репрессиями против иногороднего населения Кубани, симпатизировавшего большевикам. В 1920 г. после поражения и эвакуации ВСЮР в Крым, вместе с остатками своей дивизии перешёл с разрешения грузинского правительства границу Грузинской республики, где и был интернирован. Затем уехал в Крым, а оттуда по приказу генерала Врангеля в Карачаевскую область Северного Кавказа — для организации «бело-зеленых» отрядов. Командуя сформированными отрядами, в боях с Красной армией потерпел поражение и вновь бежал в Грузию. Весной 1921 г. эмигрировал за границу. В эмиграции стал одним из руководителей националистической «Народной партии горцев Северного Кавказа», боровшейся за отторжение Северного Кавказа от СССР и создание Северо-Кавказской республики. Являлся членом её ЦК, входил в состав «Комитета независимости Кавказа», состоявшего из руководителей грузинских, армянских, азербайджанских и горских националистов. Во время Второй мировой войны вместе с другими кавказскими и закавказскими националистами организовал ряд «Национальных комитетов» и принял активное участие в формировании воинских горских частей. В начале 1943 г. созданная им Кавказская дивизия была переведена в Италию, где в мае 1945 г. была интернирована англичанами. 29 мая в числе 125 кавказских офицеров он был доставлен в Юденбург, передан органам НКВД и этапирован в Москву. Вместе с генералом Красновым и другими казаками по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР был приговорён к повешению и казнен 16 января 1947 г.

32

32 Науменко Вячеслав Григорьевич родился в 1883 г. Окончил Воронежский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище и два класса Николаевской военной академии (1914). С марта 1915 г. — старший адъютант штаба 1-й кубанской казачьей дивизии. В 1917 г. — начальник штаба 4-й кубанской казачьей дивизии. Полковник. В Добровольческой армии с 1918 г. Командир Корниловского конного полка, а затем бригады в 1-й конной дивизии генерала Врангеля. Генерал-майор в ноябре 1918 г. — по представлению генерала Врангеля. В декабре становится начальником 1-й конной дивизии и в то же время избирается Походным атаманом Кубанского казачьего войска. В 1919 г. — командир 2-го Кубанского конного корпуса в составе Кавказской армии генерала Врангеля. В Русской армии в сентябре 1920 г. принял командование конной группой генерала Бабиева после гибели последнего. Генерал-лейтенант Генерального штаба. В эмиграции — бессменный Походный атаман Кубанского казачьего войска. Во время Второй мировой войны временно исполнял должность (вместо генерала П . Н. Краснова) начальника Главного управления казачьих войск. После войны выехал в США и умер в доме Толстовского фонда под Нью-Йорком 30 октября 1979 г. Автор книги (сборник материалов и документов) «Великое предательство» (Нью-Йорк, 1962), посвященной выдаче казаков в Лиенце и других местах (1945–1947).

33

33 Соломахин Михаил Карпович родился в 1888 г. Казак Кубанского войска. В Гражданскую командир 1-го Хоперского полка Кубанского войска. Служил в Русском корпусе. Генерал-майор Генерального штаба. Выдан в Лиенце в 1945 г. Освобожден в 1956 г. Умер в 1967 г. в Апшеронске.

34

34 Краснов Николай Николаевич (младший) родился в 1918 г. в Москве в семье полковника Генерального штаба, казака станицы Урюпинской — Краснова Н.Н. В 1919 г. был вывезен родителями в Королевство СХС. Окончил югославское юнкерское училище, служил в Югославской королевской армии. Состоял членом югославской антикоммунистической организации «Збор». После нападения Германии на Югославию принимал участие в боях с немцами, попал в плен. После освобождения из плена вступил в немецкую армию и добился направления на Восточный фронт. Воевал в составе дивизии «Бранденбург». При организации Русского охранного корпуса на Балканах вступает в его ряды. Был ранен, за отличия по службе несколько раз награжден. Осенью 1943 г. был переведен в Русский корпус, а затем в Казачий стан — в штаб Походного атамана Т . И. Доманова. После окончания войны, в числе офицеров Казачьего стана был выдан в СССР вместе с отцом и дядей — генерал-майором С . Н. Красновым (начальник штаба Главного управления казачьих войск). После десяти лет пребывания в советских концлагерях в 19SS г. освобождается как иностранный подданный. После освобождения выехал к своей кузине в Швецию, а затем в Аргентину. Избирался атаманом казачьей станицы, носившей имя П . Н. Краснова. Принимал активное участие в жизни русской колонии в Буэнос-Айресе. Основатель Русского театра в Буэнос-Айресе и Общества друзей Русского театра, выступал на сцене как актер. Автор книги «Незабывамое» (написание воспоминаний стало для Николая Краснова выполнением обещания, данного любимому родственнику — П . Н. Краснову — во время их последнего свидания в Лефортовской тюрьме осенью 1945 г. В конце 1950-х — начале 1960-х гг. книга «Незабываемое» была переиздана на английском языке под названием «Скрытая Россия». Умер 22 ноября 1959 г. на сцене во время спектакля Островского «На бойком месте». Похоронен на кладбище в Сан-Мартине.

35

35 Здесь полковнику А . И. Медынскому изменила память. Руководство юнкерским училищем взял на себя портупей-юнкер инженерного взвода Юськин. Войсковой старшина Шувалов (майор Красной армии, награжденный орденом Боевого Красного Знамени, был выдан вместе с офицерами. Его жена, узнав о судьбе офицеров, вместе с новорожденным младенцем добровольно вернулась в СССР, чтобы разделить судьбу мужа. Из офицеров училища избежал выдачи сотник Сережников, ушедший в горы перед погрузкой офицеров на грузовики.

36

36 Потоцкий Евгений Сергеевич родился около 1875 г. Из Ставропольского юнкерского училища вышел на службу в 1-й линейный казачий полк со званием подхорунжего и там был произведен в чин хорунжего На фронт Первой мировой войны вышел в чине подъесаула. 10 августа 1914 г. во главе своей сотни атаковал австрийцев и захватил действующую батарею. За этот подвиг был награжден орденом Св. Георгия 4-й ст. После Гражданской войны, в 1920 г. эмигрировал в Югославию. Генерал-майор. В годы Второй мировой войны участвовал в вооруженной борьбе против Советского Союза в составе германской армии. Был выдан англичанами и передан в СССР.

37

37 Нафанаил — архиепископ Венский и Австрийский (до принятия монашества — Львов Василий Владимирович). Родился в 1906 г. в Москве в семье члена Государственной думы. Учился в Бугурусланском и Томском реальных училищах. Эмигрировал в Маньчжурию. Окончил Харбинское реальное училище (1922 г.). Работал на Китайско-Восточной железной дороге. Одновременно поступил на богословский факультет Русского института св. Владимира в Харбине. В 1929 г. принял монашеский постриг и был назначен законоучителем при детском приюте. В сане иеромонаха сопровождал архиепископа Нестора (Анисимова) в его миссионерской поездке на Цейлон, где в 1935 г. наметилось присоединение большой группы индийских христиан к православию. По возвращении в Харбин был возведен в сан архимандрита и в 1939 г. направлен в монастырь Св. Иова в Ладомирову (Словакия) для участия в организации пастырских курсов. Во время Второй мировой войны участвовал в издании книг для населения оккупированных немцами областей России. В конце войны был переведен в Берлин настоятелем кафедрального Воскресенского собора. За несколько дней до занятия города советскими войсками бежал в Гамбург, где создал подворье преподобного Иова Почаевского. Принимал активное участие в спасении бывших советских граждан от репатриации. В 1946 г. рукоположен митрополитом Анастасием в епископа Брюссельского и Западноевропейского. В 1952 г. был назначен администратором русских приходов в Северной Африке. В 1954 г. вернулся в Германию и с 1966 г. стал настоятелем монастыря преподобного Иова Почаевского в Мюнхене. С 1971 г. управлял австрийской епархией, с 1981 г. — архиепископ Венский и Австрийский. Автор нескольких книг и статей в «Православной Руси», «Церковном Голосе», «Вестнике Православного Дела Западной Германии» и др. Скончался 8.11.1987 г. в монастыре св. Иова Почаевского в Мюнхене.

38

38 Воспроизводится по: «Православная Русь», 1976, № 18, с. 12–15.

39

39 Поремский Владимир Дмитриевич. Родился в 1909 г. в семье военного в г. Ченстохове. В 1920 г. вместе с семьей эвакуировался из Севастополя в Югославию. Учился в русской гимназии в Белграде. Окончил один курс Белградского университета. В 1928 г. переехал в Париж, где до 1931 г. занимался в Сорбонне и получил научную степень. В 1932 г. окончил институт химии в Лилле с дипломом инженера-химика. В 1932–1939 гг. работал в исследовательской лаборатории судебной идентификации Министерства юстиции в Париже, затем в 1939–1941 гг. — в Институте прикладной химии. Автор ряда научных трудов по молекулярным структурам и спектральному анализу. Активный член НТС. С начала 1930-х гг. — Председатель французского отдела, с 1932 г. — член Совета НТС. В 1941 г. препровожден гестапо в Берлин. Работал переводчиком в Министерстве иностранных дел, преподавал пропаганду в Вустрау. В декабре 1943 г. был избран в Исполнительное бюро НТС. В июне 1944 г. арестован гестапо и заключен в тюрьму в Берлине, а позже — в лагерь Заксенхаузен. В апреле 1945 г. был освобожден по личному ходатайству генерала А . А. Власова. После окончания войны арестован англичанами и заключен в лагерь военнопленных в Ноймюнстере, где находился до 1946 г. После освобождения проживал в лагере ДИ-ПИ Менхегоф под Касселем, а затем в Лимбурге-на-Лане, где размещалось издательство НТС «Посев». В 1952 г. переехал во Франкфурт-на-Майне. Продолжал активно заниматься политической деятельностью. С января 1955 по 1972 г. — Председатель НТС, основатель «тамиздата». Автор многих политических и идеологических работ, опубликованных в газетах, журналах: «Посев», «Грани» и т. д., научных сборниках, вышедших отдельными изданиями. Скончался в 1997 г. во Франкфурте-на-Майне (Германия). Похоронен на городском кладбище Гауптфридхоф.

40

40 Лейббрандт Георг. Родился в 1899 г. в Хофнунгстале под Одессой. После Октябрьской революции служил в немецкой самообороне. Бежал в Германию. Изучал историю и народное хозяйство, в 1927 г. защитил докторскую диссертацию. С 1931 по 1933 г. — стипендиат фонда Рокфеллера в США В 1933 г. вступил в НСДАП. Вышел из партии в 1934 г. Вторично вступил в 1938 г. Руководил восточным отделом во внешнеполитическом ведомстве Альфреда Розенберга. После создания Восточного министерства назначен начальником главного политического отдела. Летом 1943 г. по настоянию СС был отстранен от дел. До 1949 г. находился в заключении. В 1950-х гг. проживал в Германии.

41

41 Интервью автора-составителя с В . Д. Поремским. 5.06.1996. Магнитофонная запись.

42

42 Власов Андрей Андреевич — родился 1.09.1901 г. в с. Ломакино Покровской волости Серначевского уезда Нижегородской губернии в семье крестьянина. Русский. В 1919 г. окончил 1-й курс агрономического факультета Нижегородского государственного университета. В РККА с 1920 г. Член РКП(б) с 1930 г. Окончил Нижегородские пехотные курсы (1920), высшие стрелково-тактические курсы усовершенствования командного состава РККА им. Коминтерна (1929). Занимал различные должности — от командира взвода до начальника 2-го отдела штаба ЛенВО. С января 1936 г. — майор, с 16 августа 1937 г. — полковник. В конце октября 1938 г. был направлен в Китай в качестве военного советника. Служил в Чунцине (псевдоним — Волков). До февраля 1939 г. стажировался в штабе главного военного советника (комдива А. Черепанова). Читал лекции чинам китайской армии и жандармерии по тактике стрелковых подразделений. С февраля 1939 г. находился в качестве советника при штабе маршала Янь Сишаня, возглавлявшего 2-й военный район (провинция Шаньси) и вошедшего позже в блок для совместных действий против «красной опасности». В августе 1939 г. «за нарушение норм поведения советского коммуниста за рубежом» был переведен в приграничные районы Монголии. 3 ноября 1939 г. вернулся в СССР После Китая занимал должности: командира 72-й стрелковой и 99-й стрелковой дивизий КОВО. С 28.02.1940 г. — комбриг, с 5.06.1940 г. — генерал-майор. Был награжден орденом Красного Знамени. С 17.01.1941 г. — командир 4-го механизированного корпуса КОВО. В начале Великой Отечественной войны с частями корпуса попал в окружение. После выхода был назначен командующим 37-й армией Юго-Западного фронта. Вновь попал в окружение. После выхода и соответствующей проверки был назначен командующим 20-й армией, с которой принял участие в обороне Москвы. Был награжден орденом Красного Знамени. С 24.01.1942 г. — генерал-лейтенант. В дальнейшем занимал должности заместителя командующего Волховским фронтом и командующего 2-й Ударной армией.

12 июля, выходя из окружения, был взят в плен. После допросов и бесед с представителями германского командования дал согласие сотрудничать с немцами. Стал организатором Русской Освободительной Армии (РОА). В конце 1944 г. возглавил Комитет Освобождения Народов России (КОНР), стал командующим ВС КОНР. В мае 1945 г. был арестован советскими

органами и доставлен в Москву. В ночь на 1 августа 1946 г. по приговору ВКВС СССР был повешен.

43

43 Здесь Ф . П. Богатырчук повторяет один из распространенных мифов, которыми «грешат» многие страницы биографии генерала Власова. В частности, образ героического защитника столицы стал создаваться сразу же после провозглашения Власова лидером РОД. В советский период, еще до войны, мифологизации Власова способствовала публицистическая работа известного писателя и журналиста Ильи Эренбурга. Главными аргументами, подтверждающими полководческий талант генерала Власова, стали ссылки на советские газеты, опубликовавшие его портрет в числе других военачальников, оборонявших Москву. Подчеркнем, что в газетах были опубликованы портреты всех командующих армий, принимавших участие в боях под Москвой, без деталировки их вклада и заслуг. Между тем командование Власовым под Москвой действующей армией составило всего около месяца, а если учесть его лечение в госпитале, и того меньше. Пример тому — свидетельства очевидцев, в частности, начальник штаба 20-й армии полковника (с 1944 г. — генерал-полковник) Л . М. Сандалова:

«Надо сказать, что назначенный командующим 20-й армией Власов (оказался позже предателем) до освобождения Волоколамска армией, по существу, не командовал.

Он объявил себя больным (плохо видит, плохо слышит, разламывается от боли голова). До начала операции жил в гостинице БД КА, а затем его перевозили с одного армейского КП на другой под охраной врача, медсестры и адъютанта. Подходить к нему не разрешали (и это в тяжелейший для страны период!!! — А. О.). Все документы для подписи я посылал Власову через адъютанта, и он приносил их подписанными без единого исправления. Впервые я, да и другие офицеры штаба, увидели Власова — в Чисмене (под Волоколамском). А первый доклад я делал ему лишь в Волоколамске. Поэтому от начала операции до выхода армии в Волоколамск мне совместно с заместителем командующего армией полковником Лизюковым А . И. (впоследствии командовал танковой армией и погиб в бою) и членом ВС армии дивизионным комиссаром Куликовым П . Н. приходилось руководить действиями войск армии непосредственно самим» (из письма генерал-полковника Л . М. Сандалова Маршалу Советского Союза М . В. Захарову, декабрь 1964 г. Материал любезно предоставлен автору внучкой генерала Л . М. Сандалова). Что же касается ордена Красного Знамени,

которым был награжден Власов за победу под Москвой, то эта награда вручалась, повторюсь, согласно представленному списку, всем командующим армиями. Был в этом списке, естественно, и генерал Власов — по должности, а не по делам.

44

44 Русская Освободительная Армия (РОА) — антисоветские воинские формирования, созданные в составе вермахта из советских граждан и белоэмигрантов. До конца 1944 г. они не имели единого командования, хотя в пропагандистских целях объявлялись армией, союзнической Германии.

45

45 «Остарбайтеры» — восточные рабочие. Вербовка «дешевой» рабсилы из числа советских граждан для использования на работах в Германии началась уже в первые месяцы войны. Сначала она была ограничена и касалась главным образом военнопленных, а после приказа Вгглера от 31 октября 1941 г., развернулась в полном объеме.

24 февраля 1942 г. вышло первое распоряжение, посвященное непосредственно «остарбайтерам»: предписывалось доставить 380 тысяч рабочих рук для сельского хозяйства и 247 тысяч — для промышленности. С этого момента вербовка в России стала набирать силу. В январе в рейх был отправлен первый официальный транспорт с 1100 гражданскими рабочими, в 20-х числах того же месяца в Бранденбург из Харькова прибыл второй транспорт, численностью 1142 человека, из них 1078 металлистов. К 27 февраля 1942 г. общее число завербованных и отправленных в рейх гражданских лиц достигло уже 39 292 человека. Всего же за годы войны, согласно заключения Нюрнбергского процесса, из Советского Союза германские оккупационные власти принудительно вывезли 4 978 735 человек гражданского населения. Остарбайтеры работали в промышленности (главным образом — в угледобывающей и оборонной), сельском хозяйстве, в качестве «помощников по домашнему хозяйству».

46

46 Шандрук Павло Феофанович. Родился в 1889 г. в селе Барсуки Кременецького повета Волынской губернии, Российской империи. Окончил Нежинский историко-филологический институт князя Безбородко и Алексеевское военное училище в Москве. Участник Первой мировой войны, дослужился до звания штабс-капитана. В армии УНР с 1917 по 1920 г.; с апреля 1920-го — командир бригады Третьей железной дивизии и генерал-хорунжий. С конца 1920 г. в Польше, один из основателей военного журнала «Табор». В 1938 г. — контрактный старшина польской армии, окончил польскую Академию Генерального штаба в Варшаве. Во время боевых действий 1939 г. против немецких войск — полковник, командир 29-й бригады Войска Польского. 23 сентября 1939 г. попал в немецкий плен. Освобождён в январе 1940 г. С 1940 до 1944 г. работал руководителем кино в Скерневицах (Генерал-губернаторство, Третий рейх). 17 марта 1945 г. возглавил созданный немцами в Веймаре Украинский национальный комитет, с 24 апреля 1945 г. — командующий Украинской национальной армии (УНА), сформированной ведомством Розенберга на основе 14-й дивизии СС «Галинина» (в УНА — 1-я Украинская дивизия) и Украинской освободительной армии (в УНА — 2-я Украинская дивизия). Генерал-полковник. В конце войны вывел дивизию с Восточного фронта (Чехия) и сдался в Австрии американцам и англичанам 7 мая 1945 г. После капитуляции Германии, находясь в плену, потребовал личной встречи с генералом Владиславом Андерсом, знавшим его ещё по военным действиям в 1939 г., и по ходатайству последнего он и его украинские солдаты не были выданы советским властям. После освобождения из плена жил в эмиграции в Германии, с 1949 г. в США. В 1965 г. был награждён Андерсом (как главой польского правительства в изгнании) польским орденом Virtuti Militari за героизм во время военных действий 1939 г. Автор трудов по военной истории. Умер 15.02.1979 г. Трентоне, Нью-Джерси (США).

47

Рукопись была передана автору-составителю дочерью Ф . П. Богатырчука Т . Ф. Елецкой с разрешением опубликовать ее полностью или по частям. Рукопись не датирована, однако отдельные ее фрагменты были написаны, вероятно, еще в 1945 г. (Шандрук), а основная часть — около 1947 г.